

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК  
Институт славяноведения РАН

# Славяноведение

ЖУРНАЛ ОСНОВАН В ЯНВАРЕ 1965 г.

ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

*Журнал издается под руководством  
Отделения историко-филологических наук РАН*

5  
2021

СЕНТЯБРЬ •  
ОКТАБРЬ •

## РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

**М.А. Робинсон (главный редактор),**  
**И.Е. Адельгейм, М.М. Валенцова, Г.К. Венедиктов, М. Гардзанити (Италия),**  
**А.А. Гиппиус, Н.С. Гусев, М. Зеленка (Чехия), В.И. Косик, М.В. Лескинен, Л.В. Луховицкий,**  
**Г.Ф. Матвеев, Л. Матейко (Словакия), В.В. Мочалова, К.В. Никифоров, В. Павлович (Сербия),**  
**В.Я. Петрухин, Р. Прешленова (Болгария), М.Н. Саенко, А.С. Стыкалин, Б.Н. Флоря, О.В. Хаванова.**

*А.С. Стыкалин (отв. секретарь)*

Отделы: *И.Е. Адельгейм* (зав. отделом литературоведения),  
*Е.В. Байдалова, И.И. Баринов, О.В. Белова* (зав. отделом культурологии),  
*М.М. Валенцова* (зав. отделом лингвистики), *Е.Б. Лопатина,*  
*А.С. Стыкалин* (зав. отделом истории).

Заведующая редакцией *Г.А. Михеева*

Сотрудники редакции: *Л.А. Авакова, Е.В. Пономарева, И.Ю. Веслова*

*Адрес редакции: 119991, Москва, Ленинский пр-т, 32а*

*Телефон 8-495-938-01-20*

*E-mail: zhurslav@mail.ru*

Рукописи принимаются в электронном виде объемом: статьи не более 40 тыс. знаков, сообщения – до 30 тыс., рецензии – до 20 тыс. знаков. Статьи и сообщения должны сопровождаться краткой аннотацией (не менее 100 слов) и ключевыми словами (5–7 слов) на русском и английском языках.

Подать заявку на публикацию статьи, а также ознакомиться с содержанием журнала можно по адресу:  
<https://ras.jes.su/slav>

Научный аппарат должен быть оформлен в соответствии с правилами, принятыми в журнале. Правила оформления см. на сайте: <https://inslav.ru/page/pravila-publikacii-v-zhurnale-slavyanovedenie-information-authors>. Авторы должны предоставить сведения о степени, должности, месте работы; адрес электронной почты и контактный телефон.

© Российская академия наук, 2021

© Составление. Редколлегия журнала  
«Славяноведение», 2021

Содержание

**СТАТЬИ**

<i>Вишняков Я. В.</i> (Москва). Два взгляда на сербскую политику. Н. В. Чарыков и П. А. Капнист о внутривнутриполитическом положении Сербского королевства и Балкан начала XX века.....	5
<i>Силкин А. А.</i> (Москва). «Ночью по ВЧК арестован товарищ заведующий»: ликвидация Центрального югославянского бюро при ЦК РКП(б) в 1921 году.....	16
<i>Задорожнюк Э. Г.</i> (Москва). Вацлав Клаус: чешский политик общеевропейского масштаба (К 80-летию со дня рождения) .....	33

**ВРАТА ЦАРЕГРАДА: КОНСТАНТИНОПОЛЬ  
В ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЕ СЛАВЯН**

<i>Лескинен М. В.</i> (Москва). Сюжет об «Олеговом шите» в русской культуре XIX – начала XX века.....	49
<i>Белов М. В.</i> (Нижний Новгород). Храм св. Саввы в Белграде: репликация константинопольской Софии в эпоху мировых катаклизмов .....	67
<i>Кочукова О. В., Кочуков С. А.</i> (Саратов). Образ Константинополя в стихотворениях на страницах российской прессы в период русско-турецкой войны 1877–1878 годов.....	79
<i>Яблоков Е. А.</i> (Москва). А все-таки оно вертится («Три Рима» в пьесе М. А. Булгакова «Бег»).....	91
<i>Аржакова Л. М.</i> (Москва). Константинополь в «Путешествии в Стамбул» Иосифа Бродского.....	102

**СООБЩЕНИЯ**

<i>Свиридонова А. И.</i> (Москва). Восстановление старообрядческой церковной иерархии: от Буковины до Москвы.....	111
<i>Гкиуртзидис А. С.</i> (Афины). Греко-сербское соглашение 1867 года и роль российской дипломатии..	125

**РЕЦЕНЗИИ**

<i>Мельчакова К. В.</i> Л. Ю. Пахомова. Балканский лакмус. Австро-венгерская политика в Боснии и Герцеговине и российская дипломатия (1878–1908) .....	138
<i>Шевченко К. В.</i> Русины Австрийской империи в дневниках и воспоминаниях русских офицеров-участников Венгерского похода 1849 года .....	142
<i>Егорова К. Б.</i> Корольов Г. О. Федеративні проекти в Центральній-Східній Європі: від ідеологічної утопії до реальної політики (1815–1921 рр.) .....	147
<i>Косик В. И.</i> П. Мангачев. Акад. Димитър Михалчев – между философията и дипломацията....	150

**НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ**

<i>Новосельцева Л. К.</i> Круглый стол «Прекрасный голубой Дунай: водный рубеж, транспортная артерия, художественный образ».....	153
--	-----

**НЕКРОЛОГИ**

<i>Будагова Л. Н.</i> Памяти Регины Фридриховны Дорониной (1924–2019) .....	156
---	-----

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES  
Institute of Slavic Studies

# Slavic Studies



FOUNDED IN JANUARY 1965

PUBLISHED 6 TIMES A YEAR

SEPTEMBER •

OCTOBER •

*Published under the Division of History and Philology  
of the Russian Academy of Sciences*

## THE EDITORIAL BOARD:

**M.A. Robinson** (editor-in-chief),  
I.E. Adelgeim, M.M. Valentsova, **G.K. Venediktov**, M. Gardzaniti (Italy), A.A. Gippius, N.S. Gusev,  
M. Zelenka (Czech Republic), V.I. Kosik, M.V. Leskinen, L.V. Lukhovitski, G.F. Matveev,  
L. Matejko (Slovakia), V.V. Mochalova, K.V. Nikiforov, V. Pavlović (Serbia), V.J. Petrukhin,  
R. Preshlenova (Bulgaria), M.N. Saenko, A.S. Stykalin, B.N. Florya, O.V. Khavanova.

*A.S. Stykalin* (executive secretary)

Departments: *I.E. Adelgeim, E.V. Baidalova* (Literature);  
*O.V. Belova* (Cultural studies); *M.M. Valentsova* (Linguistics);  
*I.I. Barinov, E.B. Lopatina, A.S. Stykalin* (History).

Head of the Editorial office: *G.A. Mikheeva*

Copy Editors: *L.A. Avakova, E.V. Ponomareva, I.J. Veslova*

Address: 119991, Moscow, Leninsky Prospect, build. 32-A

Phone: +7 (495) 938-01-20

E-mail: [zhurslav@mail.ru](mailto:zhurslav@mail.ru)

Contents

ARTICLES

<i>Vishnyakov Ya. V.</i> (Moscow). Two views on Serbian politics. N. V. Charykov and P. A. Kapnist about the internal political situation in the kingdom of Serbia and in the Balkans at the beginning of the XX century .....	5
<i>Silkin A. A.</i> (Moscow). «At night VChK arrested comrade head of the Bureau»: liquidation of the Central Yugoslavian Bureau under the Central Committee of the RCP(b) in 1921 .....	16
<i>Zadorozhnyuk E. G.</i> (Moscow). Václav Klaus: A Czech politician of all-European scale. (To the 80 <sup>th</sup> anniversary of his birth) .....	33

*THE GATES OF TSAREGRAD: CONSTANTINOPLE IN HISTORY  
AND CULTURE OF THE SLAVS*

<i>Leskinen M. V.</i> (Moscow). The Plot of the Oleg's Shield in Russian Culture of the XIX – early XX centuries .....	49
<i>Belov M. V.</i> (Nizhny Novgorod). The Temple of Saint Sava: The Replication of Constantinople's Hagia Sophia in the Era of World Cataclysms .....	67
<i>Kochukova O. V., Kochukov S. A.</i> (Saratov). The image of Constantinople in poems on the pages of the Russian press during the Russian-Turkish war of 1877–1878 .....	79
<i>Yablokov E. A.</i> (Moscow). And yet it turns («Three Romes» in the Mikhail Bulgakov's «Flight») .....	91
<i>Arzhakova L. M.</i> (Moscow). Constantinople in the «Journey to Istanbul» by Joseph Brodsky .....	102

ESSAYS

<i>Sviridonova A. I.</i> (Moscow). Restoration of the Old Believer Church Hierarchy: from Bukovina to Moscow .....	111
<i>Gkiourtzidis A. S.</i> (Athens). Greco-Serbian Treaty of 1867 and the role of Russian diplomacy .....	125

REVIEWS

<i>Melchakova K. V.</i> Л. Ю. Пахомова. Балканский лакмус. Австро-венгерская политика в Боснии и Герцеговине и российская дипломатия (1878–1908) .....	138
<i>Shevchenko K. V.</i> Русины Австрийской империи в дневниках и воспоминаниях русских офицеров-участников Венгерского похода 1849 года .....	142
<i>Egorova K. B.</i> Корольов Г. О. Федеративні проекти в Центральній-Східній Європі: від ідеологічної утопії до реальної політики (1815–1921 рр.) .....	147
<i>Kosic V. I.</i> П. Мангачев. Акад. Димитър Михалчев – между философията и дипломатията .....	150

SCHOLARLY LIFE

<i>Novoseltseva L. K.</i> Round table «The beautiful blue Danube: a water frontier, a transport route and an artistic image» .....	153
--	-----

OBITUARIES

<i>Budagova L. N.</i> In memory of Regina Fridrikhovna Doronina (1924–2019) .....	156
---	-----



## Два взгляда на сербскую политику. Н.В. Чарыков и П.А. Капнист о внутриполитическом положении Сербского королевства и Балкан начала XX века

© 2021 г. Я.В. Вишняков

МГИМО МИД России  
(Москва, Российская Федерация)

vishnyakov@yandex.ru

**Аннотация.** В статье на материале донесений российских дипломатов – посла в Вене графа Капниста и посланника в Белграде Чарыкова раскрываются малоизвестные нюансы российско-сербских отношений начала XX в. Данные документы, представляя собой ценный источниковый материал, позволяют проиллюстрировать противоречивость курса российской дипломатии в регионе. Это приводило к тому, что Россия, пытаясь урегулировать балканский вопрос в выгодном для себя аспекте, одновременно становилась заложником амбиций политической элиты молодых балканских государств.

**Ключевые слова:** Сербия, Болгария, Н.В. Чарыков, П.А. Капнист, Обреновичи, Карагеоргиевичи.

**Ссылка для цитирования:** Вишняков Я.В. Два взгляда на сербскую политику. Н.В. Чарыков и П.А. Капнист о внутриполитическом положении Сербского королевства и Балкан начала XX в. // *Славяноведение*. № 5. С. 5–15. DOI: 10.31857/S0869544X0016876-6.

## Two views on Serbian politics. N.V. Charykov and P.A. Kapnist about the internal political situation in the kingdom of Serbia and in the Balkans at the beginning of the XX century

© 2021. Ya.V. Vishnyakov

MGIMO MFA of Russia  
(Moscow, Russian Federation)

vishnyakov@yandex.ru

**Abstract.** The article is based on the reports of Russian diplomats – Ambassador to Vienna Count Kapnist and Envoy to Belgrade Charykov – and it reveals little-known nuances of Russian-Serbian relations at the beginning of the XX century. These documents are a valuable source material which illustrates the contradictory course of Russian diplomacy in the region. It can be traced that Russia tried to benefit from settlement of the Balkan issue and, consequently, became a hostage to the ambitions of the political elite of young Balkan states.

**Keywords:** Serbia, Bulgaria, N.V. Charykov, P.A. Kapnist, Obrenovichi, Karageorgievichi.

**For citation:** *Vishnyakov Ya. V.* Two views on Serbian politics. N.V. Charykov and P.A. Kapnist about the internal political situation oin the kingdom of Serbia and in Balkans at the beginning of the XX century // *Slavic Studies. Journal of the Russian Academy of Sciences.* = *Slavyanovedenie.* 2021. No 5. P. 5–15. DOI: 10.31857/S0869544X0016876-6.

Берлинский конгресс 1878 г. окончательно подтвердил государственный суверенитет сербского княжества. Начинаясь новая страница сербской истории, продолжавшая до 1914 г. — начала Первой мировой войны. Эти короткие тридцать шесть лет стали поистине судьбоносными для страны, что связано с формированием основ ее государственности. Вступив в мировую войну, Сербия не только понесла огромные материальные и человеческие потери, но и принесла свой суверенитет в жертву строительству новой страны и стремлению собрать воедино «неосвобожденных братьев». Однако факт того, что именно Сербское королевство стало фундаментом для образования югославянского государства, не случаен. Российский посланник в Белграде Гр.Н. Трубецкой отметил, что «у сербов было большое преимущество долговременного пользования независимостью. Сербия была государством, имевшим все необходимые, хотя, может быть, и несовершенные органы власти, а также и прекрасную армию. Если бы объединение совершилось, то заслуга в этом деле принадлежала бы Сербии, а не Хорватии, цементом его была бы сербская кровь. Это создавало Сербии несомненное право на первенство в будущем государстве. Кроме того, если бы такое государство осуществилось, перед ним стали бы многочисленные международные задачи, для решения которых потребовалась бы сильная власть» [3. С. 105].

Действительно, изучение процессов становления основ «новой» сербской государственности, происходившее на фоне поражения революции 1848–1849 гг. и ирредентистского движения к сплочению вокруг одного центра распыленных земель Германии и Италии, важно для понимания истоков формирования Белграда как ядра югославянского объединения, к началу XX в. ставшего региональным «Пьемонтом». При этом в сознании сербской элиты именно национальные акценты стали не только увязываться с задачами внутреннего развития государства, но и превалировать над ними, создавая в стране особое смысловое поле и став апробированным арсеналом средств для идеологического воздействия на сербский социум в целом. К тому же политическая палитра государственной жизни Сербии того времени существенно опережала ее экономический рост, причем важным компонентом государственной системы страны стали партикулярные общественные отношения, базировавшиеся на традициях сербской крестьянской общины — «задруги». В этом смысле политические иллюзии правящей сербской династии Обреновичей, связанные с идеей быстрого «вхождения в Европу», зачастую выходили за рамки понимания сути этих реформ крестьянским социумом, составлявшим подавляющее большинство населения страны. Приведу в этой связи высказывание видного ученого-слависта П.А. Кулаковского, по моему мнению, весьма точно отражающее суть проводимой сербским князем (с 1882 г. — королем) Миланом Обреновичем «европеизации» страны: «Они (сербь. — *Я.В.*) очень заботятся о соблюдении внешних приличий в делах государственных, они хотят сейчас же втиснуть естественный строй сербского государства в нормы чисто европейские. Отсюда — социалисты и коммунисты в Сербии, где все довольны, потому что нет нищего человека; отсюда рабочий вопрос в Сербии, где нет фабрик, ни безземельных, ни даже слуг, которые за редким исключением все из Австрии;

отсюда — и государственные люди, увешанные австрийскими орденами, готовые за обед или прием у австрийского императора, за мечту о титуле и богатстве повести страну Бог знает куда; отсюда же — бесконечное стремление уподобиться Европе и в придворной жизни, и в этикете, и в государственном строе, и во всем том, что грозит бедой в самой Европе. Они презрительно смотрят на свой народ и не верят в его нравственную силу»<sup>1</sup>.

Понятно, что российские правящие круги внимательно следили за происходившим в стране и регионе бурлением политических страстей. Не последнюю роль в информировании петербургских правящих кругов о происходящих на Балканах событиях в начале XX в., играли донесения собственных дипломатических представителей в Вене и Белграде — П.А. Капниста и Н.В. Чарыкова [5]. Однако оценки, происходивших на Балканах событий у этих дипломатов зачастую были противоположны, что не могло не отражаться на общей позиции Петербурга по отношению как к Сербии, так и к региону в целом, а анализ их донесений позволяет глубже проанализировать механизм принятия МИД многих ключевых решений общей балканской политики. Сам Н.В. Чарыков, назначенный на пост посланника в Белграде в 1901 г., подчеркивая важность своей миссии, вспоминал, что он «никогда не работал так усиленно, как в Белграде»<sup>2</sup>.

В поле зрения российского дипломата оказались самые разнообразные стороны сербской политики — от внутренних проблем королевства, связанных с династическими интригами и борьбой политических партий, до внешнеполитических амбиций молодого балканского государства. Замечу, кстати, что еще летом 1901 г. он предупреждал петербургские правящие круги, что Сербия обращает пристальное внимание на Боснию и Герцеговину и на выход к Адриатическому морю. «Формально присоединение Австрией оккупированных ей провинций составило бы, при каком бы то ни было белградском министерстве *casus belli* для Сербии, которая поставит на карту самое свое существование, но не даст своего, хотя бы молчаливого согласия на окончательное отторжение боснийских сербов»<sup>3</sup>. Как известно, события последовавших вскоре кризисов — аннексионного осени 1908 г. и июльского 1914 г. — подтвердили предвидение российского дипломата. Не случайно, что в орбиту его внимания вошли вопросы организации сербских вооруженных сил, хотя формально они выходили за рамки его прямых обязанностей. Такой интерес Чарыкова был далеко не случаен. При формировании складывавшихся в течение XIX в. основ новой сербской государственности, в условиях экономической неразвитости страны, которая не имела ни сильной буржуазии, ни среднего и рабочего классов, именно бюрократия и армия, по словам известного югославского историка В. Дедиера, «взяли на себя ту функцию, которая в европейских государствах определялась экономическим развитием. В этом смысле сербский милитаризм возник в первую очередь как фактор организации процесса национального освобождения сербского народа от гнета Османской и Габсбургской монархий» [8. С. 78]. Кроме того, становление и развитие сербских вооруженных сил позитивно влияло на общую модернизацию страны, способствовало развитию в стране промышленности, обусловило необходимость строительства железных

<sup>1</sup> Русские о Сербии и сербах: письма, статьи, мемуары / Сост. А.Л. Шемякин, А.А. Силкин. СПб., 2006. 684 с. С. 275.

<sup>2</sup> Чарыков Н.В. Беглый взгляд на высокую политику М., 2016 г. 416 с. С. 161.

<sup>3</sup> РГВИА. Ф. 400. Оп. 4. Д. 311. Л. 9.

дорог, создания системы здравоохранения, образования, изменяло общую городскую культуру [6. С. 355–359; 7]. Именно поэтому в начале XX в. военными и политическими кругами Сербии обсуждался вопрос о характере организации вооруженных сил страны – будут ли они регулярными или народными, милиционными? Это противоречие не ускользнуло от внимательного взгляда российского посланника, который в мае 1901 г. подчеркнул: «Покойный король (Милан. – Я.В.) создавал для Сербии дорогостоящую, но хорошо обставленную активную военную силу и направлял ее на войну с Болгарией. Недавний военный министр, полковник Васич, начал пересоздание этой армии в милиционное войско, пригодное только для обороны. Сменивший его полковник Янкович, сослуживец Милана, хочет снова повернуть дело на прежнее. Наконец лозунгом влиятельной ныне радикальной партии служит сокращение военных расходов и содержание военной силы лишь в размере, необходимом для поддержания внутреннего порядка»<sup>4</sup>. Замечу, что особую роль сербских вооруженных сил в политике королевства иллюстрируют не только произошедшие вскоре трагические события – убийство 29 мая 1903 г. правящей четы Обреновичей, но и характерное для внутренней жизни Сербии 1903–1914 гг. прямое столкновение политических и военных кругов страны – членов организации «Объединение или смерть» («Черная рука») [1].

К началу XX в. положение династии Обреновичей было непростым. В стране назревал серьезный политический кризис. В апреле 1893 г. сын Милана Обреновича Александр провозгласил себя совершеннолетним, полностью узурпировав власть в стране в своих руках. Милан, вернувшись в страну из Австро-Венгрии, стал соправителем сына. В мае того же 1894 г. произошло изменение сербской конституции, которая была заменена уставом 1869 г. Тогда же было сформировано послушное Александру Обреновичу правительство Владана Джорджевича. Главу радикалов Николу Пашича сместили с поста посла Сербии в России. Последующие годы правления Обреновичей характеризуются усилением режима личной власти короля при постоянных сменах кабинетов министров, при том что 6 апреля 1901 г. Александр провозгласил новую, «удобную» для себя конституцию. И в этом накале политических страстей в стране не последнюю роль играл являвшийся предметом пристального внимания петербургских правящих кругов, роковой династический вопрос, усугубившийся решением Александра жениться на своей фаворитке, женщине значительно его старше и пользующейся дурной репутацией – Драге Машин. В этом смысле по словам сербского историка С. Йовановича, одна «револьверная пуля может положить конец целой династии» [10. С. 136]. 24 июня (6 июля) 1899 г. произошло покушение на жизнь сербского короля Милана, (так называемый иванданский атентат)<sup>5</sup>. Непосредственный исполнитель покушения 25-летний С. Кнежевич, несмотря на заявления о невинности, был приговорен к смертной казни, а приговор был приведен в исполнение в тот же день.

<sup>4</sup> РГВИА. Ф. 400. Оп. 4. Д. 311. Л. 2об.

<sup>5</sup> Покушения на Милана Обреновича совершались и ранее. Елена Маркович, жена расстрелянного в 1878 г. по обвинению в попытке организации военного переворота (так называемого тополска буна ноября 1877 г., когда два батальона сербской армии отказались принимать присягу на верность Милану Обреновичу) Еврема Марковича (брата известного сербского социалиста Светозара Марковича), 11/23 октября 1882 г. попыталась убить Милана прямо в Соборной церкви Белграда. В апреле 1883 г. ее приговорили к смертной казни, однако помиловали, но вскоре вместе со своей подружкой Еленой Кничанин она была найдена мертвой в камере пожаревацкой тюрьмы.

В литературе укоренилось мнение о том, что покушение было инспирировано самим Миланом для укрепления режима правящей династии и расправы над ненавистными ему лидерами оппозиционной Радикальной партии<sup>6</sup>. Однако, судя по всему, оппозиция режиму Обреновичей, зная неприязненное отношение российских правящих кругов к сербскому королю, пыталась получить у российских дипломатов одобрение их планов по возможному осуществлению государственного переворота. За полтора года до вышеозначенных событий П.А. Капнист в донесении от 19 февраля (3 марта) 1898 г. привел разговор с «лицом, пользующимся полным доверием г-на Симича<sup>7</sup>, который недавно был проездом в Вене и изъявил желание меня видеть во время пребывания моего в Будапеште». Вот как он изложил содержание данного разговора: «Во всей стране господствует мнение, что без благоволения России Сербии осталось бы лишь отказаться от всех своих заветных вожелений и стушеваться перед угрожающим напором Болгарии и ее пропаганде в Македонии. Между тем Милан еще не стар и может вредить своему отечеству еще неопределенное время. В этих обстоятельствах Радикальная партия, не желая прибегнуть ни к открытому восстанию, ни к покушениям, решительно не знает, что ей делать и что предпринять, чтобы не дать отечеству окончательно погибнуть. Предводители этой партии спрашивают себя, не лучше ли сделать отчаянную попытку, бросившись очертя голову в предприятие на так называемую Старую Сербию, чем гибнуть постепенно и безнадежно. Им желательно было бы знать, как Россия отнеслась бы к перевороту, который низверг бы Обреновичей, чтобы возвести на сербский престол черногорскую династию или же Карагеоргиевичей». Реакция российского посла на эти слова была вполне предсказуема. Он ответил, что «ожидать от России, чтобы она высказалась вперед перед партийными вожаками о том, как она относится к замышляемому ими перевороту, значило бы ожидать, чтобы она вступила с ними в сообщничество, а такое предположение я считаю оскорбительным для императорского правительства и выражать его при себе не позволю».

Вместе с тем Капнист высказал вполне определенное отношение к Милану российских правящих кругов: «Что же касается того, как относится Россия к Милану, то наше правительство не скрывает, что от него нечего ожидать милостей там, где он хозяйничает. Своим доброжелательством и милостями Россия располагает по своему усмотрению, но вмешиваться во внутренние дела страны и вступать в сообщничество с теми или другими партиями, она считает неуместным, нежелательным». Российский посол в этом пророчески резюмировал, что, «несмотря на явные преувеличения, вннешние партийным духом, картина внутреннего положения Сербии представляется не лишенной опасности для ее внутреннего спокойствия»<sup>8</sup>. Причем автор историко-публицистического сочинения «Преторианские тенденции в Сербии. Апис и “Черная рука”» Радован Драшкович, входивший в молодости в кружок, сформировавшийся вокруг

<sup>6</sup> При этом бывший сербский премьер-министр Владан Джорджевич в статье «Последний Обренович» писал, что Княжевича нанял сын Милана Александр. В доказательство он привел слова самого Милана, якобы сказанные им незадолго до смерти: «Последнее покушение на жизнь было делом моего единственного сына, которого я безгранично любил и для которого я пожертвовал короной и престолом. Для него я забыл, что когда-то был королем, и, поступив в ряды войск, служил ему вместе с тобою (В. Джорджевичем. — Я.В.) честно и верно. Покушение Княжевича устроил Александр с Драгой». См.: АВПРИ. Ф. «Политархив». Д. 499. Л. 94.

<sup>7</sup> Имеется в виду Д. Симич (1843–1921) известный сербский политик и дипломат. Он имел тесные связи с семьей Карагеоргиевичей, поскольку его первой женой была сестра будущего короля Петра Елены Карагеоргиевич (к тому времени скончавшаяся).

<sup>8</sup> АВПРИ. Личный архив Гартвига. Оп. 584. 1897/1898. Д. 49. Л. 20об.—24.

редакции газеты «Пијемонт», отметил, что, хотя одному из «творцов» заговора против Обреновичей – лидеру либеральной партии Сербии Г. Генчичу – так и не удалось найти общего языка с Чарыковым, тем не менее он подчеркивал дружеский характер отношений с российским послом в Вене. На вопрос Генчича кем могла бы быть заменена династия Обреновичей, российский дипломат будто бы ответил: «У вас одна династия внутри, а другая снаружи. Если останетесь без той, которая внутри, возьмите ту, что снаружи». Генчич тогда спросил, говорил ли он как граф Капнист, или как русский посол, на что последний ответил, что это его мнение как русского посла [9. С. 33].

Итогом этого кризиса стали ожидаемые трагические события, произошедшие в Белграде 29 мая 1903 г. Замечу, что донесения российского посланника в Белграде могут не только оказать существенную помощь исследователю в реконструкции хода событий той кровавой ночи, но и опровергают, несмотря на приписываемые Капнисту слова, многочисленные домыслы об участии России в свержении династии Обреновичей, в том числе и о том, что посланник Н. В. Чарыков, исполняя прямые указания Петербурга, явился истинным организатором убийства королевской четы. Если о существовании заговора против Александра и Драги догадывались многие сербские политики и аккредитованные в Белграде дипломаты, то его жестокое осуществление явилось для них полным шоком и неожиданностью. К тому же, как показала сербская исследовательница С. Раич, скандальная, ставшая роковой для династии женитьба короля не могла отрицательно сказаться на характере русско-сербских отношений, поскольку для Петербурга «неполитический» брак короля с природной сербкой был намного выгоднее, чем свадьба с одной из немецких принцесс. Да и сама Драга, как замечает исследовательница, была расположена к России и имела хорошие отношения с Н. В. Чарыковым [11. С. 333–338].

После этого убийства российский императорский двор объявил двадцати однодневный траур по королевской чете, что также показательно говорит об отношении российского императорского дома к свершившимся событиям. Примечателен также и тот факт, что в рапортах о перевороте российский посланник не упомянул одного из самых главных организаторов заговора, будущего лидера организации «Объединение или смерть» («Черная рука») капитана Д. Димитриевича (Аписа), что также характеризует весьма слабую осведомленность чинов русского дипломатического корпуса о действительном размахе антидинастического движения<sup>9</sup>.

Однако, трагические события в сербской столице в целом можно рассматривать как благоприятные для интересов Петербурга. В Европе начала XX в. «свободные престолы», куда напрямую можно было посадить своего ставленника, могли образоваться только на ее периферии, там, где проходили границы сфер влияния «больших» европейских государств. После провала российской политики в Болгарии и заключения в 1897 г. соглашения с Веной о сохранении status quo на Балканах, смена династии в Сербии могла быть благоприятна для российской дипломатии, давая новый импульс для развития внешнеполитической концепции Российской империи: сильная Сербия, как союзник России, станет препятствием для доминирования в регионе других держав, прежде всего Австро-Венгрии.

<sup>9</sup> АВПРИ. Ф. «Политархив». Д. 498. Л. 337–339об.

Вместе с тем донесения российских дипломатов в Белграде и Вене могут пролить свет на нюансы воцарения новой династии, поскольку на освободившийся сербский престол имел права и тесть Петра Карагеоргиевича — черногорский князь Никола Петрович Негош<sup>10</sup>. Его избрание, и как следствие — объединение этих двух государств под скипетром династии Негошей, могло привести к весьма опасному повороту для балканской политики великих держав, прежде всего России и Австрии. И в этом смысле интересы давних политических соперников полностью совпадали. Непосредственно в день убийства королевской четы Н.В. Чарыков доносил в МИД: «Мне известно, что Думба (военный агент Австро-Венгрии в Сербии. — Я.В.) посетил Авакумовича, чтобы предупредить его о необходимости избежать кандидатуры князя Николая Черногорского на сербский престол»<sup>11</sup>.

Именно поэтому кандидатура нового сербского короля не только не встретила негативной реакции со стороны австро-венгерских властей, но и способствовала поспешности признания Веней Петра Карагеоргиевича в качестве нового сербского монарха. Граф Капнист заметил, что «в случае постановки черногорской кандидатуры венский кабинет заявил бы категорическое несогласие к признанию, и в случае попытки фактически положить начало слиянию королевства с княжеством он воспротивился бы этому силою, так как это составило бы нарушение status quo в ущерб австрийским интересам»<sup>12</sup>. Причем эта озабоченность внутривосточным состоянием Сербии проявилась непосредственно до переворота 29 мая, что также может являться косвенным свидетельством того, что венский кабинет знал о готовящемся заговоре. Тот же Капнист в донесении от 6 (19) мая 1903 г., указывал, что «венский кабинет довольно пессимистично смотрит на положение дел в Сербии». При этом российский посол в Вене подчеркивал, что «в неустойчивости характера короля и в шаткости династии здесь усматривается серьезная черная точка на политическом горизонте, так как с падением династии мог бы быть косвенно связан вопрос о слиянии Сербии и Черногории»<sup>13</sup>. Следствием этого стало поощряемое Австро-Венгрией «соревнование» двух балканских династий, что существенно осложняло отношения двух близких славянских стран [4].

Представляемая в Петербург оценка австро-венгерской политики стала предметом серьезных разногласий между российскими представителями, вызванных к тому же собственными амбициями. Чарыков, основываясь на сведениях балканской агентуры департамента полиции<sup>14</sup>, убеждал российский МИД в ведении Австро-Венгрией на Балканах закулисной политики, что вызывало крайне негативную реакцию у российского посла в Вене, придерживавшегося мнения, что Вена строго соблюдает договоренности с Россией на основе

<sup>10</sup> Петр Карагеоргиевич был женат на дочери Николы Зорке.

<sup>11</sup> АВПРИ. Ф. «Политархив». Д. 2868. Л. 6.

<sup>12</sup> АВПРИ. Ф. «Политархив». Д. 2868. Л. 21–21об.

<sup>13</sup> АВПРИ. Ф. «Политархив». Д. 502. Л. 316об.

<sup>14</sup> Балканская агентура департамента полиции была создана в 1886 г. в Бухаресте и первоначально возглавлялась А.Е. Мищенко, которого в 1890 г. сменил полковник А.И. Будзилович, известный под псевдонимом Грабо. После его смерти в 1901 г. агентуру возглавил В.В. Тржецяк, имевший псевдоним Цитовский. В функции балканской агентуры входила слежка за российскими политическими эмигрантами и перлюстрация их почты. Можно предположить, что главным осведомителем Чарыкова являлся сотрудник заграничной агентуры департамента полиции А. Вейсман, личность весьма сомнительной репутации, сведения которого часто вызывали обоснованные сомнения в их достоверности. Так, например, на основании сведений Вейсмана, российский посланник убеждал российский МИД в том, что венские круги поддерживают отношения с одним из лидеров македонского революционного движения Борисом Сарафовым и оказывают ему денежную помощь. [1. С. 259–307; 2. С. 180–184].

соглашения 1897 г. Он, отмечая, что ему «пришлось, в силу необходимости, взять на себя весьма непривлекательную и неблагодарную роль кажущегося заступника политики той страны, в которой я представляю интересы России»<sup>15</sup>, последовательно убеждал российский МИД в отсутствии у австро-венгерских правящих кругов каких-либо тайных планов по дестабилизации обстановки в регионе. Капнист при этом подчеркивал, что российские представители на Балканах «принуждены черпать свои сведения из своеобразной среды и естественно привыкли придавать более веры тому, что слышат от наших соплеменных клиентов, иными словами “швабов”, с которыми они привыкли находиться в обостренном соперничестве»<sup>16</sup>. Так, в донесении 21 апреля 1903 г. он писал: «Соображения Чарыкова относительно существования в Австрии, помимо официальной политики, иной, подпольной деятельности, вдохновитель которой был бы барон Каллай<sup>17</sup>, никакого основания не имеют, по крайней мере, в нынешних обстоятельствах»<sup>18</sup>. В целом же донесения российского посланника в Белграде Капнист характеризовал как «типичный образец увлечения легкомысленной аргументацией».

Эти разногласия проявлялись в самых разных аспектах. Например, Чарыков, оценивая сложную внутривосточную ситуацию в Сербии особенно после воцарения нового монарха, высказывал — из-за возможных интриг Двуетной монархии — обоснованные опасения по поводу перспектив новой династии. «Опасения или, вернее надежды австро-венгерского посланника, что правление Карагеоргиевича не продолжится и вызовет усобицу, возрастает»<sup>19</sup>. Российский же посол в Вене в противовес Чарыкову — успокаивал МИД, отмечая, «что, по всем имеющимся у меня сведениям, нет решительно никакой причины предполагать, как это делает наш посланник в Белграде, чтобы венский кабинет в какой бы то ни было степени неприязненно смотрел на воцарение нового сербского короля»<sup>20</sup>, замечая, не без иронии, что эти выводы сложились у Чарыкова «постепенно под влиянием сербских рассказов в непреложные истины». Далее посол в Вене, намекая на некомпетентность посланника в Белграде, заметил: «На таких суждениях, доходящих до настоящей мономании, лежит очевидный штампель местного населения, что невольно спрашиваешь себя, насколько возможно при таких условиях правильное освещение местного положения»<sup>21</sup>.

Успокоительный тон донесений Капниста не убедил руководство российского МИД. Глава ведомства В.Н. Ламздорф написал российскому послу, что «предположение о неискренности австро-венгерской политики высказывается не только всеми дипломатическими и консульскими представителями России на Балканском полуострове и местным агентом нашей тайной полиции, но также правительствами Германии, Италии и Великобритании»<sup>22</sup>.

С другой стороны, анализ донесений российских дипломатов в Белграде и Вене позволяет оценить общий контекст балканской политики Российской империи начала XX в. Так, например, исследователям истории международных отношений

<sup>15</sup> АВПРИ. Ф. «Политархив». Д. 498. Л. 356.

<sup>16</sup> АВПРИ. Ф. «Политархив». Д. 502. Л. 308об.

<sup>17</sup> Каллай Б. (1839–1903) — австрийский политический деятель. С 1882 г. занимал пост общеимперского министра финансов и заместителя Боснии и Герцеговины.

<sup>18</sup> АВПРИ. Ф. «Политархив». Д. 502. Л. 283–283об.

<sup>19</sup> АВПРИ. Ф. «Политархив». Д. 2868. Л. 91.

<sup>20</sup> АВПРИ. Ф. «Политархив». Д. 502. Л. 391об.

<sup>21</sup> АВПРИ. Ф. «Политархив». Д. 502. Л. 322–323.

<sup>22</sup> АВПРИ. Ф. «Политархив». Д. 502. Л. 347.

хорошо знакомы обстоятельства российско-османских переговоров 1911 г., более известные как «демарш Чарыкова». Однако будущий российский посол в Стамбуле, видимо, находясь под влиянием мыслей, высказываемых ему сербскими политическими деятелями<sup>23</sup>, начал вынашивать идею объединения балканских государств еще будучи посланником в Белграде. Ее основой, по мнению посланника, мог стать сербо-болгарский союз. Не случайно убийство последнего Обреновича Чарыков напрямую увязал с его нежеланием следовать национальным идеалам страны. Он отметил: «Если бы внутренняя политика короля Александра оставалась национальной, то не было бы катастрофы»<sup>24</sup>. Отмечу, что он до конца своих дней являлся последовательным сторонником этой мысли, а в мемуарах прямо заметил: «Этим народам надо объединиться, чтобы защитить свои общие балканские интересы»<sup>25</sup>. Причем, если будучи послом в Османской империи он ратовал за «широкий план Балканской федерации включавшей Турцию»<sup>26</sup>, то в марте 1903 г. декларировал необходимость заключения скорейшего политического соглашения между Сербией и Болгарией и передела балканских владений Османской империи – прежде всего территорий Старой Сербии и Македонии<sup>27</sup>. Российский посланник заметил, что главной причиной, «мешающей сербам и болгарам прийти к предложенному соглашению по македонскому вопросу, является то обстоятельство, что в своих соображениях о распределении обоюдных сфер влияния в трех вилайетах обе стороны не принимают во внимание интересов других народностей, с которыми, между тем, нельзя не считаться»<sup>28</sup>.

Данные взгляды российского посланника в Белграде особенно интересны в контексте вспыхнувшего летом того же 1903 г. Илинденского восстания, после подавления которого, в октябре в австрийском замке Мюрцштег представители России и Австро-Венгрии разработали проект реформ в Македонии, который предусматривал ее новое административно-территориальное деление, преобразование судебных и административных учреждений, а также ввод на ее территорию международной жандармерии. Кроме того, российская дипломатия всерьез рассматривала возможность предоставления Македонии автономного статуса. Помимо Капниста эту идею поддержал не менее известный дипломат Нелидов, который, доказывая преимущество этого шага для русской политики, писал в апреле 1904 г. из Парижа: «К тому же с освобождением Болгарии и начертанием ей в Сан-Стефанском трактате чрезмерных границ со всех концов Македонии стали стекаться в княжество для науки и службы молодые славяне, теперь пользующиеся приобретенными там местами, положением и влиянием, чтобы способствовать освобождению оставшихся под турецким игом братьев. Со своей стороны, Сербия будет точно так же стремиться к поданию помощи старо-сербским славянам,

<sup>23</sup> Можно предположить, что эти мысли русскому посланнику активно внушал Йован Джайа – известный политик, соратник сербского премьера Н. Пашича, министр сербской полиции, а после отставки – редактор и издатель сербской газеты «Народ», являвшийся негласным осведомителем российского департамента полиции. Временный поверенный в Белграде В.В. Муравьев-Апостол-Коробьин отмечал: «Джайа спит и видит политический союз Сербии с Болгарией и всеми мерами старается привить эту идею, к еще не вполне освоившимся с нею сербам». (АВПРИ. Ф. «Политархив». Д. 499. Л. 560б.).  
<sup>24</sup> АВПРИ. Ф. «Политархив». Д. 2868. Д. 360б.

<sup>25</sup> *Чарыков Н.В.* Беглый взгляд на высокую политику. С. 165.

<sup>26</sup> *Чарыков Н.В.* Беглый взгляд на высокую политику. С. 166.

<sup>27</sup> Под понятием «Старая Сербия» следует понимать северо-западную Македонию, Косово и Метохию, Прешево, Буяновац, Пчине и Рашку. В географическом смысле это понятие возникло в ходе первого сербского восстания (1804–1813) как определение ядра средневековой сербской государственности. Этим же понятием в начале XX в. оперировали не только ученые, но и политические деятели Сербии.

<sup>28</sup> АВПРИ. Ф. «Политархив». Д. 502. Л. 217.

и эти притязания соплеменных нам Балканских государств, по моему глубокому убеждению, вовсе не идут вразрез с русскими интересами на Балканском полуострове. Славяне его естественные обитатели, и наша прямая выгода покровительствовать им там самостоятельному утверждению и развитию, угрозу которого они видят в распространении в этих местностях чуждого завоевательного австрийского влияния».

Российские дипломаты несколько расходились во взглядах на будущее управление Македонии. Если Капнист считал необходимым назначить трех губернаторов «трех различных народностей — болгарина, серба и грека», то, по мнению Нелидова, «автономия должна быть одна для всей Македонии, с назначением державами христианского генерал-губернатора, под начальством коего могут находиться несколько других губернаторов». По его мнению, такое положение вещей, а именно «сознание общности интересов совокупности македонских вилайетов приведет к слиянию в одно целое сознанием срединного автономного македонского княжества, правительство которого не будет ни стремиться к присоединению к Болгарии, ни подчиняться греческому влиянию, ни противоречить австрийской теории о избежании возникновения на развалинах Турции крупного объединенного государства. Такая Македония, мало различная по размерам от Греции или Болгарии, будет служить к поддержанию равновесия между другими Балканскими государствами и послужит, во всяком случае, к установлению на Балканах собственной политической жизни с исключением всяких чужих попыток захвата. Быть может, придется мало-помалу изменять ее границы для округления соседних государств, но оставить ядро с выходом к морю и, следовательно, со всеми условиями независимого существования. Сомнительно, чтобы устройство такого государства, которое не усилит ни Болгарию, ни Грецию вызовет решительное противодействие со стороны Сербии и Черногории»<sup>29</sup>.

Донесения российских дипломатов в Вене и Белграде начала XX в. являются дополнительной иллюстрацией противоречивого и непоследовательного курса профессиональной дипломатии Российской империи начала XX в., связанного со спорами российских дипломатических агентов вокруг пересмотра принципа *status quo* и создания Балканского союза между Сербией, Болгарией и Грецией. Замечу, что «демарш Чарыкова» 1911 г., предлагавшего создать балканскую федерацию с участием в ней Османской империи, потерпел неудачу в том числе и из-за того, что как Сербия, так и Болгария, считали именно раздел европейских владений Османской империи необходимым условием реализации своих национальных устремлений, а российские посланники в Софии и Белграде — А.В. Неклюдов и Н.Г. Гартвиг оказывали им в этом свою поддержку.

Таким образом, проблема сербо-болгарского сближения и раздела территорий Османской империи априори не могли иметь справедливого решения, а российская дипломатия, пытаясь урегулировать балканский вопрос в выгодном для себя аспекте, одновременно становилась заложником амбиций политической элиты молодых балканских государств.

#### СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АВПРИ — Архив внешней политики Российской империи  
РГВИА — Российский государственный военно-исторический архив

<sup>29</sup> АВПРИ. Ф. Личный архив Гартвига. Оп. 584. Д. 49. Л. 33–35.

## СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

- Архив внешней политики Российской империи Ф. «Политархив». Д. 498, 502, 2868.  
Архив внешней политики Российской империи Ф. Личный архив Гартвига. Оп. 584. Д. 49.  
Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 400. Оп. 4. Д. 311.  
Русские о Сербии и сербах: письма, статьи, мемуары / Сост. А.Л. Шемякин, А.А. Силкин. СПб., 2006. 684 с.  
Чарыков Н.В. Беглый взгляд на высокую политику. М., 2016 г. 416 с.

## СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Вишняков Я.В. Военный фактор и государственное развитие Сербии начала XX в. 2 изд. М., МГИМО, 2016. 529 с.
2. Каширин В.Б. Дозорные на Балканах. Русская военная разведка в странах Балканского полуострова накануне и в годы Первой мировой войны. М., 2014. 632 с.
3. Трубецкой Гр.Н. Русская дипломатия 1914–1917 гг. и война на Балканах. Монреаль, 1983. 282 с.
4. Хлебникова В.Б. Черногория: феномен национальной государственности. 1878–1916 гг. М., 2016. 239 с.
5. Чернов О.А. Дипломатическая деятельность и исторические взгляды Н.В. Чарыкова. Самара, 2010. 224 с.
6. Bjelajac M. Vojska kao factor modernizacije // Srbija u modernizacijskim procesima XX veka. Beograd, 1994. 452 s. S. 355–359.
7. Бјелаци М. Дипломатија и војска. Србија и Југославија 1901–1999. Београд, 2010. 314 с.
8. Dedijer V. Sarajevo 1914. Beograd, 1978. Knj. II. 350 s.
9. Драшкович Р. Преторијанске тежње у Србији: Апис и «Црна рука». Београд, 2006. 319 с.
10. Јовановић С. Влада Александра Обреновића. Београд, 1931. Књ. II.
11. Рајић С. Александр Обреновић. Владар на прелазу векова сукобљени светови. Београд, 2011. 560 с.

## REFERENCES

1. Bjelajac M. Vojska kao factor modernizacije // *Srbija u modernizacijskim procesima XX veka*. Beograd, 1994. 452 s. S. 355–359.
2. Bjelajac M. *Diplomatija i vojska. Srbija i Jugoslavija 1901–1999*. Beograd, 2010. 314 s.
3. Charykov N.V. *Beglyy vzglyad na vysokuyu politiku* М., 2016. 416 s. (In Russ.)
4. Chernov O.A. *Diplomaticheskaya deyatelnost' i istoricheskie vzglyady N.V. Charykova*. Samara, 2010. 224 s. (In Russ.)
5. Dedijer V. *Sarajevo 1914*. Beograd, 1978. Knj. II. 350 s.
6. Drašković R. *Pretorijanske težnje u Srbiji: Apis i «Crna ruka»*. Beograd, 2006. 319 s.
7. Hlebnikova V.B. *Chernogoriya: fenomen nacional'noj gosudarstvennosti. 1878–1916 gg*. М., 2016. 239 s. (In Russ.)
8. Jovanović S. *Vlada Aleksandra Obrenovića*. Beograd, 1931. Knj. II.
9. Kashirin V.B. *Dozornye na Balkanah. Russkaya voennaya razvedka v stranah Balkanskogo poluostrova nakanune i v gody Pervoy mirovoj vojny*. М., 2014. 632 s. (In Russ.)
10. Rajić S. *Aleksandr Obrenović. Vladar na prelazu vekova sukobljeni svetovi*. Beograd 2011. 560 s.
11. *Russkie o Serbii i serbah: pis'ma, stat'i, memuary* / Sost. A.L. Hemyakin, A.A. Silkin. SPb., 2006. 684 s. (In Russ.)
12. Trubeckoj Gr.N. *Russkaya diplomatiya 1914–1917 gg. i vojna na Balkanah*. Monreal', 1983. 282 s. (In Russ.)
13. Vishnyakov Ya.V. *Voennyj faktor i gosudarstvennoe razvitie Serbii nachala HKH v. Izd-e 2*. М., МГИМО, 2016. 529 s. (In Russ.)

### Информация об авторе

**Вишняков Ярослав Валерианович**,  
доктор исторических наук, профессор  
кафедры всемирной и отечественной  
истории МГИМО МИД России,  
г. Москва, Российская Федерация.  
ORCID ID: 0000-0002-2316-7116  
E-mail: vishnyakov@yandex.ru

### Information about the author

**Yaroslav V. Vishnyakov**,  
Dr. Hab. (History), Professor of the Department  
of World and National History  
MGIMO MFA of Russia,  
Moscow, Russian Federation.  
ORCID ID: 0000-0002-2316-7116  
E-mail: vishnyakov@yandex.ru



Славяноведение, 2021, № 5, с. 16–32

Slavic Studies. Journal of the Russian Academy of Sciences, 2021, № 5, pp. 16–32

DOI: 10.31857/S0869544X0016742-9

Оригинальная статья /  
Original Article

«Ночью по ВЧК арестован товарищ заведующий»:  
ликвидация Центрального югославянского бюро  
при ЦК РКП(б) в 1921 году

© 2021 г. А.А. Силкин

Институт славяноведения РАН  
(Москва, Российская федерация)

alexander.silkin.as@gmail.com

**Аннотация.** В статье рассматривается деятельность Центрального югославянского бюро при ЦК РКП(б) на завершающем этапе Гражданской войны. Согласно утверждениям советской и югославской историографии социалистического периода, югославянские коммунистические организации в 1920–1921 гг., главным образом, занимались тем, что способствовали возвращению на родину югославын – бывших австро-венгерских подданных, участвовавших в Гражданской войне на стороне как красных, так и белых. Документы, использованные в данной статье, позволяют утверждать, что указанные организации не столько способствовали репатриации соотечественников, сколько пытались «присвоить» часть полномочий большевистских карательных органов. А именно: право по своему усмотрению решать, кто из югославын является «пролетарским элементом» и в качестве такового может рассчитывать на возвращение, а кто подлежит заключению в концентрационный лагерь с целью дальнейшего выбора из них заложников. В заключение автор предлагает свое видение причин закрытия указанных организаций югославын-коммунистов.

**Ключевые слова:** Центральное югославянское бюро агитации и пропаганды, РКП(б), ВЧК, военнопленные, коммунисты-югославыне, концлагеря, заложники, Гражданская война

**Ссылка для цитирования:** Силкин А.А. «Ночью по ВЧК арестован товарищ заведующий»: ликвидация Центрального югославянского бюро при ЦК РКП(б) в 1921 году // Славяноведение. 2021. № 5. С. 16–32. DOI: 10.31857/S0869544X0016742-9.

«At night VChK arrested comrade head of the Bureau»: liquidation of the Central Yugoslavian Bureau under the Central Committee of the RCP(b) in 1921

© 2021. A.A. Silkin

Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences  
(Moscow, Russia)

alexander.silkin.as@gmail.com

**Abstract.** The article examines the activities of the Central Yugoslavian Bureau under the Central Committee of the RCP(b) at the final stage of the Civil War. According to the Soviet and Yugoslav historiography of the socialist period, the Yugoslavian communist organizations in 1920–1921 were mainly engaged in facilitating the return of the Yugoslavs – former Austro-Hungarian subjects who participated in the Civil War on both sides – to their homeland. The documents chosen for the article make it possible to assert that these organizations did not contribute to the repatriation of compatriots as much as they tried to «appropriate» part of the powers executed by the Bolshevik punitive organs. Namely, the right to decide at own will who of the Yugoslavians is a «proletarian element» and, thus, can count on return, and who is subject to imprisonment in a concentration camp so that the hostages can be later chosen from them. In conclusion, the author gives his vision of the reasons for the closure of the mentioned organizations of the Yugoslav communists.

**Keywords:** Central Yugoslavian Bureau of Agitation and Propaganda, RCP (b), VChK, prisoners of war, Yugoslav communists, concentration camps, hostages, Civil War

**Reference for citation:** *Silkin A.A.* «At night VChK arrested comrade head of the Bureau»: liquidation of the Central Yugoslavian Bureau under the Central Committee of the RCP(b) in 1921 // Slavica Studies. Journal of the Russian Academy of Sciences. = Slavyanovedenie. 2021. No. 5. Pp. 16–32. DOI: 10.31857/S0869544X0016742-9.

2 марта 1920 г. в Москве было образовано Центральное югославянское бюро агитации и пропаганды (ЦЮБ) при ЦК РКП(б) – последнее из крупных объединений коммунистов-югославян, существовавших в России в период Гражданской войны. Предыстория появления ЦЮБ и его деятельность до августа 1921 г. довольно подробно изучены как советской, так и югославской историографией. Что касается первой, то организациям иностранных коммунистов в Советской России посвящены статьи, монографии и сборники документов, опубликованные сотрудниками Института славяноведения и балканистики АН СССР, – самостоятельно и в сотрудничестве с белградским Институтом современной истории<sup>1</sup>.

Из книги В.В. Зеленина «Под красным знаменем Октября» (1977 г.) мы узнаем об обстоятельствах возникновения ЦЮБ и некоторых направлениях его работы. Однако объективного представления о югославянских коммунистах, – «героях, вписавших славные страницы во всемирную летопись пролетарского интернационализма»<sup>2</sup>, – читателю составить не удастся. В частности, недостоверно описание роли ЦЮБ в репатриации тысяч югославян, оказавшихся в России в ходе Первой мировой войны. Бюро преподносилось как едва ли не благотворительная организация, которая озабочена единственно тем, чтобы бывшие австро-венгерские военнопленные, безотносительно того, на какой стороне они участвовали в Гражданской войне, побыстрее воссоединились со своими семьями [2].

Туманом покрыто окончание «жизненного пути» ЦЮБ, что в целом характеризует историю пребывания иностранных коммунистов в СССР в 1920–1930-е годы, как ее излагала советская историография. Представители оной в силу присущего им идеологизированного подхода и объективных ограничений разрывались между необходимостью восхвалять «героев-интернационалистов» и невозможностью рассказать об их конечной участи. Например,

<sup>1</sup> Участие югославских трудящихся в Октябрьской революции и гражданской войне в СССР: Сб. док. и материалов. М., 1976; Советско-югославские отношения. 1917–1941 гг.: Сборник документов и материалов. М., 1992.

<sup>2</sup> Подобным образом персонажи книги преподносятся в аннотации, помещенной после оглавления.

о пребывании в СССР Филипа Филиповича во втором томе академической «Истории Югославии» сказано лишь то, что, «находясь в 20–30-х годах в эмиграции, он отдавал много сил научной работе» [4. С. 279].

Разумеется, в начале 1920-х годов приверженность интернационализму не приводила к столь фатальным последствиям, как занятия наукой в 1937–1938 гг. Тем не менее, Зеленин ни в монографии, ни в подготовленных им сборниках документов не привел убедительного объяснения роспуска Югославянского бюро. Таковым нельзя считать утверждение, будто его членам опостылела бюрократическая работа, так как «вооруженные бесценным опытом пролетарской революции в России» они «горели желанием применить этот опыт в революционной борьбе у себя на родине» [2. С. 222].

По сравнению с советской, достижения югославской науки в изучении роли «югославянских трудящихся» в РСФСР после Октябрьского переворота более значительны. Отчасти это объясняется тем, что историки СФРЮ, очевидно, имели более свободный доступ к переданным советской стороной копиям документов Центрального партийного архива Института марксизма-ленинизма, чем советские – к оригиналам. Труды Богумила Храбака и Николы Б. Поповича [7; 9], а также сборники документов<sup>3</sup>, подготовленные Поповичем, и его «свежая» монография «Сербы в Гражданской войне в России. 1918–1921» (2005 г.) скрупулезно реконструировали деятельность коммунистов-югославян, что избавляет меня от необходимости освещать сугубо фактологическую сторону интересующей темы. Поэтому тем, кто, прежде всего, нуждается в сведениях о численности, ареале и результатах активности ЦЮБ и более ранних организаций, действовавших под руководством РКП(б), я рекомендую обратиться к работе старшего коллеги. В заслугу автору следует также поставить то, что он, в отличие от В. В. Зеленина, далек от идеализации тех, о ком пишет. Например, об участии действовавшего под руководством ЦЮБ Югославянского совета в процессе репатриации соплеменников указано, что тот, «призывая подходить к проблеме эвакуации с общегуманитарных, а не классовых позиций, сам на практике не следовал своему же призыву» [8. С. 277].

В то же время, описывая завершающий этап существования ЦЮБ, Попович не вполне обоснованно утверждал, что к его упразднению привело сокращение численности югославян-коммунистов в РСФСР и самостоятельное решение функционеров бюро. Они якобы пришли к заключению, что со своим опытом революционной и классовой борьбы будут более полезными на родине [8. С. 261]. Поэтому свой вклад в изучение деятельности ЦЮБ я вижу в том, чтобы пролить свет на его деятельность в 1921 г. и сделать предположение относительно причин его ликвидации.

Предтечей ЦЮБ стала Югославянская группа РКП(б), возникновение которой заняло несколько месяцев – с апреля по июнь 1918 г. Ее сформировали в Москве бывшие австро-венгерские военнопленные и диссиденты Сербского добровольческого корпуса Владимир Чопич, Иван Матузович, Никола Ковачевич и др. Возглавлял группу (ЮГ) в первые месяцы ее существования известный черногорский коммунист Вукашин Маркович, оказавшийся в России задолго до революции. ЮГ вошла в Федерацию иностранных групп РКП(б),

<sup>3</sup> Zbornik sećanja Jugoslovena učesnika Oktobarske revolucije i građanskog rata u Rusiji 1917–1921. Beograd, 1977; Učešće jugoslovenskih radnih ljudi u Oktobarskoj revoluciji i građanskom ratu u SSSR. Beograd, 1979.

в которой состояли аналогичные венгерские, немецкие, чехословацкие и прочие объединения.

В течение 1918 г. группа организовывала собственные филиалы в провинциальных российских городах, издавала газету «Всемирная революция» и отправляла во все концы агитаторов, которые обрабатывали представителей национальных меньшинств и многочисленных иностранцев, волею судеб оказавшихся в России. Разумеется, ЮГ не оставалась в стороне от борьбы с «буржуазией». В роли таковой выступила Югославянская революционная федерация во главе с профессором Радославом Йовановичем, выполнявшим в Москве обязанности сербского консула после отъезда из России в феврале 1918 г. сербского посланника М. Спалайковича. Одержать верх над классовым врагом удалось посредством доносов, из которых ВЧК узнала, что руководители федерации «не выражают волю сербских рабочих и крестьян, которые стонут под ярмом сербской и австрийской буржуазии, а наоборот действует противно их интересам»<sup>4</sup>. Настойчивые просьбы товарища Чопича, уполномоченного ходатайствовать перед Ф.Э. Дзержинским [2. С. 146] о том, «чтобы лица, связанные с контрреволюцией, были арестованы», получили удовлетворение в августе 1918 г., когда московские члены федерации оказались на Лубянке<sup>5</sup>.

Конец 1918 г. отмечен кадровыми переменами в ЮГ, в которой был обнаружен внутренний враг. Еще 25 сентября В. Маркович от имени группы подписал обращение к югославским рабочим и крестьянам: «Дабы не пропасть постыдно, напряжем свой ум и поспешим встать под международное красное знамя [...] на благо всего человечества»<sup>6</sup>. А 4 октября на перевыборах председателя за его кандидатуру не было подано ни одного голоса. 5 ноября во время конференции группы по требованию ее членов Марковичу не предоставили слово под тем предлогом, что он якобы «сеял раздор в группе и говорил в федерации иностранных групп, что в группе имеется провокатор. Маркович встает и, уходя, кричит: “Так и есть. Среди вас — провокаторы!”». На требование указать их он отказывается и заявляет, что назовет их имена в ЦИК. После этого он уходит»<sup>7</sup>.

Вскоре покинули организацию и недоброжелатели первого председателя. В ноябре 1918 — январе 1919 г. в Югославию отправились несколько десятков югославских коммунистов, включая перечисленных основателей ЮГ. После этого, по словам В.В. Зеленина, ее деятельность «почти полностью прекратилась» [2.С. 167], с тем чтобы возобновиться в феврале 1919 г. Новый состав группы продолжил решать прежние задачи, а именно, бороться с сербским консульством в Москве, «которое, хотя официально ликвидировано, но все-таки еще существует и поддерживает южнославянскую (сербскую) буржуазию»<sup>8</sup>. Дабы положить этому конец, 20 марта 1919 г. члены группы приняли решение об образовании Югославянского совета рабочих и крестьянских депутатов (ЮС), который занял помещение консульства (Солянка, д. 6, 4/6.) и, вообще, «все дома в Москве, которые принадлежат южнославянской буржуазии». Не ограничившись недвижимым имуществом консульства, Совет объявил, что присваивает его право «защиты южнославянских граждан, проживающих

<sup>4</sup> Učešće jugoslovenskih radnih ljudi. S. 153.

<sup>5</sup> В заключении в Москве руководство федерации пробыло до ноября 1918 г., после чего ему разрешили уехать на родину. Однако Р. Йованович остался и продолжил свою «дипломатическую» деятельность.

<sup>6</sup> Učešće jugoslovenskih radnih ljudi. S. 166.

<sup>7</sup> Učešće jugoslovenskih radnih ljudi. S. 193.

<sup>8</sup> Советско-югославские отношения. С. 66–67.

в России», а также собирается «установить демократические сношения как с Югославией, так и с русскими властями и добиться своего признания».

В затянувшемся противостоянии, которое с Р. Йовановичем и его соратниками вели югославские коммунисты, нашел отражение двойственный характер внешнеполитического курса большевиков. С одной стороны, сербское консульство, как и прочие дипломатические представительства, воспринималось как конкурент в борьбе за политическое влияние на массы бывших австро-венгерских военнопленных югославы, стремившихся вернуться на родину. И если задачей федерации/консульства был «сбор добровольцев для сербской армии на Салоникском фронте, организация трудовых отрядов для работы на заводах во Франции и в Англии, а в России – невмешательство во внутренние дела» [8. С. 39], то большевики планировали использовать репатриантов в интересах «мировой революции». В реализации этого намерения ЮГ/ЦЮБ и прочим группам при РКП(б) отводилась важная роль, о которой В. И. Ленин говорил в марте 1919 г. на VIII съезде партии: «Велась пропаганда и агитация среди находящихся в России иностранцев, и был организован целый ряд иностранных групп. [...] Сотни тысяч военнопленных из армий, которые империалисты строили исключительно в своих целях, передвинувшись в Венгрию, в Германию, в Австрию, создали то, что бациллы большевизма захватили эти страны целиком. И если там господствуют группы или партии с нами солидарные, то это благодаря той [...] работе иностранных групп в России, которая составляла одну из самых важных страниц в деятельности Российской коммунистической партии, как одной из ячеек Всемирной коммунистической партии»<sup>9</sup>.

С другой стороны, советская власть, осуществляя в отношении буржуазных государств нелегальную деятельность, одновременно пыталась установить с ними «нормальные» дипломатические отношения. Этим, в частности, объясняется тот факт, что не подверглись жестким репрессиям сотрудники федерации/консульства, которые, как утверждает Зеленин, пользовались «известными симпатиями в Наркоминделе» [2. С. 147]. По-видимому, в их судьбе положительную роль сыграли расхождения относительно предпочтительности субверсивных или конвенциональных средств внешней политики, имевшиеся у Коминтерна (и контролируемых его органов безопасности) и НКВД с первых лет существования большевистского режима.

Как ни странно, создание Югославянского совета, изгнавшего консульство из его резиденции, тоже было продиктовано желанием советской власти установить отношения с Королевством СХС. Это подтверждается тем фактом, что вскоре после формирования ЮС его председатель и секретарь Илия Милкич и Антон Добник (28 апреля и 16 мая 1919 г.) отправили два послания «сербско-хорватско-словенскому правительству в Белграде». В них сообщалось, во-первых, что ЮС «взял под свою защиту всех югославы, находящихся в России», и, во-вторых, что «правительство [...] Советской России всеми силами старается облегчить их отъезд, даже тем югославянам, которые с оружием в руках шли против него». В ответ на столь великодушное поведение властям Королевства СХС следовало «принять срочно необходимые меры», то есть вступить в дипломатические сношения с большевиками, а также перевести Совету «первоначально минимум сто тысяч (100.000) руб.»<sup>10</sup>.

<sup>9</sup> Ленин В. И. Полное собрание сочинений. 5-е изд. XXXVIII. М., 1969. С. 148.

<sup>10</sup> Советско-югославские отношения. С. 70–72.

Ни то, ни другое требование не было выполнено, что в апреле 1921 г. подвигло следующее руководство ЮС в лице Драгутина Садуря и Димитрие Георгиевича (Бугарского) отправить еще одну «радиограмму» югославскому правительству. Последнее упрекалось за то, что «упорно продолжало свою политику молчания и не [пред]принимало шагов к сближению» с РСФСР. Пообещав «идти навстречу справедливейшим требованиям югославянского элемента», ЮС призывал власти королевства следовать его примеру, а именно, подходить к проблеме репатриации военнопленных «с гуманитарной точки зрения, но ни в коем случае не с точки зрения классовых интересов». В заключение авторы письма выразили надежду, что официальный Белград «немедленно начнет переговоры с РСФСР с целью обмена пострадавших, измученных людей, переживших кровавую войну и тоскующих теперь по родине»<sup>11</sup>.

Эти послания побуждают задаться вопросом: почему Милкич с Добником не отправили их от имени Югославянской группы, руководителями которой они являлись, а сформировали для этого отдельное объединение? По-видимому, большевикам казалось, что иностранные советы рабочих и крестьянских депутатов при взгляде из столиц буржуазных государств должны были выгодно отличаться от ЮГ и аналогичных групп, потому что участие последних в подрывной деятельности за границей даже не скрывалось, как видно из процитированного публичного выступления Ленина. Советы же вождь пролетариата еще в работе, написанной в 1906 г., преподносил не как партийные структуры, а как «продукт самобытного народного творчества, [...] проявление самостоятельности народа»<sup>12</sup>, т.е. как почти нейтральные в политическом отношении организации, членами которых могли быть и беспартийные<sup>13</sup>. В Югославянском совете роль «беспартийного» исполнял его секретарь Антон Добник<sup>14</sup>.

Претензию на нейтральность можно проследить во многих документах ЮС. Например, в протоколе собрания, на котором говорится о формировании совета и присвоении здания консульства, на это намекают слова о намерении «установить демократические сношения как с Югославией, так и с русскими властями и добиться своего признания». В послании от 16 мая 1919 г. особый статус ЮС подтверждается приведенной куртуазной «дипломатической» перепиской с Комиссариатом иностранных дел, у которого испрашивалось разрешение эвакуировать «несколько тысяч югославян». В ответ на это обращение НКВД «имеет честь сообщить [...], что готов оказать всяческое содействие для отправки на родину военнопленных». Стоит лишь «указать численность» и «желательный срок отправки».

Отмечу, что ЮС не был ни первой, ни единственной «аполитичной» организацией иностранцев в РСФСР, которая пыталась, как пишет Г. Милорадович, «посредством репатриации установить контакты с правительством Королевства СХС, а впоследствии добиться признания им нового большевистского режима в России» [6. С. 87]. С этой целью видные члены ЮГ Лазар Вукичевич и Никола Грулович, отправившиеся в Югославию в январе 1919 г., в феврале в облике

<sup>11</sup> Там же. 115–117.

<sup>12</sup> Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Издание пятое. XII. М., 1968. С. 316.

<sup>13</sup> Соответствующим образом югославянский и прочие советы преподносились официальной советской историографией: «Иностранные Советы представляли собой массовые, беспартийные организации революционно настроенных трудящихся из зарубежных стран. [...] Основными функциями их были: [...] эвакуация на родину бывших военнопленных, их материальное обеспечение» [3. С. 217].

<sup>14</sup> Učešće jugoslovenskih radnih ljudi. S. 415.

членов Комитета по реэвакуации из России (действовавшего «совершенно самостоятельно») предстали перед премьер-министром Стояном Протичем. Ему «был вручен меморандум о положении пленных в России. [...] Председатель правительства отказался от сотрудничества с большевиками как по этому, так и по любому другому поводу, что отражало его твердую позицию непризнания нового порядка в России, а также служило сигналом недоверия к югославам, обслуживавшим советскую внешнюю политику» [6. С. 87].

Подчеркну, действуя по указке большевистского руководства и симулируя самостоятельность, ЮС/ЮГ/ЦЮБ, на самом деле, стремились к максимальной свободе действий. Н.Б. Попович привел несколько примеров того, как члены совета и группы перечили своим кураторам из ИККИ и РКП(б) [8. С. 177, 198]. Например, в июне 1919 г., когда Исполком Коминтерна принял решение о переводе ЮГ из Москвы на Украину. В письме товарищам по группе И. Милчки перечислил пять (!) возражений, которые он выказал члену бюро ИККИ Густава Клиндеру: «[...] d) Из-за переселения на Украину здесь пришлось бы все дезорганизовать, а там организовать, а для этого потребовалось бы много времени и без какой-либо пользы для общего дела; e) в конце я сказал, что на Украине у нас уже есть свои люди и свои группы, через которых осуществляется пропаганда среди нашего элемента, находящегося на Украине»<sup>15</sup>.

*Volens nolens* большей части югославских коммунистов, состоявших в ЮГ и ЮС, пришлось перебираться в Киев, где они пробыли до конца августа, когда город был взят белыми. В начале сентября 1919 г. члены Группы и Совета снова оказались в Москве, где им представился новый повод поспорить за свои полномочия с вышестоящими органами: «До 30 сентября 1919 года советы (иностраннных коммунистов. — А.С.) самостоятельно выдавали разрешения на проживание, однако в конце сентября [...] Народный комиссариат иностраннных дел предложил вступить в контакт с подотделом по делам иностранцев при Московском совете<sup>16</sup>, чтобы только по согласованию с ним выдавались разные удостоверения личности для иностранцев. [...] После этого выдача удостоверения личности иностранцам перешла в ведение подотдела, однако нам удалось добиться того, чтобы без одобрения (*sic!*) нашего совета паспорт не выдавался ни одному югославянскому гражданину. Это было необходимо для более тщательной проверки и регистрации югославян»<sup>17</sup>.

Последняя цитата из отчета Д. Садуры отражает присущее не только ему и его товарищам, а многим иностранным коммунистам представление о собственной исключительной компетентности в вопросах, касавшихся судеб тысяч их соплеменников. Иллюстрацией подобного самомнения служат высказывания членов Польского бюро, которые в силу своего высокого положения в большевистской иерархии могли себе позволить бóльшую откровенность<sup>18</sup>. Любой член ЮГ/ЮС подписался бы под следующими тезисами из отчетов и писем поляков в Политбюро РКП(б), если заменить «польский» на «югославянский»: «Польская работа требует [...] особых знаний и подготовки, нуждаясь в партработниках высокой квалификации». Поэтому «общее политическое руководство всеми отраслями работы, имеющими отношение к польскому

<sup>15</sup> Učešće jugoslovenskih radnih ljudi. S. 293–294.

<sup>16</sup> Имеется в виду Московский городской совет депутатов трудящихся (Моссовет).

<sup>17</sup> Učešće jugoslovenskih radnih ljudi. S. 417.

<sup>18</sup> В состав Польбюро входили Юлиан Мархлевский, Иосиф Уншлихт, Софья Дзержинская и др. Председателем Польбюро был Ф. Дзержинский.

населению, должно быть сосредоточено» в руках Польбюро [5. С. 72–73]. Своей задачей во взаимоотношениях с советской властью Польбюро считало «воздействие (*sic!*) на ЦК Партии и руководящие советские органы в том направлении, чтобы все польские дела разрешались с пониманием интересов польского пролетариата»<sup>19</sup>.

Сами «руководящие советские органы» несколько иначе видели роль иностранных групп, что в начале 1920 г. привело, по словам Зеленина, к «организационной перестройке работы» последних. А именно: VIII съезд и VIII конференция РКП(б) постановили, что партия «ни в коем случае не должна превращаться в федерацию самостоятельных коммунистических организаций», а «должна быть единой во главе с Центральным комитетом, который руководит работой всех ее организаций [...] независимо от национального состава» [2. С. 209]. Ради воплощения этого принципа в марте 1920 г. упраздняясь Федерация иностранных групп, члены которых должны были влиться в общепартийные структуры РКП(б). При этом группы не растворялись бесследно, а преобразовывались в центральные бюро, одним из которых стало югославянское (ЦЮБ), сформированное 2 марта 1920 г. ЦЮБ, председателем которого избрали И. Милкича, курировало югославянские отделы, секции и бюро агитации и пропаганды, организованные при местных партийных комитетах в Сибири, Туркестане, Москве, Петрограде и т.д.

Описанные меры должны были сузить круг деятельности объединений иностранных коммунистов, которые лишались бы возможности «воздействовать на ЦК» или озвучивать «одобрение» решений органов верховной государственной власти в столице РСФСР. Подтверждение того, что именно в этом состоял замысел руководства РКП(б), можно обнаружить в документах Польбюро. Отчитываясь о работе весной-летом 1920 г., оно с гордостью заявляло, что в связи с «разгаром военных действий на Западном фронте» «не могло наравне с другими бюро национальных меньшинств ограничить своей деятельности исключительно агитацией и пропагандой»<sup>20</sup>.

Что касается ЦЮБ, то оно, хоть и не участвовало в советско-польской войне, в 1920 – начале 1921 г. тоже сохранило часть полномочий, выходящих за рамки, определенные его новым правовым статусом. По-видимому, казавшиеся реалистичными перспективы советизации Польши, разрушения Версальской системы и разжигания мировой революции заставляли большевистский режим менее придирчиво следить за тем, как поляки и остальные бюро соблюдали границы формально дозволенного. Поэтому в отчете ЦЮБ о проделанной работе от 10 сентября 1920 г. наряду с «усиленной агитацией и пропагандой», а также с «литературно-издательской деятельностью» упоминалась и «отправка на родину надежных товарищей, способных осуществлять нелегальную партийную деятельность»<sup>21</sup>.

Из процитированного отчета следует, что в конце августа 1920 г. Революционный военный совет Республики удовлетворил просьбу ЦЮБ, одобрив формирование Югославянского отделения на 150 курсантов при двух московских пехотных курсах подготовки командного состава. Отмечу, что месяцем

<sup>19</sup> Документы и материалы по истории советско-польских отношений. М., 1965. Т. III. С. 495.

<sup>20</sup> Документы и материалы. С. 493.

<sup>21</sup> Učešće jugoslovenskih radnih ljudi. S. 407–411.

ранее Польревком<sup>22</sup> (Польбюро) принял решение о формировании в Смоленске польских объединенных командных курсов с отделениями пехоты, артиллерии, кавалерии и т.д., пополнявшихся и за счет военнопленных [5. С. 18–19]. «16 ноября польские командные курсы – написал И.И. Костюшко – переведены из Смоленска в Москву и вливались в 1-е Московские командные курсы в виде польского отделения. В нем насчитывалось 100 курсантов» [5. С. 47].

Вообще, сопоставление польских и югославянских документов наводит на мысль, что для ЦЮБ и аналогичных объединений иностранных коммунистов авторитетное Польбюро служило ориентиром, помогавшим определить, какую степень самостоятельности можно себе позволить. Это предположение подтверждается и тем фактом, что Польбюро провело Всероссийскую конференцию коммунистов-поляков в мае 1920 г., а ЦЮБ организовало Всероссийскую конференцию югославянских коммунистов в октябре того же года<sup>23</sup>. Не исключено, что вышеописанное «подражание» югославян полякам объяснялось тем, что и те и другие выполняли одну и ту же начальственную волю. Однако, этой версии противоречит то обстоятельство, что идея создания офицерских курсов не была «спущена сверху», а родилась у самого ЦЮБ, «поскольку с разных сторон в Центральное бюро поступали просьбы югославянских товарищей принять их на курсы по подготовке командных кадров» [8. С. 252]. Вне зависимости от того, выполняло ли ЦЮБ те же директивы, что и Польбюро, или по своему усмотрению воспроизводило его шаги, в деятельности обеих организаций присутствовало очевидное сходство. Прослеживается оно и в подходе к проблеме военнопленных и интернированных лиц.

Как известно, Польбюро (Польревком) принимало самое активное участие в наступлении Красной армии на Польшу. Его «уполномоченные» присутствовали во всех значимых органах управления войсками. На занятых территориях подчинявшиеся Польбюро «ревкомы» обеспечивали «революционный порядок и общественную безопасность», создавали «гражданскую милицию». Что касается пленных, то Польбюро, по словам Костюшко, «производило сегрегацию их по классовой принадлежности». Находившиеся в лагерях обычные солдаты – представители беднейших слоев – заслуживали мягкого отношения. Их следовало лучше кормить, знакомить с положением русского пролетариата и, разумеется, подвергать индоктринации – «приготавливать умы к революционной оценке отношений [...] по возвращении в страну» [5. С. 57].

Иной была участь классово чуждых элементов и всех, кто представлял опасность для «революции в Польше». В конце июля 1920 г. Польбюро попросило военные власти и НКВД произвести их учет, а в августе приняло отдельное постановление: «Всех представителей польской крупной буржуазии и помещиков, всех известных своим сочувствием белополякам арестовать и направить в концентрационные лагеря» [5. С. 18]. Таких пленников, которых запрещалось называть «заложниками», надлежало «числить в распоряжении» Польревкома. Тот использовал их для обмена на коммунистов, арестованных в Польше. Как сообщает процитированный автор, «6 декабря Польбюро создало комиссию из представителей ВЧК, НКВД и Польбюро для решения вопроса, кого и когда следовало бы обменивать» [5. С. 60]. Отмечу, что большевики

<sup>22</sup> Полное название – Временный революционный комитет Польши.

<sup>23</sup> 16 августа 1920 г. в Москве состоялась Всероссийская конференция немецких коммунистических секций РКП(б); 26–29 сентября 1920 г. – Всероссийская конференция венгерских агитпропотделов, организованная Центральным бюро венгерских секций агитации и пропаганды при РКП(б) [3. С. 487, 372].

практиковали захват иностранных граждан и до войны с Польшей. Об этом, в частности, свидетельствует телеграмма, которую в августе 1918 г. исполняющий обязанности председателя ВЧК Яков Петерс отправил Петроградской чрезвычайной комиссии: «Арестуйте как заложников всех богатых французов и англичан. Арестуйте всех французских, английских, сербских офицеров за исключением имеющих дипломатическое качество»<sup>24</sup>.

Центральное югославянское бюро не участвовало в событиях на польском фронте и не устанавливало советскую власть на оккупированной территории. Тем не менее 1 апреля 1921 г. его члены решили, что в отношении бывших офицеров-югославын, участвовавших в Гражданской войне на стороне белых, они должны иметь ровно те же полномочия, что и Польбюро. Соответствующее заявление, направленное в Политбюро ЦК РКП(б), я привожу без сокращений:

«1921 г., апреля 1, Москва

### В ПОЛИТБЮРО ЦК РКП

Дорогие товарищи,

В Югославии, как Вам известно, в настоящее время происходит одновременно и страшнейший белый террор против Коммунистической партии Югославии, и новые формирования остатков контрреволюционных войск Врангеля.

Центральное Югославянское Бюро доводит до Вашего сведения, что на территории РСФСР находится довольно большое количество Югославянских офицеров, служивших даже в рядах Колчаковской Армии, и при разгроме таковой они с начала попадали в Сибирь в тюрьмы, но постепенно — наблюдается, что эти лица эвакуируются за границу, и таким образом им дается вторичная возможность, — так как это было при Колчаке, организовать новые военные части из непросвещенных и темных югославянских масс против Советской России и против Югославянских Коммунистов Югославии.

Во избежание всего вышеизложенного, Центральное Югославянское Бюро ходатайствует перед Вами об срочном прекращении эвакуирования бывших офицеров юго-славян (сербов, хорватов, словенцев), а напротив сконцентрирования таковых в один из Концлагерей, где они будут поставлены под строжайший контроль. А затем Центральное Бюро Югославии просит сделать соответствующее распоряжение, чтобы вообще всякая санкция какой бы то ни была эвакуации югославянских подданных с территории РСФСР предварительно обсуждалась Юго-славянским Советом, управляемым Центральным Югославянским Бюро, которому лучше всего известно о всех находящихся на территории РСФСР югославянах, большая часть которых принимала активное участие при Колчаке.

Член Президиума ЦЮБ  
Секретарь»<sup>25</sup>

Из доступных архивных источников ничего не известно о реакции Политбюро на это обращение. Однако, из приведенного ниже документа следует, что

<sup>24</sup> Гвардейцы Октября. Роль коренных народов стран Балтии в установлении и укреплении большевистского строя / сост. В.А. Гончаров, А.И. Кокурин. М.: Индрик, 2009. С. 146.

<sup>25</sup> Москва — Сербия, Белград — Россия: сборник документов и материалов. IV. Русско-сербские отношения. 1917—1945 гг. / Сост. А.Ю. Тимофеев, Г. Милорадович, А.А. Силкин. Београд: Архив Србије, М.: Главное архивное управление города Москвы, 2017. С. 255.

НКВД якобы благосклонно отнесся к инициативе ЮС и ЦЮБ. Воодушевленные реальной или мнимой поддержкой Совет и Бюро не теряли времени даром и в течение того же месяца подробно сформулировали, кому место в концентрационном лагере и какими полномочиями они должны располагать в отношении узников. 16 апреля Садура и Георгиевич от имени ЮС предложили ЦЮБ «назначить одного опытного и более свободного товарища с целью пересмотра всех заключенных югославянских граж[дан], находящихся в Концентрационных Лагерьх, для выбора заложников из заключенных. [...] По мнению Совета, объявленные заложниками должны быть концентрированы без исключения все в г. Москве»<sup>26</sup>.

25 апреля председатель и секретарь Совета направили ЦЮБ для утверждения «инструкцию», которая уточняла, кого именно следует «объявлять» заложником:

«1) Считаясь с отсутствием нормальных сношений с Югославией и задержанием там русских военнопленных, Югославянский Совет в согласии с Наркоминделом (отношение от 5 марта с.г. за № 12/937.) полагает необходимым ограничить отправку в Югославию исключительно пролетарским элементом, возвращение которых признается желательным в политическом отношении.

2) Безусловно воспрещается эвакуировать нижеследующие категории югославянских граждан:

а) бывш. офицеров как австро-венг., так и сербских, а также Одесских и других добровольческих армий

б) Всех интеллигентов без исключения.

Примечание: интеллигенты, принадлежащие к РКП, должны на эвакуацию иметь особое на то разрешение от Югославян. Ц. Бюро при ЦК РКП.

в) Всех бывш. сербских и черногорских подданных без исключения.

3) Считаясь с существованием белого террора в Югославии и с гонением Коммунистов, Югославянский Совет решил набирать известных югославянских граждан в качестве заложников. В виду этого заложниками объявляются:

а) Все офицеры старой сербской и черногорской армий.

б) Все влиятельные высшие офицеры б. австро-венг. армии югославянского происхождения.

в) Все бывшие поставщики (интенданты) сербской армии, действующие в районе Украины и Сибири.

г) Все влиятельные гражданские лица, происходящих из буржуазного и интеллигентного класса.

д) Все лица, приносящие вред идее Советской власти.

4) Лицо, объявленное заложником, должно быть по возможности в короткий срок отправлено в распоряжение Югославянского Совета в г. Москву для заключения в Концентрационный Лагерь [...]»<sup>27</sup>.

ЦЮБ, состоявшее из тех же людей, что и ЮС, в тот же день (25 апреля) утвердило данную инструкцию. В «сообщении» об этом (28 апреля) также

<sup>26</sup> Москва – Сербия, Белград – Россия. С. 256.

<sup>27</sup> Москва – Сербия, Белград – Россия. С. 257–258.

говорилось, что «на тов. Садуру возложено войти в связь с ВЧК относительно пересмотра концентрационных лагерей для выбора заложников из среды заключенных югославян»<sup>28</sup>. Следует подчеркнуть, что в те же дни ЮС отправил правительству Королевства СХС процитированную «радиограмму», в которой призывал ни в коем случае не рассматривать вопрос репатриации с классовой точки зрения.

Прежде чем перейти к реакции ВЧК на обращение Д. Садуры, отмечу, что интерес югославских товарищей к заключенным возник не на пустом месте. В документах ЦЮБ 1920–1921 гг. имеются письма, которые узники концлагерей направляли туда (с ведома лагерных администраций) с просьбой подтвердить их национальную и партийную принадлежность. Реагируя на одно из них, бюро в июне 1920 г. писало коменданту Ивановского концентрационного лагеря, что «получило заявление от Тагир-Кадира [...], заключенного в Вашем лагере, который заявляет, что он член Югославянской коммунистической группы и просит содействовать в его освобождении. Так как он [...] никому из наших членов неизвестен, то мы просим сообщить, кто он, какой национальности и действительно ли он член Югославянской группы РКП»<sup>29</sup>.

Встречаются и доносы, которые направляли с мест бдительные товарищи, призывавшие покарать плененных белогвардейцев. Например, члены омского Украинско-чешско-словенско-юго-славянского областного отдела при областном бюро РКП(б) просили «принять меры» в отношении бывшего поручика сербского полка Перича, «который сделал много вреда нашим рабочим», а теперь находится «здесь в лагере». Авторы послания выражали надежду, что «помянутый не ускользнет из-под штыка»<sup>30</sup>.

Относительно количества набранных заложников из числа указанных в инструкции категорий югославян, в доступных документах нет соответствующих сведений. В пользу того, что они имелись и активно использовались эмиссарами Москвы в качестве аргумента в отношениях с властями Королевства СХС, свидетельствует имеющаяся запись из справочника Министерства внутренних дел, в котором упоминается Вукашин Маркович. Примерно в то время, когда составлялись приведенные документы, т.е. весной 1921 г., бывший председатель ЮГ отправился в Югославию, где его в июле арестовала полиция. По итогам допросов о нем была составлена следующая запись:

«Маркович Др. Вукашин — врач, родом из Черногории. Воспитанник русской большевистской школы. Комиссар по югославским вопросам в России. Фанатичный большевистский агитатор. Один из основателей югославской партии в России и член югославянского совета в Москве. Недавно вернулся из России и на допросе признался, что является близким другом Троцкого. Его предупредили, чтобы он здесь не занимался агитацией, однако он тем не менее целую ночь по приезде провел среди своих родственников, рассказывая им о большевистском режиме и восхваляя его. Когда его привлекли за это к ответу, заявил, что мы ничего не смеем с ним сделать, так как наши граждане, все еще находящиеся в России, взяты в заложники, дабы обеспечить ему свободу передвижения по нашему королевству»<sup>31</sup>.

<sup>28</sup> Москва—Сербия, Белград—Россия. С. 259.

<sup>29</sup> РГАСПИ. Ф. 549. Оп. 6. Д. 40. Л. 41.

<sup>30</sup> РГАСПИ. Ф. 549. Оп. 6. Д. 45. Л. 1.

<sup>31</sup> Arhiv Jugoslavije. Fond 14. Ministarstvo unutrašnjih poslova Kraljevine Jugoslavije. 2. 17360.

Что касается отношений героев статьи с чекистами, то их нельзя назвать безоблачными. С самого начала деятельность ЦЮБ, как и прочих организаций иностранных коммунистов, курировал уполномоченный ВЧК соответствующей национальности. До лета 1920 г. эти обязанности выполнял некий Миланович (агентурный псевдоним — «Ястреб»), который в донесениях Оперативному и Особому отделам ВЧК, а также ее Иностранному бюро характеризовал ЦЮБ не иначе как «контрреволюционное гнездо», которое вместо пролетариев отправляет на родину «контрреволюционный элемент», а также принимает в партию и зачисляет в штат преподавателей военных курсов «вчерашних белогвардейцев, [...] разных майоров, штабс-капитанов»<sup>32</sup>. От обитателей «гнезда» Ястреб своего мнения не скрывал, поэтому в июне 1920 г. они написали на него заявление начальникам указанных отделов с просьбой «принять самые энергичные меры против того, чтобы [...] без фактов обвинять [...] учреждение и то еще партийное [...], причем только разлагается агитационная и пропагандистическая работа». Начальники-чекисты вняли пожеланиям, и спустя месяц вместо Милановича, «согласно наших переговоров и Вашей рекомендации», назначили уполномоченным «тов. Латича»<sup>33</sup>. Увы, это была пиррова победа...

В марте 1921 г., т.е. за месяц до того, как руководство ЦЮБ озвучило намерение заведовать набором заложников, были арестованы десять преподавателей военных курсов — «все лекторы, как партийные, так и беспартийные, — бывшие офицеры в колчаковской армии»<sup>34</sup>. Слушатели курсов избежали ареста, но отправились «на практику»: участвовать в подавлении Тамбовского восстания. В связи с этим 19 мая ЦЮБ направило в Конфликтный подотдел ЦК РКП(б) эмоциональное письмо, в котором сообщалось, что «невозможно работать в таком невыясненном положении». В адрес ЦК выдвигались два требования: 1) дать ответ, могут ли арестованные «еще и далее оставаться в рядах нашей партии, несмотря на то что они находились в рядах колчаковской армии»; 2) «от лиц, сделавших на них донесения в ЧК, затребовать заявления о том, какие обвинения имеются против товарищей со дня их поступления в партию».

Жалоба не только не была удовлетворена, но и привела к пагубным для руководства ЦЮБ и ЮС последствиям. 6 июля 1921 г. был арестован Д. Садура. Как следует из протокола состоявшегося в тот же день заседания президиума бюро, произошло это, «несмотря на то, что он депутат Московского совета, без ведома которого нельзя было его арестовать»<sup>35</sup>. Тогда же «ночью по ВЧК арестован заведующий Центральное бюро тов. Кодрня». На оставшихся на свободе товарищей это произвело деморализующее воздействие, что видно из заявления о выходе из ЦЮБ, которое 9 июля 1921 г. в ЦК РКП(б) отправил член президиума Драгутин Видневич:

«[Из] справк[и], которую я получил при ВЧК относительно выяснения [причин] ареста членов Ц[ентрально]го югославянского бюро, [следует] что тт. члены Ц[ентрально]го бюро арестованы по распоряжению ЦК РКП(б), т.е. [з]а подлоги и клевет[у], которые подали известные члены. Между тем в ЦК РКП(б), в конфликтном отделе, сказали мне, что им никакого распоряжения об аресте не последовало, из чего явствует, что в этом вопросе имеются

<sup>32</sup> РГАСПИ. Ф. 549. Оп. 6. Д. 45. Л. 16.

<sup>33</sup> РГАСПИ. Ф. 549. Оп. 6. Д. 45. Л. 24.

<sup>34</sup> Москва — Сербия, Белград — Россия. С. 264.

<sup>35</sup> РГАСПИ. Ф. 549. Оп. 6. Д. 312. Л. 25.

грязные интриги. Вследствие того заявляю, что я не могу брат[ь] на себя ответственност[ь] за работу в Ц[ентрально]м бюро и не хочу вследствие того принять[ь] участие в дальнейшей работе Ц[ентрально]го югослав[янского] бюро до тех пор, пока не будет выяснено положение и пока атмосфера в Ц[ентрально]м югослав[янском] бюро при ЦК РКП(б) не будет прочищена, и не будет видно, с кем имеем дело»<sup>36</sup>.

Через две недели, стало «видно», что Д. Видневич правильно не поверил справке, полученной от ВЧК. Ей совершенно не требовалось распоряжение партийных органов, которые только после ареста Кодрни и Садуры принялись задним числом «шить» им дело. 23 июля 1921 г. состоялось заседание Центральной контрольной комиссии (ЦКК) при ЦК РКП(б) под председательством секретаря ЦКК М.И. Чельшева<sup>37</sup>, которая исключила обоих «из членов РКП без права вступления вновь в члены партии»<sup>38</sup>. Кодрню заклеямили как «некоммуниста по убеждению и по своей сущности, как карьериста, ведшего все время узколичную самодержавную политику, дезорганизирующую югославянскую группу коммунистов». Садуру — как «бывшего офицера Сербского добровольческого корпуса», «примазавшегося» к РКП(б) и Красной армии «ради материальной выгоды». Конкретно он обвинялся в том, что «сокрыл от партии свое прежнее офицерское положение в войсках русского самодержавия», а также неверно называл в анкетах свой прежний род занятий, а именно — «слесарь», «студент», «пролетарий». Состав преступления, вменявшийся бывшему заведующему ЦЮБ, указывает на то, что агент Ястреб не зря писал свои донесения: «Кодрня [...] отправлял бывших колчаковских офицеров под фирмой коммунистов за границу, принимал темных личностей с белогвардейским прошлым [...] в партию, что предполагает особую цель. Дело Кодрня отправить для специального расследования в ВЧК».

Тем не менее, дуэт бывших руководителей ЦЮБ и ЮС, а также преподавателей военных курсов, участь которых обсуждалась на том же заседании ЦКК, не подвергли жестким репрессиям. «Штабс-капитанов», которые к концу июля уже оказались на свободе, постановили исключить из партии «как абсолютно не коммунистический элемент», не способный «воспринять пролетарскую идеологию». При этом комиссия не видела «препятствий их выезду на родину». Более того, преподавателям разрешили доработать на курсах до окончания учебного года в качестве «беспартийных военспецов [...] под надзором комиссара». Что касается Садуры и Кодрни, в узилище они, по-видимому, находились недолго. Освободившись, оба остались жить в СССР. Первый, если верить хорватскому историку И. Очаку, в 1920–1930-е годы работал в Коминтерне и Профинтерне, а также в Госшвейпроме. Как и многие, расстрелян в 1938 г., посмертно реабилитирован в 1956 г. [10. С. 159]. Кодрне, в отличие от его товарища, повезло, причем дважды. В первый раз — когда он уцелел во время Большого террора. Во второй — когда в 1946 г. вовремя умер в Загреббе, куда вернулся после окончания войны<sup>39</sup>. Проживи он еще пару лет — оказался бы в числе первых, кого Тито репрессировал как советских шпионов.

<sup>36</sup> Москва — Сербия, Белград — Россия. С. 267.

<sup>37</sup> Чельшев Михаил Иванович (1888–1937) — член ЦКК РКП(б). В 1922–1928 гг. — судья Верховного суда СССР. Затем — председатель Московского областного суда. Репрессирован.

<sup>38</sup> РГАСПИ. Ф. 549. Оп. 6. Д. 312. Л. 24.

<sup>39</sup> Učešće jugoslovenskih radnih ljudi. S. 478

Однако, вернемся в июль 1921 г., когда вслед за арестом руководителей начался процесс ликвидации бюро. Вместо Кодрни и Садуры, а также Видневича, уволившегося по собственному желанию, в президиум вошли новые товарищи, прибывшие из Ташкента и Одессы. Они, следуя воле какого-то высокого начальства, оценивали перспективы ЦЮБ совсем не так, как его прежние члены. Уже 11 июля «новое руководство [...] сообщило Оргбюро ЦК РКП(б), что Центральное югославянское бюро должно прекратить свою деятельность, потому что на территории РСФСР нет югославянских партийных организаций» [8. С. 279, 281].

В августе отправились на родину слушатели и преподаватели военных и партийных курсов. Тогда же последние руководители бюро в ожидании того, что оно «в скором времени (на днях) ликвидируется»<sup>40</sup>, попытались провести инвентаризацию казенного имущества, в 1919 г. реквизированного у «сербской буржуазии». Судя по отсутствию письменных следов, попытка не удалась, что было вполне ожидаемо. Наследники Кодрни и Садуры, призывая товарищей по Совету произвести учет, едко констатировали, что «до сегодняшнего дня об [...] имуществе никто и никому не давал отчета, [...] большая часть этого имущества уже растащена и неведомо кому и на каких основаниях выдана». Последним документом ЦЮБ стал датированный 8 сентября 1921 г. список 83 югославянских коммунистов, оставшихся жить в РСФСР.

Итак, приведенные документы опровергают распространенное в отечественной и сербской историографии утверждение, будто в конце 1920 – первой половине 1921 г. члены бюро, узнав, что у них на родине «революция на пороге», самостоятельно «расценили, что их работа естественным образом приближается к концу» [8. С. 278]. Несмотря на массовую эвакуацию югославян в Королевство СХС, сами Садура, Кодрня, Видневич и прочие строили амбициозные планы продолжения карьеры в Москве, которым не суждено было сбыться. Непосредственные причины этого лежат на поверхности. К ликвидации ЦЮБ привели «грязные интриги» Ястреба-Милановича и, возможно, других нам не известных «уполномоченных», придирчиво следивших за своими соплеменниками. Не исключено, что чекистов и партийное руководство раздражали попытки ЦЮБ добиться того же статуса, которым располагали польские товарищи. *Quod licet Iovi, non licet bovi.*

На произошедшее также повлияли обстоятельства более общего характера. Таковым можно считать Генеральную партийную чистку, охватившую РКП(б) как раз летом 1921 г. Кого Центральной контрольной комиссии следовало исключать из партии, если не тех, кто, по оперативным данным ВЧК, раздавал партбилеты бывшим колчаковцам и допускал их до воспитания будущих красных командиров?

Имело значение и положение Советской России на международной арене. 18 марта 1921 г. подписан мирный договор с Польшей, в результате чего перспектива мировой революции отодвинулась на неопределенное время. 30 апреля принято решение о демобилизации из Красной армии иностранцев, потребность в которых уменьшилась в ситуации, когда Советам, по словам Ленина, пришлось «ограничиться оборонительной позицией по

<sup>40</sup> РГАСПИ. Ф. 549. Оп. 6. Д. 96. Л. 477.

отношению к Антанте»<sup>41</sup>. Военное поражение не могло не сказаться на самой влиятельной из организаций иностранных коммунистов в РСФСР – Польбюро. Несмотря на возражения его членов, в течение 1921 г. несостоявшееся правительство Советской Польши было низведено до уровня одной из секций подотдела национальных меньшинств в Отделе агитации и пропаганды ЦК РКП(б) [5. С. 76]. Югославянское бюро не могло сохраниться даже в таком урезанном виде.

По-видимому, определенную роль сыграло и то, что Коминтерн все более развивался как иерархическая система и как центр коммуникации его членов. Резолюции III конгресса (июнь-июль 1921 г.) предусматривали «укрепление связей компартий с Исполкомом Коминтерна, превращение партий в секции единой международной партии [...], введение института уполномоченных представителей ИККИ в компартиях» [1. С. 37]. В этой ситуации продолжение существования стихийно возникших и претендовавших на автономность иностранных бюро и советов при РКП(б) выглядело неуместным.

#### СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

- РГАСПИ. Ф. 549. Оп. 6. Ед. хр. 40, 45, 96, 312.  
Arhiv Jugoslavije. Fond 14. Ministarstvo unutrašnjih poslova Kraljevine Jugoslavije. 2. 17360.  
Гвардейцы Октября. Роль коренных народов Балтии в установлении и укреплении большевистского строя / Сост. В.А. Гончаров, А.И. Кокурин. М.: Индрик, 2009.  
Документы и материалы по истории советско-польских отношений. М., 1965. III.  
*Ленин В.И.* Полное собрание сочинений. 5-е изд. М., 1969. Т. XXXVIII.  
Москва – Сербия, Белград – Россия: сборник документов и материалов. IV. Русско-сербские отношения. 1917–1945 гг. / Сост. А.Ю. Тимофеев, Г. Милорадович, А.А. Силкин. Белград: Архив Србије, М.: Главное архивное управление города Москвы, 2017.  
Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б) и Коминтерн: 1919–1943 гг. Документы. М.: РОССПЭН, 2004.  
Советско-югославские отношения. 1917–1941 гг.: Сборник документов и материалов. М., 1992.  
*Učešće jugoslovenskih radnih ljudi u Oktobarskoj revoluciji i građanskom ratu u SSSR.* Beograd, 1979.

#### СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Адибеков Г.М., Шахназарова Э.Н., Шириня К.К.* Организационная структура Коминтерна. 1919–1943. М.: РОССПЭН, 1997. 288 с.
2. *Зеленин В.В.* Под красным знаменем Октября. Югославянские интернационалисты в Советской России. 1917–1921. М., 1977. 253 с.
3. Интернационалисты. Трудящиеся зарубежных стран – участники борьбы за власть советов. М., 1967. 615 с.
4. История Югославии. М., 1963. Т. 2. 430 с.
5. *Костошко И.И.* Из истории советско-польских отношений. Польское бюро ЦК РКП(б). 1920–1921 гг. М., 2005. 143 с.
6. *Милорадович Г.* Карантин идей: Лагерь для изоляции «подозрительных лиц» в Королевстве сербов, хорватов и словенцев в 1919–1922 гг. М.: REGNUM, 2010. 228 с.
7. *Поповић Н.Б.* Исклучење др Вукашина Марковића из Југословенске групе при РКП(б) // Историјски записи. 1970. № 3–4. С. 347–354.
8. *Поповић Н.Б.* Срби у грађанском рату у Русији 1918–1921, Белград, 2005. 318 с.
9. *Popović N.B.* Jugoslovenska centralna komunistička organizacija u Rusiji (1918–1921) // Prilozi za istoriju socijalizma. 1968. № 5. S. 237–318
10. *Očak I.* Sudionici Oktobarske revolucije iz Siska i okolice // Radovi. Zagreb: Zavod za Hrvatsku povijest, 1993. Vol. 26. S. 151–161.

<sup>41</sup> Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б) и Коминтерн: 1919–1943 гг. Документы. М.: РОССПЭН, 2004. С. 65.

## REFERENCES

1. Adibekov G. M., Shakhnazarova E. N., Shirinia K. K. *Organizatsionnaia struktura Komintern. 1919–1943*. Moscow, ROSSPEN publ., 1997, 288 p.
2. *Internatsionalisty. Trudiashchiesia zarubezhnykh stran – uchastniki bor'by za vlast' sovetov*. Moscow, 1967, 615 p. (In Russ.)
3. *Istoriia Iugoslavii*. Moscow, 1963. II. 430 p. (In Russ.)
4. Kostiusenko I. I. *Iz istorii sovetsko-pol'skikh otnoshenii. Pol'skoje biuro TsK RKP(b). 1920–1921 gg.* Moscow, 2005, 143 p. (In Russ.)
5. Miloradovich G. *Karantin idej: Lageria dlia izoliatsii «podozritel'nykh lits» v Korolevstve serbov, khorvatov i sloventsev v 1919–1922 gg.* Moscow, REGNUM Publ., 2010, 228 p. (In Russ.)
6. Očak I. *Sudionici Oktobarske revolucije iz Siska i okolice. Radovi*. Zagreb, Zavod za Hrvatsku povijest, 1993. Vol. 26, pp. 151–161.
7. Popović N. B. *Jugoslovenska centralna komunistička organizacija u Rusiji (1918–1921). Prilozi za istoriju socijalizma*. 1968, No. 5, pp. 237–318
8. Popović N. B. *Isključenje dr Vukašina Markovića iz Jugoslovenske grupe pri RKP(b). Istorijski zapisi*. 1970, No. 3–4, pp. 347–354.
9. Popović, N. B. *Srbi u građanskom ratu u Rusiji 1918–1921*, Beograd, Institut za savremenu istoriju, 2005, 318 p.
10. Zelenin V. V. *Pod krasnym znamenem Oktyabrya. Yugoslavyanskije internacionalisty v Sovetskoj Rossii. 1917–1921*. Moscow, Mysl' publ., 1977, 253 p. (In Russ.)

## Информация об авторе

**Александр Александрович Силкин**,  
Кандидат исторических наук,  
старший научный сотрудник Отдела истории  
славянских народов периода мировых войн,  
Институт славяноведения РАН,  
г. Москва, Российская Федерация;  
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7836-4993>  
E-mail: [alexander.silkin.as@gmail.com](mailto:alexander.silkin.as@gmail.com)

## Information about the author

**Alexander A. Silkin**  
PhD. (History), Senior Researcher,  
Department of the History  
of Slavic Peoples during interwar period,  
Institute of Slavic Studies  
of the Russian Academy of Sciences,  
Moscow, Russian Federation;  
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7836-4993>  
E-mail: [alexander.silkin.as@gmail.com](mailto:alexander.silkin.as@gmail.com)



*Славяноведение*, 2021, № 5, с. 33–47

*Slavic Studies. Journal of the Russian Academy of Sciences*, 2021, № 5, pp. 33–47

DOI: 10.31857/S0869544X0016743-0

Оригинальная статья /  
Original Article

## Вацлав Клаус: чешский политик общеевропейского масштаба (К 80-летию со дня рождения)

© 2021 г. Э.Г. Задорожнюк

Институт славяноведения РАН  
(Москва, Российская Федерация)

elzador46@mail.ru

**Аннотация.** Проанализированы основные вехи биографии Вацлава Клауса – высококвалифицированного экономиста и видного политического деятеля Чехии, повлиявшего на ключевые события в жизни своей страны и отвечающего на вызовы времени в целом. Отмечены особенности повышенной активности Клауса в период 2019–2021 гг., связанные с созданием его сыном Клаусом-младшим в 2019 г. партии «Триколор», пандемией коронавируса и инцидентом во Врбетице. Подчеркнута приверженность Клауса чешским национальным традициям, включающим опору на конструктивные чешско-российские отношения.

**Ключевые слова:** Вацлав Клаус, Чешская Республика, Российская Федерация, Европа, политические партии, Гражданская демократическая партия, президентство, Палата депутатов, Сенат, чешско-российские связи, национальные традиции, Институт Вацлава Клауса.

**Ссылка для цитирования:** *Задорожнюк Э.Г.* Вацлав Клаус: чешский политик общеевропейского масштаба. (К 80-летию со дня рождения) // *Славяноведение*. 2021. № 5. С. 33–47. DOI: 10.31857/S0869544X0016743-0.

## Václav Klaus: A Czech Politician of all-European scale. (To the 80<sup>th</sup> anniversary of his birth)

© 2021. Ella Zadorozhnyuk

Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences  
(Moscow, Russia)

elzador46@mail.ru

**Abstract.** The article analyzes the milestones of the biography of Václav Klaus – a highly qualified economist and prominent political figure in the Czech Republic, who influenced the course of events in his country and answered the challenges of the time. The article also features Klaus's increased activity in 2019–2021 associated with the creation of the Tricolor party in 2019 by his son Klaus Jr., the coronavirus pandemic and the Vrbetice incident. The

author emphasizes Klaus's commitment to Czech national traditions, including the support for constructive Czech-Russian relations.

**Keywords:** Václav Klaus, Czech Republic, Russian Federation, Europe, political parties, Civil Democratic Party, presidency, Chamber of Deputies, Senate, Czech-Russian relations, national traditions, Václav Klaus Institute.

**Reference for citation:** Zadorozhnyuk E.G. Václav Klaus: A Czech politician of all-European scale. (To the 80<sup>th</sup> anniversary of his birth) // Slavic Studies. Journal of the Russian Academy of Sciences. = Slavyanovedenie. 2021. № 5. Pp. 33–47. DOI: 10.31857/S0869544X0016743-0.

В статье с опорой на многочисленные работы В. Клауса, включающие его научные монографии, статьи в коллективных трудах, аналитические обзоры, выступления на различных международных и отечественных форумах, пресс-релизы, обращения, интервью и другие материалы, предпринята попытка в год юбилея видного чешского политического деятеля проследить основные вехи его жизненного пути, охарактеризовать нетривиальные взгляды на актуальные вопросы современности, обратить внимание на принципиальность, а зачастую и жесткость в отстаивании своих взглядов, что не может не вызывать к нему глубочайшего уважения.

Вацлав Клаус родился 19 июня 1941 г., в оккупированной нацистами Праге, за три дня до нападения фашистской Германии на СССР, даты, изменившей ход истории мира<sup>1</sup>. Он помнил эту дату некой глубинной памятью во все периоды своей жизни и отмечал, что Вторая мировая война — всеобщее зло, от которого мир был избавлен именно Советским Союзом.

Его отец, тоже Вацлав, после окончания Торговой академии трудился в Праге, мать была кассиром, так что будущий экономист с самого начала сознательной жизни знал, что такое деньги, причем корневые — как крона для Чехословакии и Чехии.

Детство Вацлава прошло в престижном районе Праги — Винограды. Его мать работала также гидом и писала стихи, она-то и приобщила Клауса-ученика к участию в драматическом кружке и хоровому пению. Но в подростковом возрасте он предпочитал спорт и играл в юношеской команде чехословацких баскетболистов. Клаус очень позитивно оценивал этот вид спорта и признавал, что, участвуя в игре, приобретал опыт индивидуальных решений в ходе командного взаимодействия.

Успешно окончив школу, Клаус в 17-летнем возрасте поступил в Высшую школу экономики, причем выбрал — как и отец — престижную специализацию по внешней торговле. Вуз этот имеет непростую историю, он был основан в 1919 г. как Институт торговли, в 1939–1945 гг. — не функционировал, в 1949 г. стал называться Высшей школой экономических и политических наук, а нынешнее название получил в 1952 г. После 1968 г. его преподаватели подвергались чисткам по политическим мотивам. Но вуз остался ведущим центром подготовки высококвалифицированных экономистов, и не только экономистов. Клаус — его профессор с 1995 г., причем профессор активный, Высшая школа экономики считается основным местом его работы и сегодня. Сам этнический чех Клаус еще в стенах вуза познакомился с будущей женой

<sup>1</sup> В автобиографии В. Клаус писал: «Родился я в 1941 г., почти в день нападения Германии на Советский Союз, т.е. в военные годы». См.: Klaus V. Místo autobiografie: určující momenty a vlivy // URL: media.klaus.cz/files/autobiografie.cz

Ливией, словачкой. В их семье — два сына, причем первенец, тоже Вацлав (родился в 1969 г.), вступил на стезю политики.

В 1963 г. В. Клаус поступил в аспирантуру Института экономики Чехословацкой академии наук (ЧСАН), директором которого был О. Шик (1919—2004) — один из будущих лидеров Пражской весны, приверженец идеи рыночного социализма и критик советской экономической модели. Клаус же в большей мере изучал классиков западной экономической мысли и уже во время учебы сомневался в возможности и эффективности объединения рыночного и планового начал. В 1966 г. он обучался в Неаполитанском университете, а в 1968 г. стал кандидатом экономических наук; связи с итальянскими экономистами он не прерывал.

Этот же год — время начала политической активности Клауса, выразившейся в участии в реформаторских изданиях, в которых он публиковался под псевдонимом «Далимил», а также был редактором отдела экономики в газете «*Lidové noviny*» («Народная газета»). У этого периодического издания, как и у Высшей школы экономики, непростая история (оно запрещалось и в начале, и в конце 1960-х годов; выпуск возобновился в 1990 г.). В конце 1960-х годов он учредил Клуб молодых экономистов (*Klub mladých ekonomů* — КМЭН) и стал его первым председателем, численность этого сообщества составляла несколько сотен человек. Члены Клуба принимали участие в жарких дискуссиях по экономическим вопросам, а со временем именно здесь сформировался своего рода, как написал Клаус, «антиполус в отношении мейнстримовского течения экономической реформы Шика»<sup>2</sup>.

Причастность к событиям Пражской весны не помешала Клаусу продолжить в 1969 г. образование в Корнелльском университете в США, в котором учились и работали лауреаты Нобелевской премии по экономике и где велись исследования в русле экономики прикладной. Все же тогда в этом престижном вузе доминировали левые взгляды, но Клаус вырабатывал собственную систему с опорой на идеи монетаристов Ф. Хайека и М. Фридмана.

По возвращении Клаус был востребован как профессионал не академической, а финансовой средой; он не вступил в Коммунистическую партию Чехословакии и с 1970 г. по этой причине ему пришлось начать работу в Чехословацком госбанке. Деловая его карьера шла успешно, от участия в диссидентских движениях Клаус дистанцировался, но органы госбезопасности слежку за ним вели<sup>3</sup>.

С 1979 г. Клаус начал проводить экономические семинары, которые снова вызвали подозрения у спецслужб, но были закрыты лишь в 1986 г. Все же внимание с их стороны и обвинения в «правореформистском уклоне» не помешали Клаусу оставаться специалистом по аналитике в Институте прогнозирования ЧСАН. Его возглавлял В. Комарек (1930—2013) — видный чешский экономист и политик, склонный к идеям социал-демократии реформистского толка. Тогда же в Институте работал и будущий друг/соперник Клауса М. Земан.

17 ноября 1989 г. началась «бархатная революция», а уже 19 ноября был учрежден Гражданский форум (ГФ), лидером которого стал В. Гавел, ушедший

<sup>2</sup> *Klaus V. Místo autobiografie: určující momenty a vlivy* // URL: [media.klaus.cz/files/autobiografie.cz](http://media.klaus.cz/files/autobiografie.cz)

<sup>3</sup> Младшая сестра Клауса Алена в 1968 г. эмигрировала с мужем в Швейцарию, он отнесся к этому факту без предвзятости, но сам никогда не намеревался покинуть страну; их встреча произошла лишь 20 лет спустя.

вскоре на пост президента. Начальный шаг карьеры Клауса-политика зафиксирован в его автобиографии: «Через несколько дней [после 19 ноября] Рита Климова связала меня с Вацлавом Гавелом и в итоге я в качестве первого из нехудожественной и недиссидентской среды оказался в Гражданском форуме и в Латерне Магике»<sup>4</sup>.

10 декабря 1989 г. Клаус стал министром финансов в чехословацком федеральном правительстве коммуниста М. Чалфы, который позже «подарил» все голоса своих депутатов-однопартийцев избранному коммунистическим парламентом ЧССР президенту страны антикоммунисту Гавелу. Особых восторгов по этому поводу Клаус не выражал, хотя с авторитетом президента всегда считался. С октября 1991 г. он – заместитель председателя правительства ЧСФР Чалфы, а со 2 июля 1992 г. – председатель правительства уже только Чехии.

В конце 1990 г. Клаус стал председателем ГФ, но, как оказалось, для того, чтобы превратить данное больше общественное, чем политическое, движение в стартовую площадку для своей Гражданской демократической партии (ГДП). 23 февраля 1991 г. в Праге на чрезвычайном так называемом прощальном заседании ГФ было принято решение о его дроблении на будущую ГДП и Гражданское движение. «Это, – подчеркивал Клаус, – свершалось в эру трансформации, когда мы принципиально, причем не только в сфере экономики, но и в политической сфере, стремились сформировать демократическую политику как тотальное противопоставление неполитической политике, провозглашавшейся у нас в тот период»<sup>5</sup>.

21 апреля 1991 г. в Оломоуце на первом съезде ГДП делегаты приняли заявление «Путь к процветанию». ГДП была определена как демократическая правая партия с консервативной программой, а Клаус стал ее первым и бессменным председателем в течение десятилетия. Спустя 30 лет он оценивал создание «крупной массовой партии правой ориентации как поступок, сопоставимый с экономической трансформацией»<sup>6</sup>.

С получением независимости страны Клаус – премьер-министр правительства Чешской Республики – до бурных дней 1997 г. С 1996 г. по 2003 г. он представлял ГДП в Палате депутатов (ПД), при этом с 1998 г. по 2022 г. являлся ее спикером. Голос Клауса здесь был не очень громким, но весьма внушительным.

Трансформация ГФ в конфликтующие политические партии (при сохранении остаточных структур и данного движения) – яркая страница политической биографии Клауса. [4. С. 338–382; 5. С. 413–455; 6. С. 332–382]. Он стал прозападным политиком, но без чрезмерных lamentаций о «возвращении в Европу» (упрочивавшийся там Европейский союз – ЕС вызывал у него подозрения), а также последовательным антисоциалистом, но без призывов к шоковой терапии.

ГДП анонсировала «путь к процветанию» на трассе радикальных рыночных реформ и либерального курса в политике. Пришло время реализовать ряд наработок Клауса, намеченных им еще во времена работы в Институте прогнозирования ЧСАН, но уже в обстоятельствах резкой отмены плановой

<sup>4</sup> *Klaus V. Místo autobiografie: určující momenty a vlivy* // URL: [media.klaus.cz/files/autobiografie.cz](http://media.klaus.cz/files/autobiografie.cz)

<sup>5</sup> Václav Klaus pro MF Dnes ke 30. výročí vzniku ODS. Rozhovory. 10.4.2021 // URL: [www.klaus.cz](http://www.klaus.cz)

<sup>6</sup> Václav Klaus pro MF Dnes ke 30. výročí vzniku ODS. Rozhovory. 10.4.2021 // URL: [www.klaus.cz](http://www.klaus.cz)

социалистической экономики. При этом темпы отказа от нее, согласно Клаусу, следовало предельно ускорить.

Избранный им способ – купонная (ваучерная) приватизация проводилась в стране, в отличие от Польши, а тем более России, ювелирно точными и прозрачными средствами. В октябре 1990 г. по инициативе Клауса был принят закон о малой приватизации, а в феврале 1991 г. – о приватизации большой, а также закон о реституции. Оба процесса проходили с успехом, шока не последовало, сбережения граждан, по заверениям Клауса, были в основном сохранены, реституция чрезмерных возмущений не вызвала, а он укрепил свой авторитет у граждан пока еще Чехословакии, но в большей мере – Чехии, а также в Европе.

На этом фундаменте Клаус открыл вторую страницу своей политической биографии, связанную с распадом чехословацкой государственности. Перипетии этого процесса описаны весьма детально, особенно то, как В. Мечьяр и Клаус играли при этом в некие поддавки<sup>7</sup>.

Эта страница биографии Клауса яркая, но едва ли однозначно позитивная. Но в любом случае градус ответственности Клауса за плюсы и минусы создания сначала самостоятельной партии, а затем и независимой от «оков федерализма» Чехии не снижается.

В 1993 г. страна вошла в стадию отдельного развития с неплохими экономическими показателями, а Клаус считался отцом удачных реформ. Чешское правительство было коалиционным: ГДП правила вместе с правыми партиями: Христианско-демократическим союзом–Чехословацкой народной партией (ХДС–ЧНП), Гражданско-демократическим альянсом (ГДА, как и ГДП, вышедшем из ГФ) и Христианской демократической партией (ХДП). Оно в 1993 г. в результате «бархатного» развода «перетекло» в статус уже не федерального без особых проблем; срок его полномочий – четыре года и два дня.

4 июля 1996 г. в результате выборов в ПД и победы в них ГДП появилось новое правоцентристское правительство, но уже лишь с двумя партнерами: ХДС–ЧНП и ГДА. И просуществовало оно без двух дней два с половиной года. Затем вспыхнул «бунт на корабле», казалось бы, следовавшим неизменным курсом к свободному рынку; его инициаторами 28 ноября 1997 г. стали не только партнеры Клауса по коалиции, но и ряд его однопартийцев. Сам Клаус остроумно назвал его «сараевским покушением», ибо недоверие ему было выражено во время визита в столицу Боснии и Герцеговины. В конце 1997 г. ему пришлось подать в отставку<sup>8</sup>. «Это, – отмечал он, – один из кризисных моментов того периода, продолжение конфронтации, которая имела место с самого начала. Неполитическая политика против демократической политики. В ГДП – при колоссальной поддержке извне – существовала группа, которая

---

<sup>7</sup> В чем смысл этой игры? Надо отдавать свои шашки противнику немедленно, лишая себя возможности выигрыша. При этом «победителем» оказывается «побежденный» в силу того, что он более искусно предоставлял инициативу того или иного активного действия своему противнику. Два года продолжалась эта «игра», от которой был явно отодвинут президент единого государства Гавел. В целом Клаус, вероятно, оказался игроком более искусным – Чехию Клауса «вернули в Европу» с удовлетворением, а Словакию Мечьяра объявляли «черной дырой» (подробнее см.: [2. С. 259–346]).

<sup>8</sup> Главой нового кабинета стал «технический премьер» Й. Тошовский. Президент объявил дату внеочередных парламентских выборов, однако коалиция партий правой ориентации – во многом из-за ослабления позиций Клауса – победы на них не добились.

попыталась вернуть партию к неполитической политике, к политике неустойчивых и нестабильных партий, кому-то принадлежавших»<sup>9</sup>.

Внеочередные парламентские выборы 19–20 июня 1998 г. – одно из наиболее мощных испытаний для Клауса-политика. Согласно опросам общественного мнения, ожидалось, что за ГДП проголосуют около 9% избирателей – немногим больше каждого десятого. Пресса оказывала на него мощнейшее давление, обрушились разного рода обвинения, тогда же будущий председатель ПД и дважды президент собирался отправиться в какой-нибудь американский университет. При этом И. Беляев отметил, что «сараевское покушение» готовилось не без содействия Гавела<sup>10</sup>.

Но вот выборы прошли, авторитет Клауса восстановился – все же полученные гражданскими демократами в ПД 63 мандата – это не 20, как пророчествовали их оппоненты [1. С. 548]. «Люди, – сказал по этому поводу Клаус, – показали, что не позволят манипулировать собой при помощи давления прессы»<sup>11</sup>.

Настал час Оппозиционного договора между двумя ранее непримиримыми партиями-победительницами – правоцентристской ГДП и левоцентристской ЧСДП, который мною в одной из публикаций определялся как нанополитическая инновация [3. С. 81–95]. Клаусу в итоге пришлось довольствоваться председательством в ПД неполных четыре года – с 17 июля 1998 г. по 20 июня 2002 г.

Будучи переизбранным на пост председателя ГДП в самом конце 1997 г., он был обречен вкушать горький хлеб оппозиционного политика. Но и к нему, и к ставшему премьер-министром М. Земану относился единый лозунг, выдвинутый в самом конце 1999 г.: «Спасибо, уходите!». Оба они – по необходимости – снизили градус политической активности, а Клаус 6 декабря 2002 г. на съезде ГДП в Праге снял с себя обязанности почетного председателя и заявил о выходе из ГДП. «Полагаю, становилось все более и более понятно, что мое видение ГДП и видение ее (председателем ГДП. – Э.З.) Тополанеком бесконечно расходятся. Подобная ситуация больше продолжаться не могла, а мне не хотелось так или иначе связывать себя почетным председательством. Конечно же, это был продуманный шаг с целью продемонстрировать эти расхождения», – констатировал Клаус<sup>12</sup>.

Это не помешало ему вступить в борьбу за президентский пост в 2003 г. – через три «вальса» по три тура. Перипетии президентских выборов, в которых «делателем короля» выступили его наиболее последовательные оппоненты – коммунисты, детально анализировались (подробнее см.: [4–5]). Остается добавить, что чешский электорат – в отличие от депутатов и сенаторов, отдавших за Клауса немногим больше половины голосов (142 из 280) – встретил его избрание на пост главы государства с облегчением и некоторыми надеждами. При этом именно за него голосовало большинство сенаторов: ГДП

<sup>9</sup> Václav Klaus pro MF Dnes ke 30. výročí vzniku ODS. Rozhovory. 10.4.2021 //URL: www.klaus.cz

<sup>10</sup> И. Беляев посвятил Клаусу отдельную главу в книге о Гавеле, отметив, что «политическое сотрудничество и соперничество Вацлава Гавела с Вацлавом Клаусом было главной осью чешской политики на протяжении многих лет» [1. С. 523]. На мой взгляд, оно продолжается и сегодня в форме столкновения приверженцев «гавелизма» и «клаусизма».

<sup>11</sup> Klaus V. Mýtus Opoziční smlouvy. Články a eseje. 4.4.2002 // URL: www.klaus.cz

<sup>12</sup> Václav Klaus pro MF Dnes ke 30. výročí vzniku ODS. Rozhovory. 10.4.2021 //URL: www.klaus.cz

занимала в верхней палате чешского парламента 26 из 81 места и поддержала своего экс-лидера<sup>13</sup>.

В инаугурационной речи 7 марта 2003 г. Клаус особо подчеркнул, что не конкуренция политических партий, а следование общим интересам всех граждан страны станет приоритетом его деятельности, в частности выразившейся во вхождении в ЕС без издержек пан-европейскости<sup>14</sup>.

Нужно подчеркнуть, что Клаус еще в январе 1996 г. на посту премьер-министра Чешской Республики передал в Риме заявку о вступлении ЕС. Однако на референдуме 2003 г. о вхождении страны в Евросоюз в статусе президента голосовал против, поскольку к этому времени уже не признавал доминирующих там антилиберализма и доктрины глобального потепления. Аргументируя свою двойственную позицию, он утверждал, что членству в ЕС нет альтернативы и что это «брак по расчету, а не по любви»<sup>15</sup>.

В апреле 2004 г. Клаус в Афинах все же подписал Договор о вхождении. Сделал он это в названном им «абсурдном» тандеме с проевропейским премьер-министром социал-демократом В. Шпидлой. Однако он же вплоть до 2009 г. откладывал подписание Лиссабонского договора, который знаменовал собой, по убеждению Клауса, решающий шаг перехода от «Европы государств» к «Европе провинций».

В новогоднем обращении 1 января 2006 г. Клаус подчеркнул, что «государство может оказать влияние только на некоторые моменты, но решение главных проблем зависит от самого человека, от его семьи, друзей, знакомых, тех, с кем он трудится»<sup>16</sup>. Тем самым он косвенно критиковал претензии на власть ЧСДП, оказав поддержку М. Тополанеку, возглавлявшему ГДП. Борьба за пост премьер-министра шла беспощадная, доходило до преддверия «холодной гражданской войны» между партиями, как отметил президент в новогодней речи уже 1 января 2007 г.<sup>17</sup>

А в следующем 2008 г. — еще одни президентские выборы<sup>18</sup>. К ним Чехия подходила с неплохими экономическими показателями: социал-демократы приписывали их своей успешной экономической политике, а гражданские демократы — своей. Однако рядовой избиратель негласно считал: их обеспечивал как раз Клаус, даже не имея особых полномочий в данной сфере. Он активно влиял на экономическую политику хотя бы тем, что постоянно призывал к невмешательству в нее государства, правда, полностью лозунг президента о его «минимизации» не мог реализоваться в принципе.

---

<sup>13</sup> Конкурентами в трех турах Клауса были: 15 января — П. Питгарт, поддерживаемый Гавелом и представлявший ХДС—ЧНП; 24 января — М. Земан от ЧСДП и Я. Мозерова — от коалиции правых партий; 28 февраля — Я. Сокол, кандидат от правящих партий.

<sup>14</sup> Inaugurační projev prezidenta Václava Klause dne 7. března 2003 // URL: [www.klaus.cz](http://www.klaus.cz)

<sup>15</sup> Klaus V. Zbytečné hrátky kolem referenda. Články a eseje. 18.6.2003 // URL: [www.klaus.cz](http://www.klaus.cz)

<sup>16</sup> Klaus V. Novoroční projev prezidenta republiky. Projevy a vystoupení. 1.1.2006 // URL: [www.klaus.cz](http://www.klaus.cz)

<sup>17</sup> Klaus V. Novoroční projev prezidenta republiky. Projevy a vystoupení. 1.1.2007 // URL: [www.klaus.cz](http://www.klaus.cz)

<sup>18</sup> На президентских выборах 2008 г. левые выставили противником Клауса И. Динстбира, бывшего министра иностранных дел, правые — американского экономиста с чешскими этническими корнями Я. Швейнара. 15 февраля после первых трех туров Клаус получил 139 голосов против 113 у Швейнара. 9 февраля у Клауса — те же 139, но и у Швейнара — такие же 113 голосов. 15 февраля — еще три тура; итог: у Клауса — 141, а у Швейнара — 111 голосов. «Подвели» последнего коммунисты, которые ранее голосовали за американского «трубадура» капитализма, но в этот день голосовать не стали ни за него, ни за «трубадура» капитализма отечественного. Как оказалось, такое «воздержание» и принесло победу Клаусу.

В ходе второго президентства (2008–2013) Клаус уделял немалое внимание внешнеполитическим делам. Он нередко применял право вето, приобрело международную известность его отрицательное отношение к якобы единой «Европейской нации». Осуждалось им и введение евро; Чехия до сих пор довольствуется обращением чешской кроны, в отличие от Словакии, принявшей общеевропейскую валюту. Лиссабонский договор Клаус подписал лишь за месяц до его ратификации. Признание независимости Косово он отверг, как впоследствии и Земан.

Все же по некоему парадоксу конец карьеры В. Клауса-президента был омрачен иском со стороны Сената, обвинившего его в якобы государственной измене. 4 марта 2013 г., всего за три дня до начала президентства М. Земана, суд не принял иск к рассмотрению, но осадок остался. Сенаторы своеобразно отомстили Клаусу непонятно за что – особенно на фоне почтения, продемонстрированного ими по отношению к Гавелу. Правда, Клаус к таким нападкам с двух сторон – ультраконсервативных сенаторов и сверхлиберальных журналистов – проявлял завидную нечувствительность. Позднее подобного рода иски и давления ощущал и президент Земан.

При этом В. Клаус постоянно пользовался уважением соседних стран. Еще в 2007 г. он получил из рук польского президента Л. Качиньского орден Белого орла, а в 2020 г. – титул почетного профессора Коллегиум Гуманум в Варшаве. В том же 2007 г. он стал обладателем медали А.С. Пушкина за вклад в распространение русского языка и сближение культур народов и почетным профессором Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова<sup>19</sup>. 14 октября 2009 г. он выступал перед студентами МГУ с презентацией своей книги «Синяя, но не зеленая планета!», которая вышла на чешском языке в 2007 г. и до 2009 г. была переведена уже на десять языков. «Нам, – утверждал Клаус, – диктуют, как жить, что делать, как себя вести, что есть, как путешествовать и так далее. Мы уже имели подобный опыт во времена коммунизма, и теперь мы должны сделать все возможное, чтобы избежать этого в будущем»<sup>20</sup>. Примечательно, что он сравнивал опыт навязывания энвайронментализма (радикального и неаргументированного движения в защиту окружающей среды) с опытом коммунизма, хотя в необходимости защищать природу он не сомневается.

Надо сказать, что Клаус постоянно критиковал антироссийскую пропаганду, которая время от времени подогревалась Гавелом и гавелистами. По его свидетельствам, некоторые политики признавались, что они не могут читать Достоевского – даже несмотря на его всемирное признание. «Я, – подчеркивал Клаус, – не смешиваю современную Российскую Федерацию с Советским Союзом прошедшей эры и не связываю современных российских политиков с Л. Брежневым, как это делают некоторые люди на западе и в посткоммунистических странах Центральной и Восточной Европы, когда хотят заработать дешевые политические очки на своей домашней сцене»<sup>21</sup>. Свое мнение было у Клауса и относительно событий на Майдане в Киеве<sup>22</sup>, за что его и исключили из числа научных сотрудников Института Катона в США.

<sup>19</sup> Полный перечень почетных наград и титулов см.: Čestné doktoráty; Mezinárodní ceny; Řády a vyznamenání; Aktuální přehled vydaných knih // URL: [www.klaus.cz](http://www.klaus.cz)

<sup>20</sup> Клаус В. Вступительное слово к презентации книги «Синяя, но не зеленая планета» в Москве. Русский сайт. 15.10.2009 // URL: [www.klaus.cz](http://www.klaus.cz).

<sup>21</sup> Клаус В. Россия без предрассудков. Русский сайт. 11.11.2010 // URL: [www.klaus.cz](http://www.klaus.cz)

<sup>22</sup> См.: Клаус В., Вейгл И. Давайте не допускать вульгаризации дискуссии об Украине. Русский сайт. 30.4.2014 // URL: [www.klaus.cz](http://www.klaus.cz)

Известно, что Клаус неоднократно встречался с президентами В. Путиным и Д. Медведевым. Но он был тоже частым гостем России и после 2013 г. Так, в выступлении на Международном экономическом форуме 19 июня 2015 г. он утверждал, что «европейский социализм» с его сжатием свободного рынка весьма похож на коммунизм. Сам он придерживался платформы, условно названной клаусизмом и включающей: отказ от уравнительности, установку на фискальный консерватизм, евроскептицизм, приверженность национальным традициям.

Именно «клаусизм» является идеологической платформой деятельности Института Вацлава Клауса, авторитет исследований которого признается не только сторонниками, но и оппонентами Клауса. Институт был создан в 2012 г. по аналогии с Библиотекой Гавела, но его разработки проблем реальной политики требуют и серьезных аналитических усилий. Статей, бюллетеней, комментариев Клауса и его сотрудников ждут постоянно, и они отличаются не только острой постановкой проблем, но и убедительностью рецептов их решения. Этот консервативно-либеральный аналитический центр ставит целью борьбу с ложными интерпретациями прошлого, искажениями современности и бездоказательными прогнозами.

У чешского экс-президента помимо этого есть еще и личный сайт, где без проблем, в отличие от Библиотеки В. Гавела (здесь почему-то для входа на сайт требуется обязательная регистрация), можно ознакомиться с научными трудами В. Клауса, его позицией по актуальным проблемам прошлого и настоящего.

Возвращаясь к сюжетам о позиции Клауса в отношении евроинтеграции, нужно отметить, что от своего прагматизма Клаус не отказывался и в последующие годы, аргументированно отстаивая свою точку зрения. В качестве примера можно привести его выступление в Химико-технологическом университете в Праге 23 апреля 2014 г. «Я хотел, — отметил он тогда, — чтобы мы снова стали **одной из “нормальных” европейских стран.** [...] Мне не нравилось отсутствие различий между словами Европа и Европейский союз, поэтому я — возможно, первый в нашей стране публично — подчеркнул, что в ноябре 1989 года популярный лозунг **“назад в Европу”** означает нечто совершенно иное, чем **“вперед в Европейский союз”**» (здесь и выше выделено в оригинале. — Э.З.)<sup>23</sup>.

Отдельного рассмотрения заслуживает проблема отношения Клауса к М. Земану и А. Бабишу. Идеологическая дистанция к ним, конечно же, не исчезает, но как реалистический политик Клаус не склонен поддерживать диктат улицы против тандема двух политиков (во многом вымышленного). Так, в конце 2018 г. он осудил попытку «так называемых демократических сил устроить политический переворот». Надо заметить, что Клаус и в Москве, и в Лондоне не боялся повторять то, что он говорил и писал в Праге, доказывая, что слова о национальной идентичности для него — не пустой звук<sup>24</sup>.

Особо примечательно в этом плане интервью Клауса газете «Mladá fronta Dnes» («Молодой фронт сегодня») 10 апреля 2021 г. На коварный вопрос корреспондента (а чешские СМИ в этом плане превосходят многие другие): «В последнее время Вы решительно вернулись в политическую жизнь. Если это не выборы в ПД, то это подготовка еще к одним президентским выборам?». Последовал его взвешенный и остроумный ответ: «Это сейчас не тема для разговора. Если кто-то недоволен моими слишком громкими заявлениями,

---

<sup>23</sup> Klaus V. Zamyšlení nad 10 lety České republiky do EU. Projevy a vystoupení. 23.4.2014 //URL: [www.klaus.cz](http://www.klaus.cz)

<sup>24</sup> Václav Klaus vystoupil na Euro Business Breakfast. Projevy a vystoupení. 17.12.2018 //URL: [www.klaus.cz](http://www.klaus.cz)

приуроченными к той или иной дате, и намного более мягкими и осмотрительными заявлениями вскоре после этого, то довод только один: уход моего сына из политики. Это достаточный аргумент для того, чтобы я изменил позицию»<sup>25</sup>. В каком направлении и в какой степени Клаус все же не сказал, но подтвердил, что запрос на реальную и конструктивную политику в стране пока не удовлетворен.

Ответ на многие вопросы в этом плане могут дать, как представляется, празднества в связи с 80-летием чешского экс-президента. Есть все же основания предполагать, что Клаус вряд ли последует примеру Т.Г. Масарика, занявшего в 1934 г. пост президента в третий раз в 84-летнем возрасте (покинув его в конце 1935 г.). Выше было сказано, что пока не отслежены в полной мере характер и динамика отношения Клауса к действующему президенту. То же можно сказать и о его отношении с первым президентом Чехословакии<sup>26</sup>.

Конечно, и Масарику, и Клаусу были известны наивные мечтания славянских поэтов А. Пушкина и А. Мицкевича о том, что народы (подразумевались в первую очередь славянские) в будущем, «распри позабыв, в единую семью соединятся» (стихотворение Пушкина «Он между нами жил», 1834 г., написанное в ответ на стихи Мицкевича начала 1830-х годов «Друзьям москалям»). Они оказались и в прошлом, и в начале нынешнего века далекими от реальности. Но оба они, как реальные политики, признавали, что неправомерно выставлять Россию – имперскую, советскую и уже нессоветскую – врагом Европы.

Клаус – автор нескольких десятков книг, ряд из которых переведен на иностранные языки, в том числе и на русский. В них он предстает высоко компетентным экономистом и незаурядным социальным мыслителем. Остановимся на некоторых из них. Так, в монографии «Где начинается будущее» (2011 г.) он выступил не как политик-прогнозист, а аналитически мыслящий экономист, утверждая, что основой успешной экономической политики является минимизация государственного вмешательства в жизнь людей; она также – важный критерий адекватной оценки прошлого, настоящего и будущего. При этом «человеческий капитал» можно считать транснациональной и надвременной категорией<sup>27</sup>.

В труде «Европейская интеграция без иллюзий» (2013 г.)<sup>28</sup>, посвященном 50-летней истории процессов евроинтеграции, прозвучала резкая критика эколого-социально-рыночной экономики, отрицающей эффективный рынок. Клаус защищал тезис: из социалистического лагеря было куда бежать, сейчас же бежать некуда. Он переосмыслил метафору Р. Проди о том, что путь к будущему можно уподобить движению на велосипеде по дороге с препятствиями; сегодня такая «дорога» стала инструментом проворачивания колес в фитнес-зале. Клаус призвал отказаться от объединения Европы по принципу «сверху вниз» на основании иллюзорно эффективной экономики, регулируемой

<sup>25</sup> Václav Klaus pro MF Dnes ke 30. výročí vzniku ODS. Rozhovory.10.4.2021 // URL: www.klaus.cz

<sup>26</sup> Именно Клаус, а не Гавел, по моему мнению, в большей мере может считаться наследником Масарика. Эти сравнения будут проводиться через некоторое время после юбилея, но что касается отношений первого президента Чехословакии к СССР и второго президента Чехии к Российской Федерации, то нельзя не признать: оба относились к могучему славянскому соседу с глубоким интересом и должным уважением.

<sup>27</sup> Клаус В. Где начинается будущее. М.: Издательство «Художественная литература», 2011.

<sup>28</sup> Ранее книгу перевели на английский язык. В комментариях ее автора именовали «Маргарет Тэтчер Центральной Европы» и допускали, что он ориентируется на «чехэкзит» подобный «брэкзиту».

Евросоюзом или государством, остро критиковал он и политику безосновательной защиты окружающей среды<sup>29</sup>.

В книге «Мы, Европа и мир» отмечалось, что интеграционные процессы в Европе на уровне и континента, и входящих в него стран характеризуются мерами, которые уже были декларированы при коммунизме. Особо примечательны в ней апелляции к идеям Ортеги-и-Гассета, в частности, о «восстании масс». Клаус отметил, что после него массы стремятся входить в наднациональные объединения, примером чему и является деструктивный Евросоюз<sup>30</sup>.

В 2017 г. вышла в свет книга В. Клауса и И. Вейгла «ООО переселение народов. Краткое пособие для понимания современного иммиграционного кризиса». Она была подготовлена пражским Институтом Вацлава Клауса (второй автор – его директор); ее тут же стали переводить на добрый десяток языков (пока не достигнув двух десятков, как, по уверениям Клауса, его же книга «Синяя, но не зеленая планета»). Авторы описали негативные последствия волн массовой иммиграции, захлестнувших Европу после 2015 г. В частности, они не согласились с мнением, что иммигранты могут решить демографические проблемы Европы. Особую критику вызвала оправдываемая «про-беженской пропагандой» политика «открытых дверей», провозглашенная Германией на базе иррациональной идеологии «европейства», поддержанной А. Меркель<sup>31</sup>.

Не оставляют экс-президента равнодушными и актуальные вопросы дня сегодняшнего: пандемия коронавируса<sup>32</sup>, насущные проблемы западного мира<sup>33</sup>, чешского государства<sup>34</sup> и многие, многие другие<sup>35</sup>.

Три предъюбилейных (2018–2020) года оказались временем повышенной активности Клауса по трем причинам. Первая связана с созданием его сыном Клаусом-младшим в 2019 г. партии «Триколор», которая характеризуется определенной преемственностью с идеалами ГДП начального периода и адаптацией взглядов ее создателя к настоящему времени. В марте 2021 г. Клаус-младший передал пост лидера З. Мейеровой-Заградниковой, авторитет которой вряд ли достигнет должного уровня в предвыборной борьбе, хотя ряд аналитиков допускает, что на осенних выборах в ПД «Триколор» сможет взять пятипроцентный барьер.

Вторая сфера активности гораздо более рискованная. Дело в том, что Клаус выступил с острой критикой правительственных мер по борьбе с ковидом, особенно за ее непоследовательность, выражающуюся в смене министров здравоохранения и, соответственно, стратегий противостояния этой угрозе, в особой степени поразившей именно Чехию. Он посчитал, что следствием таких

<sup>29</sup> *Klaus V.* Европейская интеграция без иллюзий. М.: Издательство «Художественная литература», 2013.

<sup>30</sup> *Klaus V.* Мы, Европа и мир. Статьи последних лет. М.: Фонд исторической перспективы, 2016.

<sup>31</sup> *Klaus V., Weigl I.* ООО переселение народов. Краткое пособие для понимания современного иммиграционного кризиса. М.: Издательство Института Гайдара, 2017.

<sup>32</sup> 25. *Klaus V. a kol.* Karanténa 2.0. Svět už není kulatý. Praha: Institut Václava Klause, 2020. 120 S.; *Klaus V. a kol.* Ekonomické aspekty koronakrizy. Praha: Institut Václava Klause, 2020; Rozum proti kovidové panice / Eds. V. Klaus, Weigl J. Praha: Institut Václava Klause, 2021.

<sup>33</sup> *Klaus V. a kol.* Sebedestrukce Západu. Praha: Institut Václava Klause, 2020.

<sup>34</sup> *Klaus V. a kol.* Česká republika na rozcestí – Čas rozhodnutí. Praha: Fragment, 2013; *Klaus V.* Chtěli jsme víc než supermarkety. Kniha k 25. výročí pádu komunismu. Praha: Fragment, 2014; *Klaus V.* 30 let cesty ke svobodě. Ale i zpět. Praha: Mladá fronta a.s., 2019.

<sup>35</sup> См.: *Václav Klaus.* Myšlenky / Ed. T. Břicháček. Praha: Institut Václava Klause, 2021; *Klaus V.* Podtrženo – Výpisky z četby let 1970–2010. Praha: Echo Media, 2021. Полный перечень трудов В. Клауса см.: Čestné doktoráty; Mezinárodní ceny; Řády a vyznamenání; Aktuální přehled vydaných knih // URL: www.klaus.cz

стратегий может наступить паралич ряда отраслей экономики. Но все же критика антиковидных мер, выражающаяся в демонстративном отказе Клауса носить маску (за что он подвергался административным взысканиям, которые как законопослушный гражданин молчаливо перетерпел), воспринимается с одобрением не всеми политиками, да и рядовыми гражданами.

Не остается равнодушным экс-президент и в целом к текущим событиям в стране. Так, в изданном 20 марта 2021 г. документе «Обращение недовольных граждан Чешской Республики: Мы хотим снова жить нормально», представлено мнение тех чешских граждан, которые «не имеют достаточного представительства в правительстве и парламенте». В нем выражена «глубокая озабоченность сложившимся положением и отношениями в нашей стране», а также нынешней расстановкой политических сил, которая «пробуждает огромные опасения в направлении политического развития, после выборов (в нижнюю палату чешского парламента. — Э.З.) осенью текущего года»<sup>36</sup>.

28 апреля 2021 г. Клаус очередной раз выступил против того, что назвал ковид-истерией, обвинив правительство в некоем высокомерном поведении, поскольку оно не учитывает всех последствий пандемии в области образования, здравоохранения и даже характера межличностных отношений. Меры правительства неэффективны и не всеми приемлемы, в связи с чем постоянно звучит острая критика, в первую очередь премьер-министра А. Бабиша и вице-преьера Я. Гамачека. Все же и сам экс-президент, и возглавляемый им Институт обосновывает и ряд мер конструктивного характера.

Наконец, третья разновидность активности связана с инцидентом в Врбетице<sup>37</sup>. Клаус небезосновательно утверждал при этом, что антироссийская акция высылки дипломатов как раз и вызвана стремлением переключить внимание граждан с неудач антиковидной политики и назначить «виновного» внешнеполитического врага с целью скрыть внутриполитические просчеты.

Примечательно заявление Клауса по Врбетице от 19 апреля 2021 г., ровно за два месяца до его 80-летия, а также шлейф интервью и комментариев, которое оно вызвало. Приведу его полностью.

«Заявление Вацлава Клауса к казусу Врбетице». 19 апреля 2021 г.

«В отсутствие достоверных и убедительных данных и соответствующей информации, к тому же представляемых на фоне ковид-истерии, когда разного рода дезинформации и фейковые новости распространяются слишком легко, а также в нервной атмосфере предстоящих в октябре парламентских выборов мне не хотелось бы состязаться с другими политиками и комментаторами в том, кто сделает самое жесткое и оригинальное заявление в связи с казусом **Врбетице спустя семь лет** (выделено в оригинале. — Э.З.). Поэтому позволю себе три кратких замечания.

1. Я не верил, что еще когда-нибудь придется возвращаться в пятидесятые годы, хотя и с противоположным знаком. Я не верил, что еще когда-нибудь буду в бессилии стучать по столу, слушая режимное радио и заявления наших высокопоставленных политических руководителей.

<sup>36</sup> Klaus V. Provolání nespokojených občanů České republiky: CHCEME ZASE NORMÁLNĚ ŽÍT! Tisková sdělení. 20.3.2021 // URL: www.klaus.cz

<sup>37</sup> Имеются в виду взрывы в 2014 г. на оружейном складе в чешском поселении Врбетице, в причастности к которым бездоказательно обвиняются спецслужбы России.

2. Я верю, что, если бы в президентских выборах в США снова победил Трамп и был сегодня президентом, запоздавший казус Врбетице не случился;

3. Наше правительство и связанная с ними псевдооппозиция понимают, что бесконечно пугать людей коронавирусом невозможно, и поэтому они отчаянно ищут другую сконструированную угрозу (*strašák*), чтобы держать людей в страхе. Они хорошо знают, что напуганными людьми управлять легче. Прекратите это, пожалуйста. Вы должны больше думать о нашей стране, чем о себе»<sup>38</sup>.

Что можно сказать о всех трех разновидностях указанной выше политической активности? При всех сбоях и неудачах осуществления реализуемых или поддерживаемых Клаусом проектов, эта активность свидетельствует о том, что он стремится не только оказывать влияние на политические процессы внутри страны, но и предлагает конкретные меры по устранению складывающихся кризисных ситуаций, руководствуясь установкой на сочетание либеральной экономической политики и сохранение национальной идентичности Чехии, ее традиций и глубинных интересов. При этом забота о благополучии чешских граждан и взвешенная внешняя политика чешского государства были и остаются доминантой этой активности. Именно она способствует тому, что Клаус выступает не только как великий политик государства с почти 30-летней историей, но и как заметная фигура в текущей политике страны сегодня.

В заключение приведу выдержку из интервью Клауса от 23 апреля 2021 г., в котором утверждалось, что в чешской политике по отношению к России нет разумной стратегии, а есть только ребяческая безответственная ненависть. Но ведь с ней хоть какие-то отношения Чехия иметь должна. «Россия, – утверждает Клаус, – как вечное пугало и враг – это плохая модель как для нас, так и для Европы. Наши политики-неудачники и подвизающиеся возле них эксперты (эксперт в этой сфере еще более спорное понятие, чем в дебатах о коронавирусе) стремятся, поддерживая этот стереотип, недальновидно и эгоистически извлекать для себя выгоды. Мы же все из-за этого только теряем».

По словам Клауса, малые посткоммунистические страны постоянно находятся в плену своих исторических травм, забывая, что изолированная и враждебная Россия является поражением для всех. Что касается Чехии, то «рациональная политика малого государства, какой является Чешская республика, заключается в следующем: иметь добрые отношения с великими державами, предотвращать международные конфликты и не попадать в вассальные отношения к кому бы то ни было, даже к своим союзникам. Это имеет целью обеспечить процветание и одновременно сохранять наш суверенитет, территориальную целостность и национальную идентичность»<sup>39</sup>. Собственно, здесь говорится о том, за что во все времена ратовал Клаус-экономист, боролся Клаус-политик, желал и желает Клаус-человек. Это и не позволяет ему сегодня при вхождении в девятый десяток жизни не реагировать и на события в жизни своей страны, и на вызовы времени в целом.

В Чехии празднование 80-летия В. Клауса прошло без столь нелюбимой им помпезности. Свои поздравления прислали президент М. Земан, кардинал Дука, премьер-министр Венгрии В. Орбан, словацкий экс-президент

---

<sup>38</sup> Prohlášení Václava Klause ke kauze Vrbětice. Tisková sdělení. 19.4.2021 // URL: [www.klaus.cz](http://www.klaus.cz). Есть такое латинское изречение: «Ex ungue leonem pindere» – «По следам когтей узнают льва». Эти следы заявления Клауса поистине львиные.

<sup>39</sup> Václav Klaus pro Parlamentní listy o beznaději české zahraniční politiky. Rozhovory. 23.4. 2021 // URL: [www.klaus.cz](http://www.klaus.cz)

И. Гашпарович и другие известные политики<sup>40</sup>. Земан, в частности многозначительно подчеркнул: «Пророчески добавлю следующее: во благо нашей прекрасной страны ты еще не сказал свое последнее слово»<sup>41</sup>.

### СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

- Klaus V.* Вступительное слово к презентации книги «Синяя, но не зеленая планета» в Москве. Русский сайт. 15.10.2009 // URL: [www.klaus.cz](http://www.klaus.cz)
- Klaus V.* Россия без предрассудков. Русский сайт. 11.11.2010 // [www.klaus.cz](http://www.klaus.cz)
- Klaus V.* Где начинается будущее. М.: Издательство «Художественная литература», 2011. 223 с.
- Klaus V.* Европейская интеграция без иллюзий. М.: Издательство «Художественная литература», 2013. 192 с.
- Klaus V., Vejl I.* Давайте не допускать вульгаризации дискуссии об Украине. Русский сайт. 30.4.2014 // URL: [www.klaus.cz](http://www.klaus.cz)
- Klaus V.* Мы, Европа и мир. Статьи последних лет. М.: Фонд исторической перспективы, 2016. 188 с.
- Klaus V., Vejl I.* ООО переселение народов. Краткое пособие для понимания современного иммиграционного кризиса. М.: Издательство Института Гайдара, 2017. 168 с.
- Čestné doktoráty; Mezinárodní ceny; Řády a vyznamenání; Aktuální přehled vydaných knih // URL: [www.klaus.cz](http://www.klaus.cz)
- Klaus V.* Mýtus Opoziční smlouvy. Články a eseje. 4.4.2002 // URL: [www.klaus.cz](http://www.klaus.cz)
- Inaugurační projev prezidenta Václava Klause dne 7. března 2003 // URL: [www.klaus.cz](http://www.klaus.cz)
- Klaus V.* Zbytečné hrátky kolem referenda. Články a eseje. 18.6.2003 // URL: [www.klaus.cz](http://www.klaus.cz)
- Klaus V.* Novoroční projev prezidenta republiky. Projevy a vystoupení. 1.1.2006 // URL: [www.klaus.cz](http://www.klaus.cz)
- Klaus V.* Novoroční projev prezidenta republiky. Projevy a vystoupení. 1.1.2007 // URL: [www.klaus.cz](http://www.klaus.cz)
- Klaus V.* Místo autobiografie: určující momenty a vlivy // [media.klaus.cz/files/autobiografie.cz](http://media.klaus.cz/files/autobiografie.cz); см. также: Prof. Ing. Václav Klaus, Csc. – životopisná data // URL: [www.klaus.cz](http://www.klaus.cz)
- Klaus V. a kol.* Česká republika na rozcestí – Čas rozhodnutí. Praha: Fragment, 2013. 231 s.
- Klaus V.* Chtěli jsme víc než supermarkety. Kniha k 25. výročí pádu komunismu. Praha: Fragment, 2014. 96 s.
- Klaus V.* Zamýšlení nad 10 lety České republiky do EU. Projevy a vystoupení. 23.4.2014 // URL: [www.klaus.cz](http://www.klaus.cz)
- Klaus V.* 30 let cesty ke svobodě. Ale i zpět. Praha: Mladá fronta a.s. 2019. 104 s.
- Klaus V. a kol.* Karanténa 2.0. Svět už není kulatý. Praha: Institut Václava Klause, 2020. 120 s.
- Klaus V. a kol.* Ekonomické aspekty koronakrizy. Praha: Institut Václava Klause, 2020. 98 s.
- Klaus V. a kol.* Sebedestrukce Západu. Praha: Institut Václava Klause, 2020. 136 s.
- Klaus V.* Provolání nespokojených občanů České republiky: CHCEME ZASE NORMÁLNĚ ŽÍT! Tisková sdělení. 20.3.2021 // URL: [www.klaus.cz](http://www.klaus.cz)
- Klaus V.* Podtrženo – Výpisky z čtyř let 1970–2010. Praha: Echo Media, 2021. 232 s.
- Prezident Zeman popřál Václavu Klausovi k 80. narozeninám. Dokumenty. 15.6.2021 // URL: [www.klaus.cz](http://www.klaus.cz).
- Prof. Ing. Václav Klaus, Csc. – životopisná data // [www.klaus.cz](http://www.klaus.cz)
- Prohlášení Václava Klause ke kauze Vrbětice. Tisková sdělení. 19.4.2021 // URL: [www.klaus.cz](http://www.klaus.cz)
- Rozum proti kovidové panice / Eds. V. Klaus, Weigl J. Praha: Institut Václava Klause, 2021. 204 s.
- Václav Klaus vystoupil na Euro Business Breakfast. Projevy a vystoupení. 17.12.2018 // URL: [www.klaus.cz](http://www.klaus.cz)
- Václav Klaus pro MF Dnes ke 30. výročí vzniku ODS. Rozhovory. 10.4.2021 // URL: [www.klaus.cz](http://www.klaus.cz)
- Václav Klaus pro Parlamentní listy o bezradě české zahraniční politiky. Rozhovory. 23.4. 2021 // URL: [www.klaus.cz](http://www.klaus.cz)
- Václav Klaus.* Myšlenky / Ed. T. Břicháček. Praha: Institut Václava Klause, 2021. 416 s.
- Výběr z přání k 80. narozeninám Václava Klause // URL: [www.institutvk.cz](http://www.institutvk.cz)

### СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Беляев И.* Вацлав Гавел: жизнь в истории. М.: Новое литературное обозрение, 2020.
2. Власть – общество – реформы: Центральная и Юго-Восточная Европа. Вторая половина XX века / Ред. Э.Г. Задорожнюк. М.: Наука, 2006.

<sup>40</sup> Výběr z přání k 80. narozeninám Václava Klause // URL: [www.institutvk.cz](http://www.institutvk.cz)

<sup>41</sup> Prezident Zeman popřál Václavu Klausovi k 80. narozeninám. Dokumenty. 15.6.2021 // URL: [www.klaus.cz](http://www.klaus.cz)

3. Задорожнюк Э.Г. Четверть века политической истории Чехии: стабильность через «осмотрительную» нанополитику // Перспективы. Электронный журнал. 2020. № 3 (23). С. 81–95. — URL: [http://perspektivy.info/upload/iblock/1a3/3\\_2020\\_1\\_81\\_95.pdf](http://perspektivy.info/upload/iblock/1a3/3_2020_1_81_95.pdf); DOI 10.32726/2411-3417-2020-3-81-95
4. Очерки политической истории стран Центральной и Юго-Восточной Европы / Ред. К.В. Никифоров. М., СПб.: Нестор-История, 2020. DOI: 10.31168/2712-8342.2020.1.12
5. Центральная и Юго-Восточная Европа. Конец XX — начало XXI вв. Аспекты общественно-политического развития. Историко-политологический справочник / Ред. К.В. Никифоров. М.; СПб.: Нестор-История, 2015.
6. Чехия и Словакия в XX веке. Очерки истории / Ред. В.В. Марьина. М.: Наука, 2005. Т. 2.

#### REFERENCES

1. Belyaev I. *Vaczlav Gavel: zhizn' v istorii*. М.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2020. (in Russ)
2. *Central'naya i Yugo-Vostochnaya Evropa. Konec XX — nachalo XXI vv. Aspekty obshhestvenno-politicheskogo razvitiya. Istoriko-politologicheskij spravochnik* / Red. K.V. Nikiforov. М., SPb.: Nestor-Istoriya, 2015. (in Russ)
3. *Chexiya i Slovakiya v XX veke. Oчерki istorii* / Red. V.V. Mar'ina. М.: Nauka, 2005. Т. 2. (in Russ)
4. *Oчерki politicheskoy istorii stran Central'noj i Yugo-Vostochnoj Evropy* / Red. K.V. Nikiforov. М., SPb.: Nestor-Istoriya, 2020. DOI: 10.31168/2712–8342.2020.1.12. (in Russ)
5. *Vlast' — obshhestvo — reformy: Central'naya i Yugo-Vostochnaya Evropa. Vtoraya polovina XX veka* / Red. E.G. Zadorozhnyuk. М.: Nauka, 2006. (in Russ)
6. Zadorozhnyuk E.G. *Chetvert' veka politicheskoy istorii Chexii: stabil'nost' cherez «osmotritel'nyu» nanopolitiku* // *Perspektivy. Elektronnyj zhurnal*. 2020. № 3 (23). S. 81–95. — URL: [http://perspektivy.info/upload/iblock/1a3/3\\_2020\\_1\\_81\\_95.pdf](http://perspektivy.info/upload/iblock/1a3/3_2020_1_81_95.pdf); DOI 10.32726/2411-3417-2020-3-81-95 (in Russ)

#### Информация об авторе

**Задорожнюк Элла Григорьевна**  
доктор исторических наук,  
ведущий научный сотрудник,  
заведующая отделом современной  
истории стран Центральной  
и Юго-Восточной Европы,  
Институт славяноведения РАН  
г. Москва, Российская Федерация;  
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2328-810X>  
E-mail: [elzador46@mail.ru](mailto:elzador46@mail.ru)

#### Information about the author

**Ella G. Zadorozhnyuk**  
Dr. Hab. (History),  
Leading Researcher, Head of the  
Department of the Contemporary  
History of Central and South-East  
European countries  
Institute of Slavic studies,  
Russian Academy of Sciences  
Moscow, Russian Federation;  
ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-2328-810X>  
E-mail: [elzador46@mail.ru](mailto:elzador46@mail.ru)



*Славяноведение*, 2021, № 5, с. 48–66

*Slavic Studies. Journal of the Russian Academy of Sciences*, 2021, № 5, pp. 48–66

## Врата Царьграда: Константинополь в истории и культуре славян

25 ноября 2020 г. в Институте славяноведения РАН состоялась научная конференция «Врата Царьграда: Константинополь в истории и культуре славян». Ее организаторами выступили ведущие научные сотрудники Института д-р ист. наук М.В. Лескинен и д-р филол. наук Е.А. Яблоков.

В центре внимания участников конференции был миф о Константинополе как духовной святыне славянского православного мира. Этот миф реализовался в политических доктринах и межгосударственных отношениях, обуславливая внешнеполитические ориентиры и державные претензии Российской империи. При этом он был непосредственно связан с идеей освобождения славянских народов от мусульманского гнета. «Константинопольский миф» стал одним из устойчивых мотивов в философии, публицистике и художественной культуре, оказав влияние на формирование и интерпретации «славянского вопроса». Завоевание Константинополя было одной из постоянных тем российской политической мифологии на протяжении четырех столетий. Мифологема Константинополя / Царьграда обусловила разнородную реакцию и рефлексию в славянском мире и в Западной Европе; «внешние» дискуссии не только касались осмысления места Российской империи в Европе и европейской цивилизации, но прямо влияли (и, очевидно, продолжают влиять) на европейскую политику.

Публикуем статьи по докладам нескольких участников конференции: д-ра ист. наук Л.М. Аржаковой, д-ра ист. наук М.В. Белова, канд. ист. наук О.В. Кочуковой и д-ра ист. наук С.А. Кочукова, д-ра ист. наук М.В. Лескинен, д-ра филол. наук Е.А. Яблокова.

Сюжет об «Олеговом щите»  
в русской культуре XIX — начала XX века

© 2021 г. М.В. Лескинен

Институт славяноведения РАН  
(Москва, Российская Федерация)

marles70@mail.ru

**Аннотация.** В статье предпринята попытка реконструирования идеологемы, основанной на летописном сюжете о водружении князем Олегом щита на «врата Цареграда». Она обрела символический статус благодаря пушкинской «Песни о Вещем Олеге», а позже, вследствие включения «Песни» в литературные хрестоматии Российской империи, стала стереотипом Константинополя / Цареграда, актуализируясь во время русско-турецких войн XIX — начала XX в. Показаны некоторые основные тенденции трактовки легенды о водружении щита в той области истории идей, которая имела непосредственное влияние на стереотипы массового сознания.

**Ключевые слова:** Миф о Константинополе в русской культуре, «Песнь о Вещем Олеге», «щит на вратах Цареграда», историческая мифология

**Ссылка для цитирования:** Лескинен М.В. Сюжет об «Олеговом щите» в русской культуре XIX — начала XX века // Славяноведение. 2021. № 5. С. 49–66. DOI: 10.31857/S0869544X0016745-2.

The Plot of the Oleg's Shield in Russian Culture  
of the 19<sup>th</sup> — early 20<sup>th</sup> centuries

© 2021. Maria Leskinen

Institute of Slavic studies RAN  
(Moscow, Russian Federation)

marles70@mail.ru

**Abstract.** The article reconstructs the ideologema based on the chronicle story about Prince Oleg (Prophet Oleg) hoisting a shield on the «gates of Tsaregrad». This action as a sign of victory acquired a symbolic status because of Pushkin's «The Song of Prophet Oleg» (1822) and later, due to the inclusion of «The Song» in the literary anthologies for children, this plot became a stereotype image of Tsaregrad / Constantinople. It became very popular during the Russian-Turkish wars of the 19<sup>th</sup> — early 20<sup>th</sup> centuries. The author analyzed main interpretational trends of the legendary story about Oleg's shield in the context of the history of ideas and images, which had a direct impact on the stereotypes of mass consciousness.

**Keywords:** myth of Constantinople in Russian culture, «The Song of Prophet Oleg» by Alexander Pushkin, «the shield on the Tsaregrad gates», historical mythology

**Reference for citation:** Leskinen M.V. The Plot of the Oleg's Shield in Russian Culture of the 19<sup>th</sup> — early 20<sup>th</sup> centuries // Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Sciences. = Slavyanovedenie. 2021. No 5. P. 49–66. DOI: 10.31857/S0869544X0016745-2.

На протяжении веков одной из важных геополитических мифологем российской истории выступает императив «возвращения» Константинополя, некогда взятого русскими, которые поэтому сохраняют права на Византию и призваны «возродить» ее в качестве сакрального центра православного славянства, восстановив статус российской государственности в Европе. Одним из основополагающих представлений в этом контексте служит легенда о князе Олеге, оставившем свой щит на городских воротах в знак славянского «владычества» над Константинополем. В настоящей статье анализируется возникновение и функционирование устойчивых формул «щит Олега», «щит на царьградских воротах» — мы рассмотрим обстоятельства их появления и эволюцию стереотипных представлений о легендарном факте. В качестве источников исследования привлекаются тексты, которые в наибольшей степени способствовали формированию исторических образов и речевых клише в широких кругах. Это, во-первых, поэтические произведения первой трети XIX в., во-вторых, наиболее известные труды российских историков и учебная литература 1860–1910-х годов, в-третьих, созданные в этот же период визуальные воплощения сюжета об «Олеговом щите».

Главным источником сведений о походе Олега на Царьград служит «Повесть временных лет», относящая данное событие к 907 г. Нестор сообщал о заключительном деянии Олега: «И повеси щит свой въ вратех показуа победу, и поиде от Царяграда»<sup>1</sup> [1. С. 25]. Между тем Новгородская первая летопись связывает поход с князем Игорем — Олег при этом именуется воеводой. Проблеме исторической достоверности легендарных источников и возможным интерпретациям летописного сюжета посвящено множество работ [11; 21; 3; 4; 16. С. 82–86; 17. С. 145–208, 248–265] (в последней книге представлена основная историография вопроса). Для нас, однако, важнее то, что фраза «повесил щит свой на вратах в знак победы и ушел из Царяграда» в 1820–1830-х годов стала источником вдохновения для ряда русских литераторов. Впрочем, первое в отечественной литературе произведение, в основу которого положен сюжет о щите, принадлежало Екатерине II: это драма «Начальное управление Олега» (1786), которая в 1790 г. была представлена в Эрмитажном театре в виде оперы (см. [5]). Главный герой — «Олег, князь урманский» — в финале пьесы «щит Игорев, на котором изображен воин на коне, укрепляет к столбу ипподрома», после чего говорит: «При отшествии моем я щит Игорев на память оставляю здесь; пусть позднейшие потомки узрят его тут»<sup>2</sup>. Интерес к походам первых князей на Константинополь стимулировался «греческим проектом». К тому же периоду относится серия медалей, посвященных походу Олега на Царьград. К ним так или иначе восходит последующая иконография князя, однако сюжет о щите на этих медалях отсутствует<sup>3</sup>.

Современному россиянину со средним образованием деяния князя Олега и обстоятельства его смерти известны с детства. Подобная ситуация была и во второй половине XIX в. — основным источником информации являлась и является баллада А. С. Пушкина «Песнь о Вещем Олеге» (1822, опубл. 1825)<sup>4</sup>.

<sup>1</sup> Повесть временных лет / подг. текста Д. С. Лихачева, пер. Д. С. Лихачева и Б. А. Романова. М.: Издательство Академии наук СССР, 1950. Ч. 1. Текст и перевод. 404 с. с илл. С. 25.

<sup>2</sup> Екатерина II. Начальное управление Олега // Сочинения императрицы Екатерины II. Произведения литературные / под ред. А. И. Введенского. СПб.: Изд. А. Ф. Маркса, 1893 (Сборник «Нивы». Август, № 8. 1893). 448 с. С. 345.

<sup>3</sup> Смирнов В. П. Описание русских медалей. СПб.: Санкт-Петербургский монетный двор, 1908. 748 с. табл. С. 4, 32–39.

<sup>4</sup> Пушкин А. С. Песнь о вешем Олеге // Пушкин А. С. Полн. собр. соч. В 17-и т. М.: «Воскресенье», 1994–1997. Т. 2. Кн. 1. Стихотворения. 1817–1825 / ред. М. А. Цявловский. М., 1994. 551 с. С. 218–220.

Будучи воспринята как произведение для детей (см. [13. С. 256]), «Песнь» вошла в школьный литературный канон и в XIX в. включалась в большинство хрестоматий, а также в сборники очерков и рассказов по истории. Исследователи именуют ее «сверхканоничным тестом» [2. С. 10]; «Песнь» – наиболее часто печатавшееся произведение в учебной литературе XIX в. и вообще самое издаваемое стихотворение Пушкина в 1830-х – 1917 г. (см. [2. С. 25; 1. С. 311]).

У пушкинистов нет единодушия в том, на основе какого именно исторического текста создана «Песнь о Вещем Олеге». Конечно, Пушкин был знаком с соответствующим фрагментом «Истории Государства Российского» (1818) Н.М. Карамзина, где говорилось: «В знак победы Герой повесил щит свой на вратах Константинополя»<sup>5</sup>. Некоторые современные литературоведы полагают, что сведения взяты поэтом «непосредственно» из так называемой «Львовской летописи» (см. [7. С. 34; 12. С. 366]). Однако Пушкин не описывает поход князя на Царьград – образ щита возникает в словах Кудесника о будущем князя: «Победой прославлено имя твое; / Твой щит на вратах Цареграда»<sup>6</sup>.

Существует ряд работ, посвященных анализу пушкинской баллады, истории ее создания, восприятию современниками и потомками (например [7; 8; 13]). «Песнь» не была в начале XIX в. единственным стихотворением, где упоминались походы второго древнерусского князя [см.: 15; 9; 7. С. 48–56; 8], причем популярность предания об Олеговом щите исследователи чаще соотносят не с «Историей» Карамзина, а с его заметкой «О случаях и характерах в российской истории» (1802)<sup>7</sup> (см. [15. С. 62]).

Мотив щита реализован в песне К.Ф. Рыльева «Олег Вещий» из цикла «Думы» (1822; опубл. 1825)<sup>8</sup>, балладе Н.М. Языкова «Олег» (1826, опубл. 1827)<sup>9</sup>, неоконченном тексте М.Ю. Лермонтова «Олег» (1829, опубл. 1859)<sup>10</sup>, стихотворениях Ф.И. Тютчева «Олегов щит» (или «Видение»; изд. 1829)<sup>11</sup> и Ф.Н. Глинки «На войну с турками 1828 года» (изд. 1830). Характерно, что Лермонтов, перелагавший известные несторовы предания об Олеге, не упомянул о победе князя над греками; Глинку этот сюжет тоже не интересовал. Зато у Рыльева, чьи «Думы» увидели свет раньше пушкинской «Песни», говорилось:

Но в трепет гордой Византии  
И в память всем векам  
Прибил свой щит с гербом России  
К царьградским воротам<sup>12</sup>.

<sup>5</sup> Карамзин Н.М. Глава V. Олег Правитель // Карамзин Н.М. История государства Российского. В 12-и т. М.: Наука, 1989. Т. 1. 637 с. С. 105.

<sup>6</sup> Пушкин А.С. Песнь о вешем Олеге. С. 218.

<sup>7</sup> Карамзин Н.М. О случаях и характерах в российской истории, которые могут быть предметом художеств // Карамзин Н.М. Избр. соч. В 2-х т. / подг. текста и прим. П. Беркова. М.; Л.: Художественная литература, 1964. Т. 2 / сост., подг. текста и прим. Г. Макогоненко. 591 с. С. 190.

<sup>8</sup> Рылеев К.Ф. Олег Вещий // Рылеев К.Ф. Думы / подг. Л.Г. Фризмана. Л.: Наука, 1975. 255 с. С. 9–12.

<sup>9</sup> Языков Н.М. Олег // Языков Н.М. Соч. / сост., вступ. статья, прим. А.А. Карпова. Л.: Художественная литература, 1982. 448 с. С. 96–99.

<sup>10</sup> Лермонтов М.Ю. Олег // Лермонтов М.Ю. Соч. В 6-и т. М.; Л.: Издательство Академии наук СССР, 1954–1957. Т. 3. Поэмы, 1828–1834. М.; Л., 1955 / ред. Б.В. Томашевский. 326 с. с илл. С. 57–60.

<sup>11</sup> Тютчев Ф.И. Олегов щит («Аллах! Пролей на нас твой свет!..») // Тютчев Ф.И. Лирика. В 2-х т. М.: Наука, 1966. Т. 2. 960 с. С. 76.

<sup>12</sup> Рылеев К.Ф. Олег Вещий. С. 11.

Языков, для которого пушкинская песнь стала не только жанровым, но и метрико-строфическим образцом (см. [8. С. 73]), пишет о щите как знаке победителя Константинополя:

...Победитель к воротам прибил  
Свой щит, знаменитый во брани<sup>13</sup>.

Тютчев воспринимает щит как «вековечный» знак Олега, значение которого сохранилось до нынешних времен:

Глухая полночь! Все молчит!  
Вдруг... из-за туч луна блеснула —  
И над воротами Стамбула  
Олегов озарила щит<sup>14</sup>.

Исследователи, анализирувавшие летописный сюжет о князе Олеге в поэзии 1830-х годов (см. [8]), приводят и другие, менее известные произведения — в частности, стихотворение Д. И. Хвостова «На выступление полков лейб-гвардии из Санкт-Петербурга, апреля 15 дня 1828 года», в котором щит Олега также упомянут в контексте победы: «Царь будет там, где был Олегов щит»<sup>15</sup>. Через полтора года Хвостов написал оду в честь Адрианопольского мира, напомним в ней свое «предвестье» о походе туда, «где щит Олега»<sup>16</sup>.

В анонимном стихотворении «Адрианополь» (о возможном авторстве: [7. С. 62]) дано аналогичное предсказание победы:

И скоро на Златых Вратах  
Орел двуглавый осенит  
Олега новгородский щит (цит. по [8. С. 75]).

Исследователи указывают и на «Шестую фракийскую элегию» (1829) В. Г. Теплякова, который так же, как Рылеев и автор «Адрианополя», сопоставил двуглавого орла на имперском гербе, символ России, со щитом Олега, символом Руси — обе представлены как победительницы Константинополя:

К вратам ли тем, где древний щит  
Прикован русскою рукою,  
Орел двуглавый полетит  
И в Византию ль прах Стамбула,  
В когтях с перунами Кагула,  
Луну низвергнув, превратит... (цит. по: [8. С. 5]).

Вполне справедливо мнение (см. [15; 8]), что актуализация темы похода на Константинополь и легенды о щите Олега в поэзии тех лет стала откликом на события русско-турецкой войны 1828–1829 гг., когда Россия, отказавшись от взятия Стамбула, заключила с Портой Адрианопольский мир, хотя у русских войск была реальная возможность овладеть столицей Турции (см. [23]). После этого Пушкин вновь обратился к образу Олега в стихотворении «Олегов щит» (1829, опубл. 1830):

...Тогда во славу Руси ратной,  
Строптиву греку в стыд и страх,

<sup>13</sup> Языков Н. М. Олег. С. 99.

<sup>14</sup> Тютчев Ф. И. Олегов щит.

<sup>15</sup> Полн. собр. стихотворений графа Д. И. Хвостова. 3-е изд. В 7-и т. СПб.: тип. Императорской Российской академии, 1828–1834. Т. 5. СПб., 1830. 406 с. С. 92.

<sup>16</sup> Полн. собр. стихотворений графа Д. И. Хвостова. С. 6.

Ты пригвоздил свой щит булатной  
На цареградских воротах.

...

Но днесь, когда мы вновь со славой  
К Стамбулу грозно притекли,  
Твой холм потрясся с бранным гулом,  
Твой стон ревнивый нас смутил,  
И нашу рать перед Стамбулом  
Твой старый щит остановил<sup>17</sup>.

Все упомянутые авторы в той или иной степени используют летописное предание (в данном случае не важно — с опорой непосредственно на текст летописи или передавая сюжет в изложении Карамзина) и так или иначе соотносят древнюю историю с современными им событиями. Отступление от клише, отказ проводить аналогию между походом языческого князя и войной православного государя Российской империи, как и отсутствие аллюзий на «греческий проект» екатерининского царствования, демонстрируют, по мнению исследователей, лишь два автора — Пушкин и Тютчев — в одноименных стихотворениях «Олегов щит» (см. [15. С. 62; 8. С. 76–77]). Однако для нас, независимо от трактовки, важнее сам факт обращения к летописной легенде, поводом к которому стали военные события.

Во всех упомянутых произведениях водружение щита обозначается с разными глаголами: у Карамзина Олег его повесил, у Пушкина щит был пригвозден, у Рылеева и Языкова — прибит, у Теплякова его приковыывают. Однако у всех поэтов, как и в описаниях историков разных времен (Нестора, Щербатова<sup>18</sup> и Карамзина), щит знаменует победу древнерусского князя над греками, превосходство русского оружия, напоминает о традициях воинской доблести; у большинства авторов явствен мотив преемственности между рюриковой державой и николаевской империей в международных успехах и отношениях с могущественными государствами соответствующих эпох.

Через несколько лет к сюжету о предсказании волхва князю Олегу обратился К.С. Аксаков в «драматической пародии, с эпилогом, в трех действиях, в стихах» с заглавием «Олег под Константинополем» (1835–1839, опублик. 1858)<sup>19</sup> (о ней см. [13. С. 256]). В этой пьесе мотив щита становится ключевым, щит выступает сатирическим воплощением Олега и подробно описывается:

Из серебра он слит,  
Вокруг него обвит из золота обруч,  
А на щите художник исчеканил  
Различные деяния людские.  
Известен всем далекий звон его<sup>20</sup>.

<sup>17</sup> Пушкин А.С. Олегов щит // Пушкин А.С. Полн. собр. соч. В 17-и т. М.: Воскресенье, 1994–1997. Т. 3. Кн. 1. Стихотворения. 1826–1836. Сказки / ред. М.А. Цявловский. М., 1995. 634 с. С. 166.

<sup>18</sup> Щербатов М.М. История Российская от древнейших времен. В 7-и т. СПб.: При Императорской Академии наук, 1770–1791. Т. 1. СПб., 1770. От начала до кончины великаго князя Ярослава Владимировича. 325 с. с илл. С. 205.

<sup>19</sup> Аксаков К.С. Олег под Константинополем. Драматическая пародия, с эпилогом, в 3-х действиях, в стихах // Поэты кружка Станкевича / вступ. статья, подг. текста и прим. С.И. Машинского. М.; Л.: Советский писатель, 1964. 617 с. с илл. С. 429–486.

<sup>20</sup> Аксаков К.С. Олег под Константинополем. С. 482.

Завязкой сюжета служит предсказание Волхва о том, что Олег не останется в истории, а будет считаться «вымыслом, ложным преданьем» и «мифом»<sup>21</sup>. Чтобы избежать столь несправедливой участи и все же оставить свое имя в веках, Олег решает победить греков. Но, будучи уже у стен города, уступает мольбам прекрасной цареградской «царевны» и отказывается от своего плана. Тогда Волхв предлагает ему компромисс: не штурмовать Царьград, а прибыть щит к его воротам — не в ознаменование победы в полном смысле слова, а в качестве *замены* «взятия и разоренья» города, в знак избранности, заслуг и исторического бессмертия полководца:

Итак, сей щит к воротам Цареграда  
Прибей, Олег! Я мыслю: заменит  
Такое знаменье твоих деяний  
И взятие и разоренье града, —  
Бессмертен ты тогда<sup>22</sup>.

Комически представлен акт водружения щита: приносят лестницу, ее прислоняют к воротам, князь с молотком в руках намерен взобраться на нее, но останавливается, чтобы выступить с речью перед собравшимися на стенах греками:

Мой Цареград! Я взять его могу —  
И не хочу! Но в память дел кровавых,  
Битв и побед и, наконец, того,  
Что Цареград в моей был полной власти,  
Что мой шатер раскинут был у стен,  
Моей победы совершенной в память,  
Я прибываю щит свой знаменитый  
К высоким цареградским воротам!<sup>23</sup>.

Этим оканчивается «древний» сюжет, и в следующей сцене действие переносится в университетскую аудиторию XIX в., где, в полном соответствии с предвидением Волхва, Профессор-историк заявляет:

Помилуйте! Какой Олег? Всё сказки!  
Олег никак не мог существовать.  
Вот говорят, что с парусами в лодках  
Он посуху ходил до Цареграда,  
Да там еще и щит прибил. Ну, вот  
Какие басни! Им совсем не место  
В истории. И сам Олег не больше  
Как миф, ну просто миф...<sup>24</sup>.

В предисловии к первому изданию шуточной пьесы автор признавался, что источником вдохновения для него, тогдашнего студента, стал курс русской истории родоначальника «скептической школы» М.Т. Каченовского, который и явился прототипом Профессора<sup>25</sup>. Каченовский, как известно, активно критиковал летописные сведения о начальном периоде русской истории, называя его «баснословным».

<sup>21</sup> Аксаков К.С. Олег под Константинополем. С. 440.

<sup>22</sup> Аксаков К.С. Олег под Константинополем. С. 441.

<sup>23</sup> Аксаков К.С. Олег под Константинополем. С. 484.

<sup>24</sup> Аксаков К.С. Олег под Константинополем. С. 484.

<sup>25</sup> Аксаков К.С. Олег под Константинополем. С. 429.

В написанной для детей стихотворной драме А.А. Григорьева «Олег Вещий. Сказание русского летописца» (1847)<sup>26</sup> действует множество персонажей, она насыщена этнографическими деталями, и в ней кратко упоминается о щите. Олег с язычниками-дружинниками приносит клятву соблюдать заключенный с греками договор; руссы клянутся именем Одина, поляне — Перуном, а Олег — своим щитом («Который ныне ко вратам Царьграда / Я прибиваю»<sup>27</sup>) (подробнее см.: [13. С. 256]).

Рассмотрим теперь, в каком контексте упоминали события похода Олега 907 года и акт водружения щита известные отечественные историки и авторы наиболее популярных учебников по русской истории. Главная проблема интерпретации заключалась в использовавшихся летописцами источниках, а также во влиянии литературных и фольклорных традиций. Ключевым для исследователей разных веков оказывался вопрос о легендарности фигуры Олега и его деяний. При этом еще в XVIII в. была принята аутентичность помещенного в «Повести временных лет» договора Олега с греками. А вопрос о том, как трактовать ранние сведения о Вещем Олеге, был поднят еще в трудах А.Л. Шлёцера о Несторе и не утратил актуальности до сегодняшнего дня.

В первой трети XIX в. факт водружения щита на ворота Константинополя лаконично (в двух фразах, повторяющих Нестора) приводился лишь в нескольких исторических сочинениях, в соответствующих томах: в «Истории» Карамзина (1818), в «Истории русского народа» (1829) Н.А. Полевого<sup>28</sup>, в «Русской истории» (1837) Н.Г. Устрялова<sup>29</sup>, а также в «Истории России в рассказах для детей» (1837) А.О. Ишимовой<sup>30</sup>. При этом Карамзин доверял информации Нестора о правлении Олега, хотя и считал многие сведения летописца легендарными; соответствующая глава завершается словами: «Главное обстоятельство, что Олег ходил к Царьграду и возвратился с успехом, кажется достоверным»<sup>31</sup>. Н.А. Полевой вслед за Карамзиным отмечал, что «поход ... в Грецию украшен был поэзией вымысла народного»<sup>32</sup>. Но в более поздних работах, вплоть до рубежа XIX–XX вв., почти не встречается упоминаний о водружении щита на врата Царьграда как венчающем поход Олега деянии; они отсутствуют как в трудах крупнейших отечественных историков, так и (что важнее с точки зрения популяризации) в учебной литературе различных жанров. История правления Олега отсутствует в наиболее многотиражных сборниках текстов для начального чтения и детских хрестоматиях — в частности, К.Д. Ушинского<sup>33</sup>,

<sup>26</sup> Григорьев А. Олег Вещий. Сказание русского летописца // Григорьев А. Стихотворения. Драмы. Поэмы / вступ. ст., сост., подгот. текста и примеч. Б.Ф. Егорова. СПб.: Гуманитарное агентство «Академический проект», 2001. 757 с. с илл. С. 398–416.

<sup>27</sup> Григорьев А. Олег Вещий. С. 412.

<sup>28</sup> Полевой Н.А. История русского народа. М.: Вече, 2008. 541 с. с илл. С. 35.

<sup>29</sup> Устрялов Н. Русская история. В 5-и ч. СПб.: тип. Российской академии, 1837–1838. Ч. 1. Древняя история. СПб., 1837. 355 с. 6 л. С. 68. При этом в самом известном учебнике Н.Г. Устрялова (первое издание 1840 г.) (Устрялов Н. Начертание русской истории для средних учебных заведений. 4-е изд. СПб.: тип. Штаба военно-учебных заведений, 1842. 218 с. С. 15) этот факт в описании правления Олега не приводится.

<sup>30</sup> Ишимова А. История России в рассказах для детей. В 6-и ч. СПб.: тип. Российской академии, 1837–1840. Ч. 1. СПб., 1837. 269 с. С. 10.

<sup>31</sup> Карамзин Н.М. Глава V. Олег Правитель. С. 106.

<sup>32</sup> Полевой Н.А. История русского народа. С. 39.

<sup>33</sup> Ушинский К.Д. Детский мир и хрестоматия. Книга для классного чтения в двух частях. Первые годы обучения // Ушинский К.Д. Собр. соч. В 11-и т. М.; Л.: Академия педагогических наук РСФСР, 1948–1952. Т. 4. Детский мир и хрестоматия. М.; Л., 1949. 678 с. с илл.; Ушинский К.Д. Родное слово // Ушинский К.Д. Собр. соч. В 11-и т. М.; Л.: Академия педагогических наук РСФСР, 1948–1952. Т. 2. Педагогические статьи. 1857–1861 гг. М.; Л., 1948. 656 с.

Н. А. Корфа<sup>34</sup> и В. И. Водовозова<sup>35</sup>. Не упомянут эпизод о щите и в многочисленных гимназических учебниках Д. И. Иловайского<sup>36</sup> – самых массовых в 1860–1910-х годах курсах отечественной истории для младшего и среднего возраста (см. [20. С. 22]). Это обстоятельство Иловайский объясняет в «Истории России»: «...оставляю в стороне наши летописные сказания об этом князе [Олеге]... сказания эти не подтверждаются никакими достоверными источниками и имеют вполне легендарный характер»<sup>37</sup>.

С. М. Соловьев также считал рассказ Нестора о щите Олега вымышленным. В «Истории России с древнейших времен» (1851) историк, рассмотрев содержание заключенных Олегом договоров, говорил о переданных Нестором сведениях как о легендарных: «Предание прибавляет, ... будто воины повесили щиты свои на воротах цареградских в знак победы»<sup>38</sup>.

Эпизод водружения щита Олегом не упоминается ни в «Древней русской истории» (1871) М. П. Погодина<sup>39</sup>, ни в «Русской истории» (1872) К. Н. Бестужева-Рюмина<sup>40</sup>, в то время как авторы были известными специалистами в области изучения летописных источников. Нет его в лекциях В. О. Ключевского<sup>41</sup> и в популярном курсе русской истории Н. М. Павлова<sup>42</sup>. Отсутствует рассказ о щите в исторических очерках о первых русских князьях и в многократно переиздававшихся учебных текстах и «хронологиях» для народных училищ и гимназий 1870–1890-х годов, – в частности, М. Я. Острогорского<sup>43</sup>, а также в многочисленных переизданиях «Истории России» В. А. Абазы<sup>44</sup>, хотя рассказ о походе Олега в них имеется. Единственным исключением можно считать лекцию

<sup>34</sup> Корф Н. А. Наш друг. Книга для чтения учащихся в школе и дома и руководство к начальному обучению родному языку. СПб.: Д. Е. Коржанчиков, 1871. 360 с.

<sup>35</sup> Водовозов В. И. Детские рассказы и стихотворения для детей от 8 до 12 лет. С 11 карт., рис. на дереве Васнецовым, рез. Даугелем, и вопросами для бесед. 2-е изд. СПб.: тип. В. Безобразова и К° и А. Котомина, 1876. 170 с.

<sup>36</sup> Иловайский Д. И. Сокращенное руководство к русской истории. Для младшего возраста. 4-е изд. М.: тип. В. Грачева и К°, 1864. 132 с.; Иловайский Д. И. Краткие очерки русской истории. Курс старшего возраста. 9-е изд. М.: тип. Грачева и К°, 1866. 397 с.; Иловайский Д. И. Руководство к русской истории. Средний курс. 17-е изд. М.: тип. Грачева и К°, 1875. 176 с.

<sup>37</sup> Иловайский Д. И. История России. В 5-и т. М.: тип. Грачева и К°, 1876–1905. Т. 1. Ч. 1. Киевский период. М., 1876. 333 с. С. 289.

<sup>38</sup> Соловьев С. М. История России с древнейших времен // Соловьев С. М. Соч. В 18-и кн. М.: Издательство «Мысль», 1988–1996. Кн. I. Т. 1. М., 1988. 798 с. С. 135.

<sup>39</sup> Погодин М. Древняя русская история до монгольского ига. В 3-х т. М.: Синодальная типография, 1871. Т. 1. 402 с. С. 10–13.

<sup>40</sup> Бестужев-Рюмин К. Русская история. В 2-х т. СПб., 1872–1886. Т. 1. СПб.: Д. Е. Кожанчиков, 1872. 742 с. С. 101.

<sup>41</sup> Ключевский В. О. Древняя русская история: курс лекций э. о. проф. В. О. Ключевского, читанных в 1884/5 акад. г. в Императорском Московском университете. [М., 1885]. 404 с.; Ключевский В. О. Курс русской истории. В 4 ч. СПб., 1904 – Пг., 1922.

<sup>42</sup> Павлов Н. М. Русская история от древнейших времен. Первые пять веков родной старины (862–1362). В 3-х т. М.: Типо-литография Товарищества И. Н. Кушнерев К°, 1896–1900. Т. 1. М., 1896. 405 с.

<sup>43</sup> Острогорский М. Я. История России с картинками и вопросами для повторения для народных училищ. 3-е изд. СПб.: тип. О. И. Бахта, 1876. 94 с. с илл.; Острогорский М. Я. Учебник русской истории. Элементарный курс для средних учебных заведений и городских училищ. СПб.: тип. и хромолит. товарищества А. Траншель, 1891. 110 с. с илл.; Острогорский М. Я. Хронология всеобщей и русской истории. Сист. курс. Средняя история. 3-е изд. СПб.: тип. А. М. Котомина, 1874. 16 с.; Острогорский М. Я. Краткая хронология всеобщей и русской истории. Для III и IV классов гимназий и прогимназий и для низших учеб. заведений. 4-е изд. СПб.: тип. Б. Г. Янпольского, 1878. 31 с.

<sup>44</sup> Абаза В. А. История России для учащихся. СПб.: тип. В. С. Балашева, 1885. 243 с. с 1 илл.; Абаза В. А. История России. Народное издание. СПб.: тип. А. С. Суворина, 1885. 91 с. с илл.

Костомарова 1859 г. о роли фольклорных преданий в русских летописях<sup>45</sup>, опубликованную, впрочем, лишь четверть века спустя; однако именно акт прибивания щита Костомаров никак не комментирует, хотя в целом рассматривает рассказ о правлении Олега как легендарный в своей основе. Интересно, что во время русско-турецкой войны 1877–1878 гг. мотив водружения щита актуализируется в поэтических произведениях на страницах известных журналов (см. [6]), но позже пропадает.

Обратимся к визуальным источникам. В 1802 г. Н.М. Карамзин в статье «О случаях и характерах в российской истории, которые могут быть предметом художеств» писал: «Олег, победитель греков, героическим характером своим может воспламенить воображение художника. Я хотел бы видеть его в ту минуту, как он прибывает щит свой к цареградским воротам, в глазах греческих вельмож и храбрых его товарищей, которые смотрят на сей щит как на верную цель будущих своих подвигов. В эту минуту Олег мог спросить: “Кто более и славнее меня в свете?”»<sup>46</sup>.

Именно эта «программа» историка была реализована в нескольких проектах иллюстрированных изданий «Живописной русской истории». Один из первых — альбом «Очерки событий из российской истории» (1839)<sup>47</sup>. Все сюжеты здесь взяты исключительно из карамзинской «Истории». В «Очерках» помещена первая и одна из самых известных иллюстраций сюжета о щите Олега — гравюра «Князь Олег прибывает щит свой к вратам Цареграда», над которой Ф.А. Бруни работал в конце 1820-х годов. Приблизительно к тому же времени относят одноименный рисунок А.В. Нотбека<sup>48</sup>. Исторический акт прибивания (у Нотбека — водружения) щита представлен по канонам классицизма: персонажи в античных одеждах и торжественных позах. Однако у Бруни действие происходит при закрытых воротах города, а на рисунке Нотбека они открыты — Царьград уже захвачен.

Альбом «Живописный Карамзин»<sup>49</sup> был издан несколько ранее, в 1836 г. Иллюстрации-гравюры к нему делал Б.А. Чориков; среди них — «Олег пред Царьградом, 906 года» с текстом-подписью «Олег в воспоминание победы своей вешает щит на вратах Константинополя». «Русская история в картинках»<sup>50</sup> не раз переиздавалась. Еще одна гравюра (автор неизвестен) «Олег под Царьградом» относится, вероятно, к 1840-м гг.<sup>51</sup>

<sup>45</sup> Костомаров Н.И. Предания первоначальной летописи в соображениях с русскими народными преданиями в песнях, сказках и обычаях (лекция, 1859; публ. в 1873) // Костомаров Н.И. Собр. соч. Исторические монографии и исследования. В 8-и кн. СПб.: Общество для пособия нуждающимся литераторам и ученым («Лит. Фонд»), 1903–1906. Кн. 5. Т. 13. СПб., 1905. 827 с. С. 327.

<sup>46</sup> Карамзин Н.М. О случаях и характерах в российской истории. С. 190.

<sup>47</sup> Очерки событий из российской истории, сочиненные и гравированные профессором живописи Ф. Бруни. СПб.: Общество поощрения художников, 1839. 12 л., 10 л. илл.

<sup>48</sup> Нотбек А.В. Олег прибывает щит ко вратам Цареграда. Собр. ГРМ. URL: [https://ruseumvrm.ru/data/collections/drawings/notbek\\_a.\\_v.\\_oleg\\_pribivaet\\_schit\\_k\\_vorotam\\_cargrada.\\_konec\\_1820-h.\\_r-1610/index.php?lang=en](https://ruseumvrm.ru/data/collections/drawings/notbek_a._v._oleg_pribivaet_schit_k_vorotam_cargrada._konec_1820-h._r-1610/index.php?lang=en) (дата обращения — 01.01.2021).

<sup>49</sup> Живописный Карамзин, или Русская история в картинах, издаваемая Андреем Прево. В 3-х ч. СПб.: в тип. Х. Гинце и Э. Праца и К., 1836–1844. Ч. 1. От Юрика до нашествия татар. 860–1238. СПб., 1836. 60 л.

<sup>50</sup> Например: Русская история в картинках. СПб.: тип. К.Н. Плотникова, 1872. 327 с., 153 илл.

<sup>51</sup> Павлович С. Картины русской истории от Юрика до Петра Великого. В 6-и вып. СПб.: тип. товарищества «Общественная польза», издание редакции журнала «Досуг и дело», 1880–1882. Вып. 1. От начала Руси до Ярослава. СПб., 1880. 16 с. с 12 илл. Илл. 4.

Кроме того, тема воплощена в двух живописных работах 1870–1880-х годов – «Олег прибывает щит к воротам Цареграда» (1874) А.Д. Кившенко<sup>52</sup> и «Князь Олег прибывает щит на врата Цареграда» (1880-е) Н.К. Бодаревско-го<sup>53</sup>. Гравюра с близким названием «Олег прибывает щит ко вратам Цареграда», выполненная Флюгелем по рисунку художника Р.Ф. Штейна<sup>54</sup>, появилась вместе с описанием в 1885 г. на страницах журнала «Нива»<sup>54</sup>; там же помещен фрагмент пушкинского стихотворения «Олегов щит». В 1890 г. была издана «История Государства Российского в изображениях державных его правителей» – включенный в нее рисунок «Олег правитель» выполнил профессор исторической живописи В.П. Верещагин<sup>55</sup>.

Для всех перечисленных изображений характерна идентичная композиция, восходящая прежде всего к заметке Карамзина: за исключением хронологически первой (Бруни) и последней (Верещагина) гравюр, Олег изображается стоящим в окружении дружинников (сидит он только на картине Кившенко) справа от ворот, у которых собрались жители Константинополя. Костюмы, доспехи и оружие более чем условны и либо восходят к традициям исторических сюжетов эпохи классицизма (статичность поз, античные одежды и амуниция), либо постановочны, далеки от исторических реалий. Одинаков и ряд атрибутов: лестница, щит, молоток (молот). Все картины и рисунки напоминают наброски театральной мизансцены с декорацией: князь стоит в центре в торжественной позе, ему внимают группы дружинников и стоящих на стене греков, а справа от князя воины на приставной лестнице прибывают щит к стене молотком.

На гравюре Бруни изображение «зеркально» по отношению к поздним изобразительным вариантам сюжета. Рисунок Верещагина отличается местом князя в композиции: тот изображен на первом плане, в центре, причем в левой руке держит свиток договора с греками, а в правой – боевой топорик; основные же действия со щитом происходят вдали.

Таким образом, появившиеся в XIX в. визуальные воплощения сюжета о водружении Олегом щита в основном иллюстрировали соответствующий раздел карамзинского рассказа о походе. Кроме Кившенко и Бодаревского, по-видимому, ни один художник не воплотил это легендарное событие в живописном произведении. Не взялся за него и В.М. Васнецов, создавший известный цикл из четырех иллюстраций (1899) к «Песне о вещем Олеге» в специальном юбилейном переиздании<sup>56</sup>. Любопытно, что и в лубочных плакатах «для народа» с текстом «Песни»<sup>57</sup>, а также в наборе исторических сюжетов, собранных

<sup>52</sup> Кившенко А.Д. Олег прибывает щит к воротам Цареграда, 1874. Собр. ГРМ. URL: [https://rusmuseumvrm.ru/data/collections/drawings/kivshenko\\_a\\_d\\_oleg\\_pribivaet\\_schit\\_k\\_vratam\\_cargrada\\_eskiz\\_1874\\_r-5887/index.php](https://rusmuseumvrm.ru/data/collections/drawings/kivshenko_a_d_oleg_pribivaet_schit_k_vratam_cargrada_eskiz_1874_r-5887/index.php) (дата обращения – 02.01.2021).

<sup>53</sup> Бодаревский Н.К. Князь Олег прибывает щит на врата Царьграда. Собр. ГРМ. URL: <https://vsdn.ru/museum/catalogue/exhibit9006.htm> (дата обращения – 02.01.2021).

<sup>54</sup> Штейн Р.Ф. Олег прибывает щит ко вратам Цареграда // Нива. 1885. № 16. С. 385–386.

<sup>55</sup> История Государства Российского в изображениях державных его правителей с кратким пояснительным текстом / рис. В.П. Верещагина. СПб.: Худож. тип. и фото-хемиграф. мастерская Э. Гопле, 1890. 71 л.

<sup>56</sup> Пушкин А.С. Песнь о Вещем Олеге. К столетию со дня рождения Пушкина 26 мая 1899 года. По распоряжению высочайше утвержденной при Императорской Академии наук комиссии для чествования памяти А.С. Пушкина. Рисовал В. Васнецов. СПб.: тип. Экспедиции заготовления государственных бумаг, 1899. 6 л.

<sup>57</sup> Песнь о Вещем Олеге (лубок). М., 1902. Собр. РНБ; Песнь о Вещем Олеге (лубок). Хромолитогр. Торг. дома А. Стрельцова и сыновья. 1901. Собр. РНБ.

в известном популяризаторском проекте И.Д. Сытина «Русская история в картинах»<sup>58</sup>, темы символического водружения щита нет. Не упоминается о нем и в комментариях к портрету вещего Олега в «Иллюстрированной хронологии» (1909)<sup>59</sup>; а в книге портретов правителей Большой Государственной книги 1672 г.<sup>60</sup> имя Олега, в соответствии с трактовкой его статуса в Новгородской летописи, отсутствует в списке первых русских князей.

«Возвращение» сюжета об Олеговом щите в историческую учебную литературу<sup>61</sup> и в поэзию<sup>62</sup> началось в 1890-х годах. Трудно считать случайным совпадением и первое появление «языческого» имени в великокняжеской семье Романовых — Олегом в 1892 г. был назван четвертый сын великого князя Константина Константиновича. А с начала XX в. сюжет о водружении щита на ворота Константинополя стал почти обязательным в самых издаваемых курсах отечественной истории для учащихся и для народа. Он не только фигурировал в главах о правлении Олега, но и сопровождался акцентированным комментарием о том, что водружение щита было важным «знаком ... победы над Царьградом»<sup>63</sup>. В «Сказаниях о русской земле» А.Д. Нечволодова упоминается не один Олегов, а множество прибитых щитов — в соответствии с одним из летописных вариантов: «Отходя от Царьграда, Руссы прибили к воротам его свои щиты, в знак победы»<sup>64</sup>.

Можно констатировать и возникновение устойчивой связи между выражением «щит Олега на воротах (или стене) Царьграда» и хрестоматийным текстом «Песни» Пушкина — причиной стали, вероятно, пушкинские юбилейные торжества 1899 г. Так, в многочастном курсе русской истории для рабочих в конце раздела о правлении Олега помещен полный текст пушкинской баллады<sup>65</sup>. В начале XX в. сформировался своеобразный набор стереотипов и символов, связанных с Царьградом-Константинополем. Весьма красноречив, в частности, набор ассоциаций, приводимый в мемуарах (1926) А.Ф. Кошко (в связи с его исследованием 1908 г.): «Где-то в закоулках памяти мерещились мне щит Олега, Ая-София, пара вселенских соборов, и если прибавить еще гаремы, фески и халву, то этим исчерпывалось мое представление о Царьграде»<sup>66</sup>. Реакцией на

<sup>58</sup> Русская история в картинах. М.: Товарищество И.Д. Сытина, 1916. 18 л.

<sup>59</sup> Олег // Иллюстрированная хронология истории Российского государства в портретах. СПб.: Товарищество художественной печати, 1909. 131 с. с илл. С. 3—4.

<sup>60</sup> Портреты, гербы и печати Большой Государственной книги 1672 года. СПб.: Санкт-Петербургский археологический институт, 1903. 97 л. илл.

<sup>61</sup> Один из первых примеров: *Полевой П.Н.* Краткое учебное руководство по русской истории с картинами и картами в тексте, составленное применительно к программе, утвержденной Святейшим синодом для церковно-приходских школ. СПб.: Д.Д. Полубояринов, 1892. 96 с. с илл. С. 8.

<sup>62</sup> *Сологуб Ф.* Олегов щит // *Сологуб Ф.* Полн. собр. стихотворений и поэм / подг. изд. М.М. Павловой. В 3-х т. СПб.: Наука, 2012—2020. Т. 1. Стихотворения и поэмы 1877—1892 гг. СПб., 2012. 1204 с. С. 485.

<sup>63</sup> *Назаревский В.В.* Русская история. Чтения для московских фабрично-заводских рабочих. В 13-и вып. М.: И.Д. Сытин, 1902—1910. Вып. 1. М., 1902. 89 с. С. 37; *Назаревский В.В.* Русская история. 862—1676. С 287 рис., 8 снимками с древних рукописей, 3 картами и одной грамотой. 2-е изд. М.: Университетская типография, 1904. 449 с с карт. С. 38; *Назаревский В.В.* Русская история. В 7-и т. 3-е изд. М.: Университетская типография, 1907—1913. Т. 1: 862—1676. М., 1907. 452 с. С. 40.

<sup>64</sup> *Нечволодов А.Д.* Сказания о русской земле. СПб.: Государственная типография, 1913. Часть первая. С древнейших времен до расцвета русского могущества при Ярославе Мудром. 314 с. с илл. С. 103.

<sup>65</sup> *Назаревский В.В.* Русская история. Чтения для московских фабрично-заводских рабочих. Вып. 1. С. 38—40.

<sup>66</sup> *Кошко А.Ф.* Очерки уголовного мира царской России. Воспоминания бывшего начальника московской сыскальной полиции и заведующего всем уголовным розыском империи. Новосибирск: Сибирь XXI век, 1991. 253 с. С. 5.

хрестоматийные строки Пушкина об Олеге, ставшие расхожей формулой, можно считать и сатирические произведения, пародирующие штампы школьного курса. Например, во «Всеобщей истории», обработанной «Сатириконом» (1910), написанный О.Л. Д'Ором (И.Л. Оршером) рассказ о походе Олега на Константинополь сродни иронической трактовке Аксакова, представившего акт водружения щита нестандартно — как знак «отказа» от овладения городом: «Однажды он подплыл на своих ладьях к самому Царьграду и, улучив удобную минуту, прибил свой щит к воротам города. Греки на следующий день долго ломали голову, не зная, кто мог это сделать и зачем. Наконец они догадались. — Должно быть, у этого доброго человека было два щита, и один из них он тайно принес нам в дар. И они решили остаться со щитом. И еще много блестящих войн вел Олег...»<sup>67</sup> (об этом см. [18]).

Необыкновенной популярности «Песни о Вещем Олеге», сделавшей пушкинские строки, в том числе о щите Олега, известными не только образованным слоям, способствовала маршевая строевая песня, точное время возникновения которой во второй половине XIX в. неизвестно — записана она была лишь в 1916 г. (см. [22. С. 59–62; 13. С. 281–282]). С 1910-х годов песня имела широкое хождение в солдатской и офицерской среде.

С началом Первой мировой войны выражение «щит на вратах Царьграда» обрело характер формулы-клише с совершенно определенным значением. Пушкинская цитата стала метафорически обозначать одну из военно-политических задач Российской империи в столкновении держав. Олегов щит символизировал благородные цели России в войне — прежде всего стремление «вернуться» на Босфор; образ щита активно функционировал в патриотической риторике. Сходное значение обрел «крест на Святой Софии», чаемое водружение которого должно было ознаменовать взятие Стамбула. Характерно, что в обнародованном в октябре 1914 г. манифесте Николая II Константинополь именовался Царьградом (см. [10. С. 82–83]). Военные успехи на Балканском фронте усилили мощную пропагандистскую кампанию, в которой громко звучали призывы к скорейшему водружению креста над Святой Софией и щита на врата Стамбула (см. [10]). Политический деятель и публицист М.А. Славинский в 1915 г. писал: «Щит Олега на вратах Царьграда и крест на Святой Софии — соблазнительные картины для многих умов, для которых внешний романтический эффект кажется важнее практических последствий» [19. С. 119].

Военные планы Российской империи по захвату Проливов и Константинополя с восторгом воспринимались в кругах столичных патриотов. Интеллигенция не только энергично поддерживала этот военно-политический проект, но и вернулась к поэтизации образа «русского щита»; характерный пример — стихотворение С.М. Городецкого «Царьград» (1914)<sup>68</sup>. Щит возвращается в поэтические исторические произведения — например, в поэму Н.Д. Квашнина-Самарина «Княжая песнь» (1914)<sup>69</sup>. Журнал «Современный мир» констатировал: «...Теперь на Руси жрецы Аполлона все сделались патриотами, да не только патриотами, но еще и православными, христианами, славянами, крестоносцами, мечтающими освободить Константинополь своими перьями, с которых

<sup>67</sup> О.Л. Д'Ор. Русская история при варягах и ворягах. М.: Книгопечатник, 1922. 111 с. С. 9–10.

<sup>68</sup> Городецкий С. Царьград // Городецкий С. Четырнадцатый год. Пг.: Лукоморье, 1915. 60 с. с илл. С. 37.

<sup>69</sup> Квашнин-Самарин Н. Княжая песнь. Историческая поэма в 48 песнях. СПб.: тип. «Общественная польза», 1914. Ч. 1. 407 с. С. 112.

вместе с чернилами неизменно стекают «Олеговы щиты» в неисчислимом количестве» [14. С. 155].

В 1915 г. вышло пособие И.К. Линдемана для старших классов среднеучебных заведений, в котором детально и всесторонне — в историческом, этнографическом и филологическом контекстах — рассматривалась «Песнь о Вещем Олеге»<sup>70</sup>. Подчеркнув, что пушкинская строка о щите повторяет слова летописи, Линдеман, в отличие от ряда историков, не только не поставил под сомнение эпизод со щитом, но отметил подобное символическое использование щитов в средневековой Европе как подтверждение достоверности информации Нестора<sup>71</sup>.

Для русских эмигрантских произведений 1920-х годов было характерно сатирическое, горько-ироническое осмысление настроений военного времени. Ура-патриотические лозунги, претензии на обладание Балканами и завоевание Константинополя спустя несколько лет расценивались участниками и свидетелями Первой мировой войны как трагическое общенациональное заблуждение, один из факторов исторической катастрофы. Например, в рассказе А.Н. Толстого «На острове Халки» (1922) герой говорит: «Византия, будь она проклята, — клопы и жулики. ... Пришел Олег, прибил щит, — ладно, и успокойся. Нет, без Царьграда жить не можем, — двуглавого орла к себе перетащили. Знаем мы этого орла. Вот он, сукин сын, у меня за воротником — орел ползает»<sup>72</sup>. В фельетоне А.Т. Аверченко начала 1920-х годов «Космополиты» читаем: «Раньше наши мечты и планы были самыми смелыми: прибить Олегов щит на врата Царьграда и водрузить крест на соборе Св. Мудрости в Царьграде. ... С крестом на собор Св. Мудрости мы решили повременить, а вместо того организовали тараканьи бега»<sup>73</sup>.

Подведем итоги. Зафиксированные на протяжении столетия (начало XIX — начало XX в.) две волны актуализации сюжета об Олеговом щите были связаны с участием Российской империи в европейских военных конфликтах. Несмотря на признание историками легендарности обстоятельств похода на Константинополь, славяно-варяжская победа над Византийской империей подверглась мифологизации, причем наиболее существенным фактором стало воздействие пушкинской «Песни о вешем Олеге». Использованная «главным» русским поэтом лаконичная формула «щит на вратах Царьграда» послужила важным источником в патриотической пропаганде, подчеркивавшей могущество России и ее высокий статус в Европе. Конечно, после фиаско Первой мировой войны отношение к мифологеме Олегова щита не только стало менее пафосным, но и обрело явную пародийность. Однако сегодня, по прошествии очередного века, вновь налицо активные попытки вернуться к мифу о древнерусском Вещем князе, которому по традиции приписываются мудрость, доблесть и предприимчивость.

<sup>70</sup> А. Пушкин. Песнь о вешем Олеге: Копия рукописи поэта: с 27 рис. в тексте. Для мл. кл. среднеучеб. заведений и для нар. училищ. Разбор баллады и объясн. к ней с примеч. написал инспектор Моск. 11 гимназии И. Линдеман. М., 1915. 84 с.

<sup>71</sup> А. Пушкин. Песнь о вешем Олеге: Копия рукописи поэта: с 27 рис. в тексте. С. 75.

<sup>72</sup> Толстой А. На острове Халки // Толстой А. Полн. собр. соч. В 15-и т. М., 1947–1953. Т. 4. Детство Никиты. Аэлита. Похождения Неверова или Ибикус. Повести и рассказы. 1917–1924 гг. М., 1948. 704 с. С. 598.

<sup>73</sup> Аверченко А. Космополиты // Аверченко А. Русское лихолетье глазами «короля смеха»: публицистика, интервью, рецензии, письма, документы, 1917–1925 / сост., подгот. текстов, примеч. А.Е. Хлебиной, В.Д. Миленко. М.: Посев, 2011. 427 с. с илл. С. 266–267.

## СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

- А. Пушкин.* Песнь о вешем Олеге: Копия рукописи поэта: с 27 рис. в тексте. Для мл. кл. среднеучеб. заведений и для нар. училищ. Разбор баллады и объясн. к ней с примеч. написал инспектор Моск. 11 гимназии И. Линдеман. М., 1915. 84 с.
- Абаза В.А.* История России для учащихся. СПб.: тип. В.С. Балашева, 1885. 243 с. с 1 илл.
- Абаза В.А.* История России. Народное издание. СПб.: тип. А.С. Суворина, 1885. 91 с. с илл.
- Аверченко А.* Космополиты // *Аверченко А.* Русское лихолетье глазами «короля смеха»: публицистика, интервью, рецензии, письма, документы, 1917–1925 / сост., подгот. текстов, примеч. А.Е. Хлебиной, В.Д. Миленко. М.: Посев, 2011. 427 с. с илл. С. 266–268.
- Аксаков К.С.* Олег под Константинополем. Драматическая пародия, с эпилогом, в 3-х действиях, в стихах // *Поэты кружка Станкевича / вступ. статья, подг. текста и прим. С.И. Машинского.* М.; Л.: Советский писатель, 1964. 617 с. с илл. С. 429–486.
- Бестужев-Рюмин К.* Русская история. В 2-х т. СПб., 1872–1886. Т. 1. СПб.: Д.Е. Кожанчиков, 1872. 742 с.
- Бодаревский Н.К.* Князь Олег прибывает щит на врата Царьграда. Собр. ГРМ. URL: <https://vsdn.ru/museum/catalogue/exhibit9006.htm> (дата обращения – 02.01.2021).
- Водовозов В.И.* Детские рассказы и стихотворения для детей от 8 до 12 лет. С 11 карт., рис. на дереве Васнецовым, рез. Даугелем, и вопросами для бесед. 2-е изд. СПб.: тип. В. Безобразова и К° и А. Котомина, 1876. 170 с.
- Городецкий С.* Царьград // *Городецкий С.* Четырнадцатый год. Пг.: Лукоморье, 1915. 60 с. с илл. С. 37.
- Григорьев А.* Олег Вещий. Сказание русского летописца // *Григорьев А.* Стихотворения. Драмы. Поэмы / вступ. ст., сост., подгот. текста и примеч. Б.Ф. Егорова. СПб.: Гуманитарное агентство «Академический проект», 2001. 757 с. с илл. С. 398–416.
- Екатерина II.* Начальное управление Олега // *Сочинения императрицы Екатерины II.* Произведения литературные / под ред. А.И. Введенского. СПб.: Изд. А.Ф. Маркса, 1893 (Сборник «Нивы». Август, № 8. 1893). 448 с. С. 324–344.
- Живописный Карамзин, или Русская история в картинах, издаваемая Андреем Прево.* В 3-х ч. СПб.: в тип. Х. Гинце и Э. Праца и К°, 1836–1844. Ч. 1. От Рюрика до нашествия татар. 860–1238. СПб., 1836. 60 л.
- Иловайский Д.И.* История России. В 5-и т. М.: тип. Грачева и К°, 1876–1905. Т. 1. Ч. 1. Киевский период. М., 1876. 333 с.
- Иловайский Д.И.* Краткие очерки русской истории. Курс старшего возраста. 9-е изд. М.: тип. Грачева и К°, 1866. 397 с.
- Иловайский Д.И.* Руководство к русской истории. Средний курс. 17-е изд. М.: тип. Грачева и К°, 1875. 176 с.
- Иловайский Д.И.* Сокращенное руководство к русской истории. Для младшего возраста. 4-е изд. М.: тип. В. Грачева и К°, 1864. 132 с.
- История Государства Российского в изображениях державных его правителей с кратким пояснительным текстом / рис. В.П. Верещагина.* СПб.: Худож. тип. и фото-хемиграф. мастерская Э. Гоппе, 1890. 71 л.
- Ишимова А.* История России в рассказах для детей. В 6-и ч. СПб.: тип. Российской академии, 1837–1840. Ч. 1. СПб., 1837. 269 с.
- Карамзин Н.М.* Глава V. Олег Правитель // *Карамзин Н.М.* История государства Российского. В 12-и т. М.: Наука, 1989. Т. 1. 637 с. С. 99–110.
- Карамзин Н.М.* О случаях и характерах в российской истории, которые могут быть предметом художеств // *Карамзин Н.М.* Избр. соч. В 2-х т. / подг. текста и прим. П. Беркова. М.; Л.: Художественная литература, 1964. Т. 2 / сост., подг. текста и прим. Г. Макогоненко. 591 с. С. 188–198.
- Квашин-Самарин Н.* Княжая песнь. Историческая поэма в 48 песнях. СПб.: тип. «Общественная польза», 1914. Ч. 1. 407 с.
- Квищенко А.Д.* Олег прибывает щит к вратам Царьграда, 1874. Собр. ГРМ. URL: [https://rusmuseumvrm.ru/data/collections/drawings/kivshenko\\_a\\_d\\_oleg\\_pribivaet\\_schit\\_k\\_vratam\\_cargrada\\_eskiz\\_1874\\_r-5887/index.php](https://rusmuseumvrm.ru/data/collections/drawings/kivshenko_a_d_oleg_pribivaet_schit_k_vratam_cargrada_eskiz_1874_r-5887/index.php) (дата обращения – 02.01.2021).
- Ключевский В.О.* Древняя русская история: курс лекций э.о. проф. В.О. Ключевского, читанных в 1884/5 акад. г. в Императорском Московском университете. [М., 1885]. 404 с.
- Ключевский В.О.* Курс русской истории. В 4 ч. СПб., 1904 – Пг., 1922.

- Корф Н.А. Наш друг. Книга для чтения учащихся в школе и дома и руководство к начальному обучению родному языку. СПб.: Д.Е. Коржанчиков, 1871. 360 с.
- Костомаров Н.И. Предания первоначальной летописи в соображениях с русскими народными преданиями в песнях, сказках и обычаях (лекция, 1859; публ. в 1873) // *Костомаров Н.И. Собр. соч. Исторические монографии и исследования*. В 8-и кн. СПб.: Общество для пособия нуждающимся литераторам и ученым («Лит. Фонд»), 1903–1906. Кн. 5. Т. 13. СПб., 1905. 827 с.
- Кошко А.Ф. Очерки уголовного мира царской России. Воспоминания бывшего начальника московской сыскальной полиции и заведующего всем уголовным розыском империи. Новосибирск: Сибирь XXI век, 1991. 253 с.
- Лермонтов М.Ю. Олег // *Лермонтов М.Ю. Соч.* В 6-и т. М.; Л.: Издательство Академии наук СССР, 1954–1957. Т. 3. Поэмы, 1828–1834. М.; Л., 1955 / ред. Б.В. Томашевский. 326 с. с илл. С. 57–60.
- Назаревский В.В. Русская история. 862–1676. С 287 рис., 8 снимками с древних рукописей, 3 картами и одной грамотой. 2-е изд. М.: Университетская типография, 1904. 449 с с карт.
- Назаревский В.В. Русская история. В 7-и т. 3-е изд. М.: Университетская типография, 1907–1913. Т. 1: 862–1676. М., 1907. 452 с.
- Назаревский В.В. Русская история. Чтения для московских фабрично-заводских рабочих. В 13-и вып. М.: И.Д. Сытин, 1902–1910. Вып. 1. М., 1902. 89 с.
- Нечволодов А.Д. Сказания о русской земле. СПб.: Государственная типография, 1913. Часть первая. С древнейших времен до расцвета русского могущества при Ярославе Мудром. 314 с. с илл.
- Нотбек А.В. Олег прибывает щит ко вратам Цареграда. Собр. ГРМ. URL: [https://rusmuseumvrm.ru/data/collections/drawings/notbek\\_a\\_v\\_oleg\\_pribivaet\\_schit\\_k\\_vorotam\\_cargrada\\_konec\\_1820-h\\_r-1610/index.php?lang=en](https://rusmuseumvrm.ru/data/collections/drawings/notbek_a_v_oleg_pribivaet_schit_k_vorotam_cargrada_konec_1820-h_r-1610/index.php?lang=en) (дата обращения – 01.01.2021).
- О.Л. Д'Ор. Русская история при варягах и ворягах. М.: Книгопечатник, 1922. 111 с.
- Олег // Иллюстрированная хронология истории Российского государства в портретах. СПб.: Товарищество художественной печати, 1909. 131 с. с илл. С. 3–4.
- Острогорский М.Я. Краткая хронология всеобщей и русской истории. Для III и IV классов гимназий и прогимназий и для низших учеб. заведений. 4-е изд. СПб.: тип. Б.Г. Янпольского, 1878. 31 с.
- Острогорский М.Я. История России с картинками и вопросами для повторения для народных училищ. 3-е изд. СПб.: тип. О.И. Бакста, 1876. 94 с. с илл.
- Острогорский М.Я. Учебник русской истории. Элементарный курс для средних учебных заведений и городских училищ. СПб.: тип. и хромолит. товарищества А. Траншель, 1891. 110 с. с илл.
- Острогорский М.Я. Хронология всеобщей и русской истории. Сист. курс. Средняя история. 3-е изд. СПб.: тип. А.М. Котомина, 1874. 16 с.
- Очерки событий из российской истории, сочиненные и гравированные профессором живописи Ф. Бруни. СПб.: Общество поощрения художников, 1839. 12 л., 10 л. илл.
- Павлов Н.М. Русская история от древнейших времен. Первые пять веков родной старины (862–1362). В 3-х т. М.: Типо-литография Товарищества И.Н. Кушнерев К°, 1896–1900. Т. 1. М., 1896. 405 с.
- Павлович С. Картины русской истории от Рюрика до Петра Великого. В 6-и вып. СПб.: тип. товарищества «Общественная польза», издание редакции журнала «Досуг и дело», 1880–1882. Вып. 1. От начала Руси до Ярослава. СПб., 1880. 16 с. с 12 илл.
- Песнь о Вещем Олеге (лубок). М., 1902. Собр. РНБ.
- Песнь о Вещем Олеге (лубок). Хромолитогр. Торг. дома А. Стрельцова и сыновья. 1901. Собр. РНБ.
- Повесть временных лет / подг. текста Д.С. Лихачева, пер. Д.С. Лихачева и Б.А. Романова. М.; Л.: Издательство Академии наук СССР, 1950. Ч. 1. Текст и перевод. 404 с. с илл.
- Погодин М. Древняя русская история до монгольского ига. В 3-х т. М.: Синодальная типография, 1871. Т. 1. 402 с.
- Полевой Н.А. История русского народа. М.: Вече, 2008. 541 с. с илл.
- Полевой П.Н. Краткое учебное руководство по русской истории с картинами и картами в тексте, составленное применительно к программе, утвержденной Святейшим синодом для церковно-приходских школ. СПб.: Д.Д. Полубояринов, 1892. 96 с. с илл.
- Полн. собр. стихотворений графа Д.И. Хвостова. 3-е изд. В 7-и т. СПб.: тип. Императорской Российской академии, 1828–1834. Т. 5. СПб., 1830. 406 с.

- Портреты, гербы и печати Большой Государственной книги 1672 года. СПб.: Санкт-Петербургский археологический институт, 1903. 97 л. илл.
- Пушкин А. С.* Олегов щит // *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч. В 17-и т. М.: Воскресенье, 1994–1997. Т. 3. Кн. 1. Стихотворения. 1826–1836. Сказки / ред. М.А. Цявловский. М., 1995. 634 с. С. 166.
- Пушкин А. С.* Песнь о вешем Олеге // *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч. В 17-и т. М.: «Воскресенье», 1994–1997. Т. 2. Кн. 1. Стихотворения. 1817–1825 / ред. М.А. Цявловский. М., 1994. 551 с. С. 218–220.
- Пушкин А. С.* Песнь о Вещем Олеге. К столетию со дня рождения Пушкина 26 мая 1899 года. По распоряжению высочайше утвержденной при Императорской Академии наук комиссии для чествования памяти А. С. Пушкина. Рисовал В. Васнецов. СПб.: тип. Экспедиции заготовления государственных бумаг, 1899. 6 л.
- Русская история в картинах. М.: Товарищество И.Д. Сытина, 1916. 18 л.
- Русская история в картинках. СПб.: тип. К.Н. Плотникова, 1872. 327 с., 153 илл.
- Рылеев К. Ф.* Олег Вещий // *Рылеев К. Ф.* Думы / подг. Л.Г. Фризман. Л.: Наука, 1975. 255 с. С. 9–12.
- Смирнов В. П.* Описание русских медалей. СПб.: Санкт-Петербургский монетный двор, 1908. 748 с. табл.
- Соловьев С. М.* История России с древнейших времен // *Соловьев С. М.* Соч. В 18-и кн. М.: Издательство «Мысль», 1988–1996. Кн. I. Т. 1. М., 1988. 798 с. Гл. 5.
- Сологуб Ф.* Олегов щит // *Сологуб Ф.* Полн. собр. стихотворений и поэм / подг. изд. М.М. Павловой. В 3-х т. СПб.: Наука, 2012–2020. Т. 1. Стихотворения и поэмы 1877–1892 гг. СПб., 2012. 1204 с. С. 485.
- Толстой А.* На острове Халки // *Толстой А.* Полн. собр. соч. В 15-и т. М., 1947–1953. Т. 4. Детство Никиты. Аэлита. Похождения Неверова или Ибикус. Повести и рассказы. 1917–1924 гг. М., 1948. 704 с. С. 555–562.
- Тютчев Ф. И.* Олегов щит («Аллах! Пролей на нас твой свет!...») // *Тютчев Ф. И.* Лирика. В 2-х т. М.: Наука, 1966. Т. 2. 960 с. С. 76.
- Устрялов Н.* Начертание русской истории для средних учебных заведений. 4-е изд. СПб.: тип. Штаба военно-учебных заведений, 1842. 218 с.
- Устрялов Н.* Русская история. В 5-и ч. СПб.: тип. Российской академии, 1837–1838. Ч. 1. Древняя история. СПб., 1837. 355 с. 6 л.
- Ушинский К. Д.* Детский мир и хрестоматия. Книга для классного чтения в двух частях. Первые годы обучения // *Ушинский К. Д.* Собр. соч. В 11-и т. М.; Л.: Академия педагогических наук РСФСР, 1948–1952. Т. 4. Детский мир и хрестоматия. М.; Л., 1949. 678 с. с илл.
- Ушинский К. Д.* Родное слово // *Ушинский К. Д.* Собр. соч. В 11-и т. М.; Л.: Академия педагогических наук РСФСР, 1948–1952. Т. 2. Педагогические статьи. 1857–1861 гг. М.; Л., 1948. 656 с.
- Штейн Р. Ф.* Олег прибывает щит ко вратам Цареграда // *Нива*. 1885. № 16. С. 385–386.
- Шербаков М. М.* История Российская от древнейших времен. В 7-и т. СПб.: При Императорской Академии наук, 1770–1791. Т. 1. СПб., 1770. От начала до кончины великого князя Ярослава Владимировича. 325 с. с илл.
- Языков Н. М.* Олег // *Языков Н. М.* Соч. / сост., вступ. статья, прим. А.А. Карпова. Л.: Художественная литература, 1982. 448 с. С. 96–99.

## СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Вдовин А. С.* Частотность авторов и их текстов в русских хрестоматиях XIX века (1805–1912) // АСТА SLAVICA ESTONICA IV. Труды по русской и славянской филологии. Литературоведение IX. Хрестоматийные тексты: русская педагогическая практика XIX в. и поэтический канон. Тарту: Тартуский университет, 2013. 345 с. С. 310–317.
2. *Вдовин А. С., Лейбов Р. Г.* Хрестоматийные тексты: русская поэзия и школьная практика XIX столетия // АСТА SLAVICA ESTONICA IV. Труды по русской и славянской филологии. Литературоведение IX. Хрестоматийные тексты: русская педагогическая практика XIX в. и поэтический канон. Тарту: Тартуский университет, 2013. 345 с. С. 7–34.
3. *Войтович Л.* Призрак Олега Вещего // *Tractus aevorum*. Весна 2015. № 2(1). С. 3–43.
4. *Келембет С. Н.* Князь Олег Вещий и поход руси на Константинополь // *Studia Historica Europae Orientalis* = Исследования по истории Восточной Европы. Минск, 2015. Вып. 8. С. 19–36.

5. Кириллина Л.В. Сартти, Эврипид и Третий Рим // Научный вестник Московской консерватории. 2012. № 1. С. 12–41.
6. Кочукова О.В., Кочуков С.А. Образ Константинополя в стихотворениях на страницах российской прессы в период русско-турецкой войны 1877–1878 гг. // Славяноведение. 2021. № 5. С. 79–90.
7. Кошелев В.А. Вещий Олег // Кошелев В.А. Пушкин: История и предание. Очерки. СПб.: Академический проект, 2000. 359 с. с илл. С. 26–76.
8. Лейбов Р., Осоват А. Сюжет и жанр стихотворения Пушкина «Олегов щит» // Пушкинские чтения в Тарту. 4: Пушкинская эпоха: Проблемы рефлексии и комментария. Tartu: Tartu Ülikooli Kirjastus, 2007. 451 с. С. 71–88.
9. Листов В.С. К истолкованию стихотворения А.С. Пушкина «Олегов щит» // Пушкин и мир Востока. К 200-летию со дня рождения А.С. Пушкина / сост. и общ. ред. Е.П. Чельшева. М.: Наука, 1999. 430 с. с илл. С. 185–191.
10. Лунева Ю.В. Чей Константинополь? Споры о судьбе Османской империи в российских изданиях в эпоху Первой мировой войны // Русская публицистика и периодика эпохи Первой мировой войны: политика и поэтика. Исследования и материалы. М.: ИМЛИ РАН, 2013. 598 с. с илл. С. 82–95.
11. Магнер В.И. Щит Олега на воротах Константинополя // Вестник Удмуртского университета. История и филология. 2009. Вып. 2. С. 112–129.
12. Неклюдов С.Ю. Легенда о вешем Олеге: опыт исторической реконструкции // *Con amore*. Историко-филологический сборник в честь Любови Николаевны Киселевой. М.: ОГИ, 2010. 687 с. с илл. С. 366–395.
13. Немзер А. «Песнь о вешем Олеге» и ее следствия // ACTA SLAVICA ESTONICA IV. Труды по русской и славянской филологии. Литературоведение IX. Хрестоматийные тексты: русская педагогическая практика XIX в. и поэтический канон. Тарту: Тартуский университет, 2013. 345 с. С. 233–301.
14. Ожигов А. О беллетристической мобилизации // Современный мир. 1915. № 9. С. 155–170.
15. Осоват А.Л. «Олегов щит» у Пушкина и Тютчева (1829) // Третьи Тыняновские чтения. Рига, Зинатне, 1988. 330 с. С. 61–69.
16. Пчелов Е. Олег Вещий. Викинг Древней Руси. М.: Молодая гвардия. 2018. 259 с.
17. Рычка В.М. Вещий Олег в истории и памяти. СПб.: издательство Олега Абышко, 2019. 281 с.
18. Севастьянова С.К. Легендарное повествование об Олеге Вешем в «Русской истории», обработанной «Сатириконом» // Сибирский филологический журнал. 2015. № 4. С. 95–107.
19. Славинский М.А. Война и национальный вопрос // Чего ждет Россия от войны. Пг.: «Прометей» Н.Н. Михайлова, 1915. 223 с. С. 118–126.
20. Фукс А.Н. Школьные учебники по отечественной истории как историографический феномен (конец XVII в. – 1930-е гг.). Автореф. дисс. ... д-ра ист. наук. М., 2011.
21. Чернов А.Ю. Олег и его щит // Староладожский сборник. СПб.: Нестор-История, 2012. Вып. 9. 291 с. С. 60–68.
22. Шамбаров В.Е. Песни Царской России, плененные большевиками / Под ред. С.Э. Цветкова. М.: Русский издательский центр, 2013. 255 с. с илл.
23. Шеремет В.И. Турция и Адрианонопольский мир 1829 г.: из истории восточного вопроса. М.: Наука, 1975. 226 с.

## REFERENCES

1. Chernov A. Iu. Oleg i jeho shchit. *Staroladozhskii sbornik*. St. Petersburg, Nestor-Istorija Publ., 2012, vyp. 9, pp. 60–68. (In Russ.)
2. Fuks A. N. *Shkol'nyje uchebniki po otechestvennoi istorii kak istoriograficheskii fenomen (konets XVII v. – 1930-je gg.)*. Avtoref. diss. doktora ist. nauk. Moscow, 2011. (In Russ.)
3. Kelembet S. N. Kniaz' Oleg Veshchii i pokhod rusi na Konstantinopol'. *Studia Historica Europae Orientalis = Issledovaniia po istorii Vostochnoi Jevropy*. Minsk, 2015, vyp. 8, pp. 19–36. (In Russ.)
4. Kirillina L. V. Sarti, Evripid i Tretii Rim. *Nauchnyi vestnik Moskovskoi konservatorii*, 2012, № 1, pp. 12–41. (In Russ.)
5. Kochukova O. V., Kochukov S. A. Obraz Konstantinopolia v stikhotvorenniakh na stranitsakh rossiiskoi pressy v period rusko-turetskoi voiny 1877–1878 gg. *Slavianovedeniye*, 2021, № 5. pp. 79–90. (In Russ.)

6. Koshelev V.A. *Pushkin: Istoriia i predaniye. Ocherki*. St. Petersburg, Akademicheskii projekt, 2000, pp. 26–76. (In Russ.)
7. Leibov R., Ospovat A. Siuzhet i zhanr stikhotvoreniia Pushkina «Olegov shchit». *Pushkinskije chteniia v Tartu. 4: Pushkinskaia epokha: Problemy refleksii i komentariia*. Tartu, Tartu Ülikooli Kirjastus, 2007, pp. 71–88. (In Russ.)
8. Listov V.S. K istolkovaniiu stikhotvoreniia A.S. Pushkina «Olegov shchit». *Pushkin i mir Vosto-ka. K 200-letiiu so dnia rozhdeniia A.S. Pushkina* / sost. i obshch. red. Je.P. Chelysheva. Moscow, Nauka Publ., 1999, pp. 185–191. (In Russ.)
9. Luneva Iu.V. Chei Konstantinopol'? Spory o sud'be Osmanskoj imperii v rossiiskikh izdaniiax v epokhu Pervoi mirovoj voiny. *Russkaia publitsistika i periodika epokhi Pervoi mirovoj voiny: poli-tika i poetika. Issledovaniia i materialy*. Moscow, IMLI RAN, 2013, pp. 82–95. (In Russ.)
10. Magner V.I. Shchit Olega na vorotakh Konstantinopolia. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Istoriia i filologiya*, 2009, vyp. 2, pp. 112–129. (In Russ.)
11. Nekliudov S. Iu. Legenda o veshchem Olege: opyt istoricheskoi rekonstruktsii. *Con amore. Istoriko-filologicheskii sbornik v chest' Liubovi Nikolajevny Kiselevoi*. Moscow, OGI, 2010, pp. 366–395. (In Russ.)
12. Nemzer A. «Pesn' o veshchem Olege» i jeje sledstviia. *ACTA SLAVICA ESTONICA IV. Trudy po russkoi i slavianskoi filologii. Literaturovedeniye IX. Khrestomatiinyje teksty: russkaia pedagogich-eskaia praktika XIX v. i poeticheskii kanon*. Tartu, Tartu Univ. Publ., 2013, pp. 233–301. (In Russ.)
13. Ospovat A.L. «Olegov shchit» u Pushkina i Tiutcheva (1829). *Tret'ji Tynianovskije chteniia*. Riga, Zinatne, 1988, pp. 61–69. (In Russ.)
14. Ozhigov A. O belletristicheskoi mobilizatsii. *Sovremennyi mir*, 1915, № 9, pp. 155–170. (In Russ.)
15. Pchelov Je. *Oleg Veshchii. Viking Drevnei Rusi*. Moscow, Molodaia gvardiia Publ., 2018. 259 s. (In Russ.)
16. Rychka V.M. *Veshchii Oleg v istorii i pamiaty*. St. Petersburg, Oleg Abyshko Publ., 2019. 281 s. (In Russ.)
17. Sevast'ianova S.K. Legendarnoje povestvovaniye ob Olege Veshchem v «Russkoi istorii», obrabotannoi «Satirikonom». *Sibirskii filologicheskii zhurnal*, 2015, № 4, pp. 95–107. (In Russ.)
18. Shambarov V. Je. *Pesni Tsarskoi Rossii, plenennyye bol'shevikami* / ed. S.E. Tsvetkova. Moscow, Russkii izdatel'skii tsentr, 2013. 255 s. s ill. (In Russ.)
19. Sheremet V.I. *Turtsiia i Adrianopol'skii mir 1829 g.: iz istorii vostochnogo voprosa*. Moscow, Nauka Publ., 1975. 226 s. (In Russ.)
20. Slavinskii M.A. Voina i natsional'nyi vopros. *Chego zhdet Rossiia ot voiny*. Petrograd, «Prometei» N.N. Mikhailova, 1915, pp. 118–126. (In Russ.)
21. Vdovin A.S. Chastotnost' avtorov i ikh tekstov v russkikh khrestomatiiax XIX veka (1805–1912). *ACTA SLAVICA ESTONICA IV. Trudy po russkoi i slavianskoi filologii. Literaturovedeniye IX. Khres-tomatiinyje teksty: russkaia pedagogicheskaia praktika XIX v. i poeticheskii kanon*. Tartu, Tartu Univ. Publ., 2013, pp. 310–317. (In Russ.)
22. Vdovin A.S., Leibov R.G. Khrestomatiinyje teksty: russkaia poeziia i shkol'naia praktika XIX sto-letii. *ACTA SLAVICA ESTONICA IV. Trudy po russkoi i slavianskoi filologii. Literaturovedeniye IX. Khrestomatiinyje teksty: russkaia pedagogicheskaia praktika XIX v. i poeticheskii kanon*. Tartu: Tartu Univ. Publ., 2013, pp. 7–34. (In Russ.)
23. Voitovich L. Prizrak Olega Veshchego. *Tractus aevorum*, Vesna 2015, № 2 (1), pp. 3–43. (In Russ.)

### Информация об авторе

**Мария Войттовна Лескинен**,  
 доктор исторических наук,  
 ведущий научный сотрудник  
 Отдела восточного славянства  
 Институт славяноведения РАН,  
 г. Москва, Российская Федерация;  
 ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7638-507X>  
 E-mail: [marles70@mail.ru](mailto:marles70@mail.ru)

### Information about the author

**Maria V. Leskinen**  
 Dr. Hab; Leader Research Fellow  
 Department of the East Slavs  
 Institute of Slavic studies,  
 the Russian Academy of Sciences  
 Moscow, Russian Federation;  
 ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7638-507X>  
 E-mail: [marles70@mail.ru](mailto:marles70@mail.ru)



*Славяноведение*, 2021, № 5, с. 67–78

*Slavic Studies. Journal of the Russian Academy of Sciences*, 2021, № 5, pp. 67–78

DOI: 10.31857/S0869544X0016682-3

Оригинальная статья /  
Original Article

## Храм св. Саввы в Белграде: репликация константинопольской Софии в эпоху мировых катаклизмов

© 2021 г. М.В. Белов

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет  
им. Н.И. Лобачевского (Нижний Новгород, Российская Федерация)

belov\_mihail@mail.ru

**Аннотация.** Создание мемориального храма св. Саввы в Белграде (от выдвижения замысла до окончания работ) заняло около полутора столетий. А выбор константинопольской св. Софии в качестве архитектурной модели стал результатом доминирующих тенденций в изобретении национальной традиции и сплетения ряда общественно-политических обстоятельств межвоенного периода. Наряду с константами мифологических структур, определивших замысел храма, значимые разрывы на пути вызревания и реализации проекта существенно меняли вектор его мемориального послания. В конечном счете оно оказалось перенаправлено прежде всего на сам храм.

**Ключевые слова:** Сербия, историческая политика, неовизантизм, святосаввье.

*Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ. Проект № 19-09-00163*

**Ссылка для цитирования:** Белов М.В. Храм св. Саввы в Белграде: репликация константинопольской Софии в эпоху мировых катаклизмов // *Славяноведение*. 2021. № 5. С. 67–78. DOI: 10.31857/S0869544X0016682-3.

## The Temple of Saint Sava: The Replication of Constantinople's Hagia Sophia in the Era of World Cataclysms

© 2021. M.V. Belov

National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod  
(Nizhny Novgorod, Russian Federation)

belov\_mihail@mail.ru

**Abstract.** The creation of The Temple of Saint Sava in Belgrade (from the presentation of the idea to the completion of the work) took about one and a half centuries. The decision to choose Constantinople's Hagia Sophia as the architectural model was the result of the dominant tendencies in the invention of the national tradition and the interweaving of a number of socio-political circumstances of the interwar period. Along with the constants of mythological structures that determined the design of the Temple, significant gaps in the way of maturation and implementation of the project significantly changed the vector of its memorial message.

**Keywords:** Serbia, politics of history, neo-Byzantineism, Svetosavlje.

**Reference for citation:** *Belov M.V.* The Temple of Saint Sava: The Replication of Constantinople's Hagia Sophia in the Era of World Cataclysms // *Slavic Studies. Journal of the Russian Academy of Sciences.* = *Slavyanovedenie.* 2021. No. 5. P. 67–78. DOI: 10.31857/S0869544X0016682-3.

Храм св. Саввы (ок. 1169–1236) на Врачаре в Белграде был задуман в конце XIX в. как памятник главному сербскому святому, чьи мощи — этот объективированный символ национальной церкви — были уничтожены турками тремя столетиями ранее, предположительно, на том самом месте. Символика акции увековечивания памяти о св. Савве очевидным образом вписывается в мифологические структуры, повествующие о смерти и воскресении, утрате и чудесном обретении, жертве и последующем торжестве. При этом соединение в одном сюжете мотивов, столь значимых для интеграции человеческих сообществ (мертвое тело или могила основоположника — правителя, святого, наставника, кощунственное святотатство врагов данной общности, пепельное рассеивание, компенсированное сооружением каменной твердыни), делает его необыкновенно важным, задавая стержень монументального повествования о святости многовековой борьбы за национальную свободу<sup>1</sup>. При сохранении основных констант в этом рассказе обращают на себя внимание значимые лакуны в процессе вызревания и реализации замысла строительства, что вело к неминуемой трансформации облика и мемориального значения памятника в новом историческом контексте.

Первые предложения увековечить память о св. Савве, создав в его честь монумент, возникли сразу по завершении Великого восточного кризиса в 1878 г., в результате которого Сербия была признана независимым государством. По инициативе профессора белградской духовной семинарии Николы Ружичича (впоследствии нишского епископа Никанора) была предпринята попытка учредить соответствующий комитет и организовать сбор средств на сооружение памятника, которая тогда не осуществилась<sup>2</sup>. Дальнейшие внутривнутриполитические события и сербо-болгарская война 1885 г. на некоторое время сместили проект на периферию общественного внимания.

Идея памятника главному сербскому святому вновь возродилась с приближением трехсотлетия со дня варварского уничтожения его мощей на фоне споров вокруг датировки (1594 или 1595 г.) этого события [5]. В конце концов церковные власти в Белграде решили отметить юбилей в 1895 г., в связи с чем был образован временный комитет из числа именитых горожан во главе с белградским митрополитом Михаилом. Комитет занялся организацией строительства скромной церкви св. Саввы, окончание которого было приурочено к запланированным торжествам (освящена 27 апреля 1895 г.). Затем комитет был преобразован в Общество по возведению храма св. Саввы, причем его деятельность санкционировалась особым решением Министерства просвещения и церковных дел. Замысел состоял в возведении величественного храма на Врачаре. Главный комитет Общества занимался планомерным сбором средств и приобретением у частных владельцев участка под строительство. Неоднозначность ситуации состояла в том, что район Белграда, где предполагалось установить

<sup>1</sup> В целом о становлении и развитии культа св. Саввы и его соотносительности с «политическими функциями мертвого тела» в национальной интеграции см. [9. P. 47–53].

<sup>2</sup> *Ружичић Н.* Свети Сава у 1879. години: у корист подизања видљивог споменика Светом Сави, првом архиепископу српском. Београд, 1879.

величественный национальный храм, назывался Энглезовац (Английский), поскольку его обустройством ранее занимался шотландский предприниматель и филантроп Ф. Маккензи. Общество вынуждено было выкупать землю у его наследников [6. С. 160–162]. В 1900 г. решением Скупщины и указом короля Александра Обреновича проект был объявлен общенародной стройкой.

По первоначальному замыслу проект был призван символизировать свершившееся обретение независимости и превращение Сербского Княжества в Королевство, а также его внешнеполитические притязания на роль духовного ориентира для сербов, все еще находившихся за пределами «своих» государственных границ, и лидера в постосманской группе держав, принадлежавших к «византийскому содружеству наций» (Д.Д. Оболенский). Грандиозность замысла главного национального храма<sup>3</sup> подверглась многократным ревизиям в условиях смены династий и режимов, государственной интеграции и дезинтеграции, а также военных действий начала, середины и конца XX в.

В 1905 г., вскоре после кровавой смены династии, в результате военного переворота мая 1903 г. и вслед за празднованием 100-летней годовщины начала Первого сербского восстания 1804–1813 гг., потомок вождя которого Петр Карагеоргиевич занял теперь престол, было решено провести конкурс на проект храма. В условиях конкурса были обозначены монументальные размеры (площадь — 2000–2500 м<sup>2</sup>), требование придерживаться «сербско-византийского стиля», предусматривались автономная система обогрева и отдельная колокольня. После объявления конкурса в 1906 г. пять проектов были направлены в комиссию, специально созданную при Санкт-Петербургской Императорской академии художеств; однако все они были отвергнуты ввиду существенных архитектурных изъянов. Собственно проекты, выдвинутые тогда на конкурс, неизвестны, но любопытно, что один из них (С. Димитриевича) был условно назван «Айя-София», хотя и не точно воспроизводил предполагаемый образец. Он получил третье место, что давало право на получение вознаграждения [3. С. 200–201].

Из пламени Первой мировой родилось новое Королевство сербов, хорватов и словенцев (КСХС, с 1929 г. — Югославия). И уже в 1919 г. Общество по сооружению храма было воссоздано (с 1920 по 1930 г. под эгидой патриарха Димитрия). На юбилейном заседании Общества в феврале 1925 г. было высказано предложение сделать Врачар местом сосредоточения высших органов сербского православия (неким «православным Ватиканом») и построить вокруг храма св. Саввы комплекс зданий: патриархию, православное отделение Министерства религий, духовную семинарию и главный церковный суд<sup>4</sup>.

Новый конкурс был объявлен и проведен в 1926–1927 гг. Он предполагал возведение храмового здания в «современном сербско-византийском стиле», способного разместить 6000 прихожан на площади 3000 м<sup>2</sup>. На

<sup>3</sup> В качестве ближайшего аналога подобного замысла можно назвать строительство мемориального храма св. Александра Невского в Софии. Задуманный сразу после русско-турецкой войны 1877–1878 гг. для увековечивания памяти о боевом братстве России и Болгарии и акте ее освобождения этот проект был заморожен ввиду разрыва отношений между Болгарским княжеством и Россией, а в 1905 г. возобновлен и реализован в 1912 г., к началу Балканских войн, которые поколебали ориентацию внешней политики Болгарии на Россию и державы Антанты. Со вступлением Болгарии в Первую мировую войну на стороне Централных держав храм был переименован в честь святых Кирилла и Мефодия, а после войны вернул первоначальное имя. Площадь «Софийской громады» составляет 3170 м<sup>2</sup>, и организаторы первого конкурса проектов храма св. Саввы сознательно отказались от идеи превзойти эти размеры.

<sup>4</sup> Эта идея с некоторыми модификациями дожила до середины 1930-х годов [8. С. 405, 408].

конкурс было представлено 22 проекта, и в нем, помимо югославских архитекторов, приняли участие выходцы из России, бежавшие оттуда после революции и Гражданской войны и получившие гражданство КСХС (что являлось непременным условием участия в конкурсе). Первое и третье место так и не были присуждены, а второе получил проект архитектора Богдана Несторовича (1901–1975).

Главным образцом для большинства участников проекта стала константинопольская св. София с крестово-купольной планировкой и аналогичными размерами. Эта же модель предопределила преобладание мозаики во внутреннем убранстве, что не было характерно для церковных зданий сербского средневековья (выстроенная в межвоенный период церковь св. Георгия в Опленце – усыпальница правящей династии – продемонстрировала ее возможности, но подверглась критике югославских архитекторов).

Второй по значимости моделью решения архитектурного пространства для участников конкурса стал Успенский храм в Грачанице (возведен в первой половине XIV в.). Именно этот вариант был реализован в первоначальном проекте Несторовича, отмеченном премией.

Представление о Грачанице как вершинном образце «сербско-византийского стиля» складывалось в конце XIX в. в процессе формирования канонов национальной архитектуры и конструирования регионального варианта неовизантийского стиля под знаком романтического историзма [4; 12]. Альтернативная трактовка значения Грачаницы подразумевает лишь недолгий возврат к поздневизантийской традиции в зодчестве периода правления короля Стефана Уроша II Милутина (1282–1321) [9. Р. 56–57]. Существует и еще одна интерпретация, согласно которой даже во времена Милутина византийские образцы в архитектуре не получили распространения на всей территории его королевства, а бытовали лишь в южных областях, так что даже в Грачанице можно обнаружить неканоничные элементы. Это позволило некоторым исследователям предположить, что ее могли строить не византийские мастера [14. Р. 441–442]. Такая гипотеза соответствует пониманию средневековой сербской архитектуры как впитавшей в себя множество влияний и Востока, и Запада.

Представленные на конкурс проекты стали в 1927–1932 гг. предметом горячего обсуждения в среде югославских архитекторов [3. С. 202–215]<sup>5</sup>. А решающую роль в выборе в качестве образцовой модели константинопольского храма св. Софии сыграл новый патриарх Варнава (1930–1937)<sup>6</sup>, оказавшийся на престоле в разгар архитектурной полемики и вскоре после отмены Видовданской конституции (1929), обозначившей политический поворот к авторитаризму. Патриарх Варнава надеялся, что спроектированный в таком облике собор станет сосредоточением всего сербского православия – «таким храмом, который, как мы думаем, Савва Неманич заслужил. Мы хотим, чтобы он отображал в мраморе, резьбе, украшениях, мозаиках и фресках всю нашу историю, жизнь и события»<sup>7</sup>.

<sup>5</sup> Выборку публикаций см.: *Пешић Б.* Спомен-храм Светог Саве на Врачару у Београду 1895–1988. Београд, 1988. С. 42–57.

<sup>6</sup> Варнава проводил масштабную работу по возведению новых церковных зданий по всей стране; только в одном Белграде за время его патриаршества было выстроено 12 соборов [9. Р. 60].

<sup>7</sup> *Пешић Б.* С. 40.

Это мнение укрепило позицию тех, кто отстаивал идею «реинкарнации» константинопольской св. Софии в центре Белграда. Находясь во главе Общества по возведению храма, Варнава поручил двум архитекторам – тому же Несторовичу и Александру Дероко (1894–1988) (проект которого не получил награды, но был выкуплен по итогам конкурса) – подготовить новые версии. Их приближенные к искомому идеалу архитектурные решения были представлены в печати в самом начале 1932 г., что вызвало очередную волну критики.

В феврале того же года Ассоциация югославских инженеров и архитекторов обратилась к властям с призывом объявить новый конкурс проектов, и король Александр сначала наложил вето на решение о строительстве, однако вскоре снял его под давлением патриарха. Комитет Общества санкционировал создание коллективного проекта, объединив концепцию Несторовича с концепцией Дероко как лучшего знатока средневекового искусства, который в собственном конкурсном проекте изначально ориентировался на св. Софию. Крестово-купольная модель окончательно заменила модель большого нефа с пятью куполами, которая содержалась в проекте Несторовича, подражавшего Грачанице. К работе над коллективным проектом был также привлечен инженер Воислав Заджина. Их общей заслугой стало то, что храм св. Саввы стал походить на константинопольскую св. Софию, а его площадь, в соответствии с обновленным замыслом, была увеличена.

Анализируя профессиональную архитектурную полемику конца 1920-х – начала 1930-х годов, специалисты различают в ней четыре ключевые позиции: тех, кто отстаивал ориентацию на константинопольскую св. Софию, сторонников более современного решения, приверженцев национального стиля и противников храма в качестве памятника св. Савве [8. С. 405]. Архитекторы-модернисты критиковали проект Несторовича–Дероко за архаичность, поскольку новые материалы и инженерные решения позволяли реализовать более современные формы здания, и призывали православную церковь последовать примеру католической, которая в подобных случаях объявляет международный конкурс. Патриарх Варнава упорствовал в убеждении, что «душу сербского народа» могут воплотить лишь местные архитекторы. Противники самой идеи строительства собора в честь св. Саввы указывали на неуместность возведения сугубо сербской святыни в центре Белграда, ставшего в новых исторических условиях столицей мультиэтничного и поликонфессионального государства. В качестве альтернативы они предлагали создать югославянский пантеон, который, по их мнению, более адекватно отразил бы новую культурно-политическую реальность. Некоторые надеялись на устранение традиционно-религиозного замысла увековечивания памяти о св. Савве, предлагая заменить храм комплексом образовательных учреждений и сделав акцент на просветительской миссии сербского исторического деятеля.

Однако выбор константинопольской св. Софии в качестве образца проекта главного белградского храма не был волюнтаристским решением патриарха Варнавы, его окружения и короля Александра. В таком решении проявились тенденции, доминировавшие в тогдашней культурной (и исторической), а также церковной политике.

Авторы большинства проектов, представленных на конкурс 1926 г., в том или ином виде ориентировались на облик константинопольского храма св. Софии, признававшегося вневременным образцом архитектурной организации пространства. При этом позиции архитекторов-модернистов в их

профессиональном поле до начала 1930-х годов еще не были достаточно сильны. Приверженность неовизантийской стилистике в кругу сербских архитекторов можно было бы считать особенностью отсталой культурной периферии, но, как отмечает А. Дж. Кадиевич, участники авангардистской группы «Зенит» в своем стремлении «балканизировать Европу» также призывали использовать и переосмыслить канонические пропорции св. Софии в конструктивистском ключе [4. С. 223–224]<sup>8</sup>.

В целом акцентирование интереса к Средневековью и византийскому наследию являлось способом упрочения и расширения исторических ориентиров недавно появившегося государства. Стремление «удревнить» и «облагородить» его родословную проявилось еще в период существования независимой Сербии – в конце XIX – начале XX в. Соотнесение с могучей имперской традицией, с одной стороны, нивелировало громадный разрыв в государственной истории народа (периода османского владычества), с другой – обосновывало планы территориальной экспансии в целях достижения его целостности (как этнического единства). Кроме того, через посредство византийского наследия сербы приобщались к авторитетной классической традиции, т.е. в идеологической трактовке исторического прошлого приобрели недостающий и столь ценный (в глазах Европы) культурный капитал. Показательно, что подведение итогов конкурса проектов храма св. Саввы практически совпало по времени с проведением II Конгресса византинистов в Белграде в апреле 1927 г. [1].

С образованием КСХС идея *translatio imperii* получила дополнительные основания, но одновременно сделалась потенциально опасной [13]. Этническое, культурное и религиозное разнообразие регионов и жителей нового государства, в котором сербы утратили абсолютное численное превосходство, более соответствовало плюралистическому имперскому ландшафту, и именно эта ситуация провоцировала со стороны несербских элит обвинения в притеснениях и в притязаниях на сербское доминирование.

«Безбожная» революция в России и окончательный крах Османской империи стали новыми стимулами для тех, кто мечтал о превращении Белграда в «четвертый Рим». Такие убеждения получили дополнительную подпитку от российских интеллектуалов и священнослужителей, осевших, после разгрома основных сил антибольшевистского движения на пространствах КСХС. Они принесли с собой характерный для русского (нео)славянофильства, имперского национализма и консерватизма набор идеологических посылов и теперь стремились их трансформировать, «приспособив» к местной среде и потребностям: соборность, «славянская душа» и соответствующий ей уклад духовности, наследование имперской миссии через единственно истинную веру. Апроприация подобных идеологем привела к возникновению новой модификации культа св. Саввы, претендовавшей на выход за рамки узкоцерковного почитания и предлагавшейся в качестве историософской и общественно-политической доктрины, – «святосаввья» (серб.: светосавље) [9. Р. 58–61; 10; 11; 14]<sup>9</sup>.

Если в период сербской автономии и независимости (начиная со времени первого правления Милоша Обреновича в 1820–1830-е годы) укреплялась связь государства с православной церковью, то в условиях КСХС последняя

<sup>8</sup> На противоположном полюсе художественного пространства сформировался круг приверженцев традиционализма в искусстве – группа «Зограф» (1927–1941), ставшая главным рупором неовизантизма.

<sup>9</sup> О влиянии русского духовенства на сербских клириков см. [7].

оказалась в новой ситуации формального дистанцирования от светской власти, межконфессиональной конкуренции и необходимости консолидации единоверцев, ранее находившихся в разных административных и церковных юрисдикциях. Поэтому обновление и укрепление культа св. Саввы в новом, исторически авторитетном имперском антураже представлялось церковным властям крайне важным.

Так или иначе, реализация замысла была отложена до 1935 г. В тот период Югославия все еще переживала трудности послекризисной депрессии и межнациональные конфликты, авторитарный режим ослабел после убийства короля Александра в 1934 г., а международная обстановка накалялась, и Европа двигалась к новой мировой войне.

В 1939 г., когда вроде бы наметилась частичная и хрупкая внутривосточная стабилизация, 10 мая (27 апреля) – в день, который принято считать датой сожжения мошей святого, было проведено торжество освящения фундамента храма. Им руководил патриарх Гавриил V (1938–1950); он собрал и выстроил в колонну священство и верующих со всей страны (35 тыс. чел., а с учетом уличных зрителей – около 40 тыс.). В манифестации приняли участие королевские заместители, премьер-министр страны Д. Цветкович, несколько министров, председатель общины Белграда В. Илич, военачальники, депутаты скупщины и сената, чиновники, профессора, руководство национальных, культурных, церковных и просветительских обществ, а также иностранные дипломаты<sup>10</sup>.

С приходом к власти коммунистов в 1945 г. замысел храма был заброшен по идеологическим мотивам, собственность Общества национализировали, а само здание использовалось для хозяйственных нужд. Но к замыслу вернулись после смерти Тито на фоне слабеющей власти центра, обострившейся косовской проблемы и национализации партийных элит. Воскрешению идеи способствовало также сплочение традиционалистов и последователей «святосаввья» внутри православной иерархии, действовавших под эгидой архимандрита Юстина Поповича [14. Р. 434]. К тому времени было отклонено 88 прошений неутомимого патриарха Германа, занявшего престол еще в 1958 г., и органов церковного правления [2]. Но осенью 1984 г. разрешение республиканских и городских властей на строительство храма все же было получено. В конце апреля 1985 г. остатки довоенного строительства были повторно освящены, и на литургию в мае собралось более 90 тыс. человек (из них 12 тыс. находились в стенах храма).

Новым архитектором проекта был избран профессор Бранко Пешич, который вместе с бюро «Ситудио» должен был адаптировать старый замысел к новым технологиям строительства и новым материалам. Общая вместимость храма по обновленному проекту расширилась до 15 тыс. человек, так что он становился величайшим храмом православного мира. Предусматривалось строительство нижнего храма, реликвария, который должен был вместить все значимые для сербов предметы поклонения, а также кинотеатра, концертно-лекционного зала, библиотеки и т.д. (от части подобных планов впоследствии пришлось отказаться). Б. Пешич с гордостью заявлял: «константинопольская церковь [св. Софии] знаменует собой начало византийской архитектуры, мы же заканчиваем ее спустя четырнадцать веков» (цит. по [9. Р. 69]).

<sup>10</sup> Освећење темеља велелепног храма Св. Саве // Гласник. Службени лист српске православне патријаршије. 1939. Бр. 10–11. С. 245–257.

Строительство возобновилось в 1985 г., и к моменту распада Союза коммунистов Югославии и последовавшего за ним конца Югославской Федерации были возведены стены высотой 40 м и купол храма весом 4000 т. Его увенчал двенадцатиметровый четырехтонный неканонический золотой крест со вписанными в него четырьмя буквами «с» – народный девиз в фольклорной интерпретации геральдических красок сербского герба: «Само слога Србина спасава» («Сербов спасет только единство»). Вся процедура заняла 40 дней и завершилась 26 июня 1989 г. Организаторы торжественных мероприятий и наблюдатели оценивали возрождение храма как знак расставания с коммунистическим атеизмом, возврат сербского народа на святосаввскую духовную тропу и искупление принесенных ранее жертв [9. Р. 65–71; 15]. Однако вскоре страна была ввергнута в пучину националистического безумия.

Новая полоса депрессии, гиперинфляции, войн и международных санкций остановила строительные работы, здание заросло бурьяном и сделалось прибежищем наркоманов. Строительство возобновилось в 2000-е годы – уже в третий раз. 3 сентября 2001 г. для финансирования строительства был образован консорциум из числа наиболее прибыльных государственных и частных предприятий и банков. На этот раз инициатива исходила от тогдашнего премьер-министра – надежды сербской демократии – Зорана Джинджича, вскоре убитого. Благословление дал патриарх Павел (1990–2009), а патроном выступил прибывший в страну после падения режима С. Милошевича кронпринц Александр II Карагеоргиевич, что символизировало возвращение Сербии в «золотую эпоху» монархического парламентаризма. В следующем году, в знак преемственности традиции, консорциум был преобразован в Общество по воздвижению храма св. Саввы на Врачаре.

Казалось, реализация старого замысла вписалась в новый контекст неокапитализма и глобализации, компенсируя изоляцию Сербии от мирового сообщества времен правления Милошевича. Мраморные плиты для облицовки фасада храма прибыли из Греции, причем были оплачены греческими жертвователями. Колокола, поступившие из австрийского Инсбрука, вызвали нарекания православных ортодоксов, поскольку мастерская «Гроссмайер», где они отливались, выполняла и заказы католиков. Критики осудили механический полуденный бой колоколов с исполнением мелодии гимна св. Савве в четыре октавы, усмотрев в нем образчик православного китча [9. Р. 72].

К двухсотлетию начала Первого сербского восстания в 2004 г., когда завершились фасадные работы и была установлена звонница, храм открыли для ограниченного доступа. Тогда же к сбору средств на завершение работ по внутреннему убранству подключилась Русская Православная Церковь (РПЦ) в лице патриарха Алексия II. Во время московского визита президента Сербии Бориса Тадича, ставшего по совместительству новым руководителем Общества по воздвижению храма, и сербского патриарха Павла в Москву в ноябре 2004 г. в храме Христа Спасителя состоялась благотворительная акция «С Сербией вместе!», на которой стартовал сбор средств<sup>11</sup>.

Вслед за РПЦ участие в завершении строительства белградского храма приняли высшие должностные лица России. Если верить главному куратору работ

<sup>11</sup> *Vlahović B.* Srbi su Rusima narod najbliži // *Novosti*. 15.11.2004. URL: <https://www.novosti.rs/vesti/naslovna/aktuelno.69.html:163848-SRBI-SU-RUSIMA-NAROD-NAJBILIZI> (дата обращения: 15.01.2021).

(протонеямару) Воиславу Миловановичу<sup>12</sup>, еще в октябре 2009 г. президент России Д.А. Медведев при посещении храма св. Саввы пообещал, что российские мастера присоединятся к работам по оформлению интерьеров храма («Почему только часть, мы сделаем все»). А В.В. Путин (впервые посетивший храм в ранге главы правительства в марте 2011 г.) дал обещание выполнить и профинансировать все мозаичные работы на площади до 17 000 м<sup>2</sup>.

Во исполнение президентского поручения от 29 апреля 2011 г. и протокола российско-сербского соглашения от 16 марта 2012 г. об участии в оформлении внутреннего убранства храма св. Саввы в Белграде был организован конкурс работ, который завершился к осени 2014 г.<sup>13</sup> Российским мастерам предлагалось украсить купол, подкупольное пространство, алтарную часть и большие подпружные арки.

Ускорению реализации этих замыслов способствовали российские нефтедоллары. По поручению В.В. Путина координатором работ стало Россотрудничество (2015), и к строительству были привлечены средства компаний, ведущих бизнес в Сербии. Таким образом мемориальный храм св. Саввы обрел новую функцию. Теперь, помимо прочего, он символизирует особые отношения между Сербией и Россией, восстанавливающей таким образом свое внешнее влияние с опорой на имперско-византийские реминисценции, тесное сближение государства и церкви (власти и бизнеса), а также планы дальнейшей энергетической экспансии.

Наиболее масштабным вкладом России в интерьер храма стала мозаика главного купола («Вознесение Христово» площадью около 1248 м<sup>2</sup>), над которой трудились около 70 сербских и российских мастеров под руководством народного художника РФ Николая Александровича Мухина. Ее изготовление профинансировала ПАО «Газпром нефть»; договор пожертвования был подписан в августе 2016 г., и в качестве первого взноса компания выделила 4 млн евро.

Для осмотра работ в январе 2019 г. храм посетил лично президент В.В. Путин, который известил о выделении дополнительно еще около 5 млн долларов на завершение работ. По сообщениям прессы, на площади перед храмом его приветствовали более ста тысяч человек, и наблюдатели посчитали этот визит подлинным триумфом российского президента<sup>14</sup>.

Семью метрами ниже уровня храма обустроены нижняя надгробная церковь святого великомученика князя Лазаря, а также крипта, предназначенная для (пере)захоронения сербских патриархов. Было принято решение о перенесении сюда останков патриарха Варнавы. В ноябре 2020 г. в ней упокоился патриарх Ириней.

<sup>12</sup> Он возглавил строительство в апреле 2000 г. Как геодезист В. Милованович был задействован в работах по строительству храма с 1985 г. К тому же в правительстве З. Джинджича он занимал пост министра религий. «Градња изражава стање свести народа». Интервју проф. др Војислава Миловановића, протонеимара храма // НИН. 12.09.2002. Перепечатано на портале: Спомен-храм Светог Саве на Врачару. URL: <http://www.hramsvetogsave.com/Hram/ser/Arhiva/Publikacije/2002-1.htm> (дата обращения: 15.01.2021).

<sup>13</sup> Выставка конкурсных работ на проект оформления внутреннего убранства мемориального храма святого Саввы в Белграде // Российская Академия художеств. [Официальный сайт]. URL: <https://rah.ru/konkursy/detail.php?ID=29327> (дата обращения: 15.01.2021).

<sup>14</sup> Владимира Путина дочекало више од 120.000 људи код Храма Светог Саве // Политика. 17.01.2019. URL: <http://www.politika.rs/scc/clanak/420557/Putin-u-Hramu-Svetog-Save#!> (дата обращения: 15.01.2021).

Крипта была заложена еще в конце 1930-х годов, и во время Второй мировой войны использовалась как бомбоубежище и как склад горючего<sup>15</sup>. В начале 2000-х годов подземное помещение (первоначальной площадью в 250 м<sup>2</sup>), предназначенное для захоронений, было основательно расширено. Теперь оно составляет около 2000 м<sup>2</sup>, для чего пришлось вырыть около 15 000 м<sup>3</sup> земли.

Декорирование нижнего храма началось в 2013 г., в нем участвовало семь иконописных групп. Потолочная роспись основана на евангельских сюжетах, а настенная посвящена св. Лазарю, св. Савве и другим сербским святителям<sup>16</sup>. При этом любопытно, что надписи на иконах выполнены на сербском языке (в верхнем храме – на церковнославянском). Обсуждается перенесение сюда части экспонатов Музея сербской православной церкви и ризницы патриарха, в храме уже проводятся концерты духовной музыки, книжные выставки и другие мероприятия.

Таким образом, главный центр национального православия обрел свое пространство в подземелье. Нижний храм стал памятником страданиям сербского народа, в том числе последнего времени, а изображения новомучеников, поминовение которых установилось в 2000-е годы, разместились неподалеку от алтаря. Это жертвы террора Независимого государства Хорватии времен Второй мировой войны (ясеновацкие и пребиловацкие новомученики), память о которых соотносится и с трагическими страницами истории Югославии 1990-х годов – захоронения жертв в герцеговинском селе Пребиловац были уничтожены в 1992 г. хорватскими вооруженными группами, а выстроенный для них храм взорван. Останки убитых в 1941 г. как бы повторили судьбу мощей св. Саввы.

Заметно, как с каждым провалом очередного проекта храма и после новых трагедий и жертв сербского народа расширялись масштабы замысла, увеличивалась площадь церкви и все более роскошными становились планы внутреннего убранства, в то время как связанные со строительством общественные акции – все более массовыми. Мемориальный смысл храма, включавший увековечение памяти жертв недавнего времени, парадоксальным образом утрачивал ясные ориентиры, обращался на сам объект, поскольку этапы его возведения соотнесены с сопровождавшими строительство национальными трагедиями. Вопреки изначальным предостережениям об опасности гигантизма и излишней роскоши, которые могут скрывать духовное ничтожество (в чем православные священники привычно обвиняли католическую церковь), итогом всех усилий стали именно громадные размеры и дорогое убранство храма. Поэтому к гордости за самую величественную православную церковь, воздвигнутую наконец в центре Белграда, примешиваются сомнения в уместности таких вложений на фоне неблагоприятной социально-экономической ситуации.

После долгой истории отсрочек и заморозок в строительстве неожиданно роскошное, сияющее золотом и яркими красками убранство храма св. Саввы в Белграде, кажется, уже становится памятником утраченным иллюзиям, а также привлекательным объектом для местных и иностранных туристов,

<sup>15</sup> Стевановић Д. Ризница под земљом // Политика. 24.01.2009. URL: [www.politika.rs/scc/clanak/71652/](http://www.politika.rs/scc/clanak/71652/) Ризница-под-земљом (дата обращения: 15.01.2021).

<sup>16</sup> Об особенностях росписей, выполненных на холстах, см.: *Anastasov D. Intervju Jovan Atanacković: Hram naših pobeda i iskušenja* // Ekspres. 29.06.2019. URL: <https://www.ekspres.net/scena/intervju-jovan-atanackovic-hram-nasih-pobeda-i-iskusenja> (дата обращения: 15.01.2021).

достоинства которого широко рекламируются в прессе. В то же время – и столь же неожиданно – храм становится символической заменой константинопольской св. Софии, которая летом 2020 г. по инициативе турецкого лидера Реджепа Тайипа Эрдогана была вновь превращена в мечеть.

### СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

- Владимира Путина дочекало више од 120.000 људи код Храма Светог Саве // Политика. 17.01.2019. URL: <http://www.politika.rs/scc/clanak/420557/Putin-u-Hramu-Svetog-Save#!> (дата обращения: 15.01.2021).
- Выставка конкурсных работ на проект оформления внутреннего убранства мемориального храма святого Саввы в Белграде // Российская Академия художеств. [Официальный сайт]. URL: <https://gah.ru/konkursy/detail.php?ID=29327> (дата обращения: 15.01.2021).
- «Градња изражава стање свести народа». Интервју проф. др Војислава Миловановића, протонеимара храма // НИН. 12.09.2002. Перепечатано на портале: Спомен-храм Светог Саве на Врачару. URL: <http://www.hrmsvetogsava.com/Hram/ser/Arhiva/Publikacije/2002-1.htm> (дата обращения: 15.01.2021).
- Освећење темеља велелепног храма Св. Саве // Гласник. Службени лист српске православне патријаршије. 1939. Бр. 10–11. С. 245–257.
- Пешић Б. Спомен-храм Светог Саве на Врачару у Београду 1895–1988. Београд, 1988.
- Ружић Н. Свети Сава у 1879. години: у корист подизања видљивог споменика Светом Сави, првом архиепископу српском. Београд, 1879.
- Стевановић Д. Ризница под земљом // Политика. 24.01.2009. URL: [www.politika.rs/scc/clanak/71652/Ризница-под-земљом](http://www.politika.rs/scc/clanak/71652/Ризница-под-земљом) (дата обращения: 15.01.2021).
- Anastasov D. Intervju Jovan Atanacković: Hram naših pobeda i iskušenja // Ekspres. 29.06.2019. URL: <https://www.ekspres.net/scena/intervju-jovan-atanackovic-hram-nasih-pobeda-i-iskusenja> (дата обращения: 15.01.2021).
- Vlahović B. Srbi su Rusima narod najbliži // Novosti. 15.11.2004. URL: <https://www.novosti.rs/vesti/naslovna/aktuelno.69.html:163848-SRBI-SU-RUSIMA-NAROD-NAJBILIZI> (дата обращения: 15.01.2021).

### СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Игњатовић А.* Испред византијског пурпура: визуелизација нације на Другом византолошком конгресу у Београду 1927. године // Зборник Матице српске за ликовну уметност. 2018. Бр. 46. С. 127–140.
2. *Јанковић М.Д.* Патријарх српски Герман, у животу и борби за Спомен-храм. Београд; Крагујевац: Каленић, 2001. 747 с.
3. *Јовановић М.* Српско црквено градитељство и сликарство новијег доба. Београд; Крагујевац: Каленић, 1982. 253 с.
4. *Кадјевић А.Б.* Света Софија у Цариграду као узор српских архитеката новијег доба // Зограф. 2019. Бр. 43. С. 215–230.
5. *Миловановић М., Имирагић А.* Спаљивање Светог Саве Српског (прилог методологији историјског датовања) // Митолошки зборник. Рача, 2019. Бр. 42. С. 59–90.
6. *Палаирет М.* Човек који је изградио Енглезовац – Франсис Макензи у Београду (1876–1895) // Историјски часопис. 1992. Београд, 1994. Бр. XXXIX. С. 137–164.
7. *Пилиповић Р.* Узроци и разлози преврата у Русији 1917. у српској црквеној публицистици 20-х година 20 века // Србија и руска револуција 1917. Нове теме и изазови. Тематски зборник радова. Београд: Ћигоја штампа, 2017. С. 165–180.
8. *Церанић М.* Неовизантијски елементи у архитектури храма Св. Саве на Врачару // Ниш и Византија. Ниш, 2005. Бр. 3. С. 397–412.
9. *Alekov B.* Nationalism in Construction: The Memorial Church of St. Sava on Vračar Hill in Belgrade // Balkanologie. 2003. Vol. VII. № 2. P. 47–72.
10. *Buchenau K.* Pravoslavlje und Svetosavlje: Nationales und Universales in der serbischen Orthodoxie // Nationalisierung der Religion und Säkularisierung der Nation im östlichen Europa / Hrsg. M. von Schulze Wessel. Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 2006. P. 203–232.

11. Falina M. Svetosavlje. A Case Study in the Nationalization of Religion // *Swiss Journal of Religious and Cultural History*. 2007. Vol. 101. P. 505–527.
12. Ignjatović A. U srpsko-vizantijskom kaleidoskopu. Arhitektura, nacionalizam i imperijalna imaginacija, 1878–1941. Beograd: Orion art i Univerzitet u Beogradu – Arhitektonski fakultet, 2016. 845 s.
13. Ignjatović A. Translatio Imperii Revisited in the Balkans: Interpretation of Serbian Past and Imperial Imagination, 1878–1941 // *Renovatio, Inventio, Absentia Imperii: From the Roman Empire to Contemporary Imperialism* / Eds. W. Bracke et al.. Brussels; Rome, 2018. P. 191–215.
14. Pantelić B. The last Byzantines: perceptions of identity, culture, and heritage in Serbia // *Nationalities Papers*. 2016. Vol. 44. № 3. P. 430–455.
15. Vesić I., Peno V. Stepping out of the «enclave»: public activities of the Serbian Orthodox Church and the quest to regain social authority in the 1980s // *Istraživanja*. 2020. Vol. 31. P. 254–278.

## REFERENCES

1. Aleksov B. Nationalism in Construction: The Memorial Church of St. Sava on Vračar Hill in Belgrade. *Balkanologie*, 2003, vol. VII, no. 2, pp. 47–72.
2. Buchenau K. Pravoslavlje und Svetosavlje: Nationales und Universales in der serbischen Orthodoxie. *Nationalisierung der Religion und Säkularisierung der Nation im östlichen Europa*, ed. M. von Schulze Wessel, Stuttgart, Franz Steiner Verlag, 2006, pp. 203–232. (In German)
3. Ceranić M. Neovizantijski elementi u arhitekturi hrama Sv. Save na Vračaru. *Niš i Vizantija*, 2005, no. 3, pp. 397–412. (In Serb.)
4. Falina M. Svetosavlje. A Case Study in the Nationalization of Religion. *Swiss Journal of Religious and Cultural History*, 2007, vol. 101, pp. 505–527.
5. Ignjatović A. U srpsko-vizantijskom kaleidoskopu. Arhitektura, nacionalizam i imperijalna imaginacija, 1878–1941, Beograd, Orion art i Univerzitet u Beogradu – Arhitektonski fakultet, 2016. 845 p. (In Serb.)
6. Ignjatović A. Translatio Imperii Revisited in the Balkans: Interpretation of Serbian Past and Imperial Imagination, 1878–1941. *Renovatio, Inventio, Absentia Imperii: From the Roman Empire to Contemporary Imperialism*, eds. W. Bracke et al., Brussels, Rome, 2018, pp. 191–215.
7. Ignjatović A. Ispred vizantijskog purpura: vizuelizacija nacije na Drugom vizantološkom kongresu u Beogradu 1927. godine. *Zbornik Matice srpske za likovnu umetnost*, 2018, no. 46, pp. 127–140. (In Serb.)
8. Janković M.D. *Patrijarh srpski German, u životu i borbi za Spomen-hram*. Beograd; Kragujevac, Kalenić, 2001. 747 p. (In Serb.)
9. Jovanović M. *Srpsko crkveno graditeljstvo i slikarstvo novijeg doba*. Beograd; Kragujevac: Kalenić, 1982. 253 p. (In Serb.)
10. Kadijević A.Đ. Sveta Sofija u Carigradu kao uzor srpskih arhitekata novijeg doba. *Zograf*, 2019, no. 43, pp. 215–230. (In Serb.)
11. Milovanović M., Imširagić A. Spaljivanje Svetog Save Srpskog (prilog metodologiji istorijskog datovanja). *Mitološki zbornik*, Rača, 2019, no. 42. pp. 59–90. (In Serb.)
12. Palairot M. Čovek koji je izgradio Englezovac – Fransis Makenzi u Beogradu (1876–1895). *Istorijski časopis*, 1992, no. 39, pp. 137–164. (In Serb.)
13. Pantelić B. The last Byzantines: perceptions of identity, culture, and heritage in Serbia. *Nationalities Papers*, 2016, vol. 44, no. 3, pp. 430–455.
14. Pilipovič R. Uzroci i razlozi prevrata u Rusiji 1917. u srpskoj crkvenoj publicistici 20-ih godina 20 veka. *Srbija i ruska revolucija 1917. Nove teme i izazovi. Tematski zbornik radova*. Beograd, Čigoja štampa Publ., 2017, pp. 165–180. (In Serb.)
15. Vesić I., Peno V. Stepping out of the «enclave»: public activities of the Serbian Orthodox Church and the quest to regain social authority in the 1980s, *Istraživanja*, 2020, vol. 31, pp. 254–278.

### Информация об авторе:

**Белов Михаил Валерьевич**,  
доктор исторических наук, доцент,  
заведующий кафедрой Новой  
и новейшей истории  
Нижегородского государственного  
университета им. Н.И. Лобачевского  
г. Нижний Новгород, Российская Федерация  
ORCID ID: 0000-0002-4395-028X  
E-mail: [belov\\_mihail@mail.ru](mailto:belov_mihail@mail.ru)

### Information for author:

**Michael V. Belov**,  
PhD. (History), the Head of the Chair  
of Modern and Contemporary  
History at the Lobachevsky  
State University of Nizhny Novgorod  
Russian Federation  
ORCID ID: 0000-0002-4395-028X  
E-mail: [belov\\_mihail@mail.ru](mailto:belov_mihail@mail.ru)



*Славяноведение*, 2021, № 5, с. 79–90

*Slavic Studies. Journal of the Russian Academy of Sciences*, 2021, № 5, pp. 79–90

DOI: 10.31857/S0869544X0016720-5

Оригинальная статья /  
Original Article

## Образ Константинополя в стихотворениях на страницах русской прессы в период русско-турецкой войны 1877–1878 годов

© 2021 г. О.В. Кочукова<sup>1\*</sup>, С.А. Кочуков<sup>2\*\*</sup>

<sup>1</sup>Саратовский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского  
(Саратов, Российская Федерация)

<sup>2</sup>Государственный архив Саратовской области  
(Саратов, Российская Федерация)

\*kochukovasgu@mail.ru; \*\*kochukovsgu1974@yandex.ru

**Аннотация.** В статье анализируется роль поэтической публицистики в конструировании образа Константинополя в российской прессе периода русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Авторы рассматривают идейно-политические и культурные истоки «Константинопольского мифа», выявляют характерные особенности символического противопоставления «Стамбул – Царьград». В статье сопоставляются образы Константинополя, созданные в стихотворениях, публицистических и мемуарных источниках.

**Ключевые слова:** общественное мнение, внешняя политика России, периодическая печать, поэтическая публицистика.

**Ссылка для цитирования:** Кочукова О.В., Кочуков С.А. Образ Константинополя в стихотворениях на страницах российской прессы в период Русско-турецкой войны 1877–1878 годов // *Славяноведение*. 2021. № 5. С. 79–90. DOI: 10.31857/S0869544X0016720-5.

## The image of Constantinople in poems on the pages of the Russian press during the Russian-Turkish war of 1877–1878

© 2021. O.V. Kochukova<sup>1\*</sup>, S.A. Kochukov<sup>2\*\*</sup>

<sup>1</sup>Saratov State University  
(Saratov, Russian Federation)

<sup>2</sup>State Archives of the Saratov Region  
(Saratov, Russian Federation)

\*kochukovasgu@mail.ru; \*\*kochukovsgu1974@yandex.ru

**Abstract.** The article examines the role of poetic journalism in the construction of the image of Constantinople in the Russian press during the Russian-Turkish war of 1877–1878. The authors examine the ideological, political and cultural origins of the «Constantinople myth», reveal the characteristic features of the symbolic opposition «Istanbul – Constantinople». The article compares the image of Constantinople in poems, journalistic and memoir sources.

**Keywords:** public opinion, Russian foreign policy, periodicals, poetic journalism.

**Reference for citation:** *Kochukova O.V., Kochukov S.A.* The image of Constantinople in poems on the pages of the Russian press during the Russian-Turkish war of 1877–1878 // *Slavic Studies. Journal of the Russian Academy of Sciences.* = *Slavyanovedenie.* 2021. No 5. Pp. 79–90. DOI: 10.31857/S0869544X0016720-5.

Политика Российской империи в Восточном вопросе определялась, как известно, не только прагматическими интересами, но и сферой идейно-политических устремлений, усиленным фактором исторической памяти [1. С. 7]. Общественная мысль России в XIX в. постоянно повторяла тезис об исторической «несправедливости» власти турок-мусульман над прежней православной Византийской империей. Символом заветной мечты о православном Константинополе было возвращение креста на храм Святой Софии. Каждое обострение восточного вопроса вызывало возрождение «Константинопольского мифа». Во время Балканского кризиса 1875–1878 гг. и русско-турецкой войны 1877–1878 гг. «мечта о Царьграде» вновь овладела умами, что нашло отражение в разнообразных публицистических и художественных текстах.

В российской прессе периода русско-турецкой войны с новой силой зазвучали обновленные славянофильские идеи. В эпоху споров западников и славянофилов Восточный вопрос рассматривался в контексте становления русского национального самосознания и был тесно связан с проблемой противостояния Запада и Востока и ролью России в этом противостоянии. М.П. Погодин подчеркивал: «Европу можно разделить исторически на две главные половины: западную и восточную [...] Первая получила христианскую веру от Рима, вторая — из Константинополя... Государства западные основаны на развалинах Западной Римской империи, восточные составились из областей Восточной и стран, прилежавших к ней»<sup>1</sup>. Эту мысль продолжал Ф.И. Тютчев, задававший вопросом: «Остается только узнать, обретет ли Восточная Европа, уже на три четверти сложившаяся, эта истинная империя Востока, для которой первая империя византийских кесарей, древних православных императоров, служила лишь слабым и неполным предначертанием, обретет или нет Восточная Европа свое последнее, самое существенное дополнение, и получит ли она его путем собственного хода событий или будет вынуждена добывать его силою оружия...?» (цит. по [7. С. 193–194]).

В 1877 г. Н.Я. Данилевский писал: «Все, что Константинополь заключает в себе великого, — его православно-христианский и исторический ореол, его несравненное географическое, топографическое и стратегическое положение, — будет принадлежать России наравне со всеми прочими народами, имеющими на него право по своей религии, этнографическому составу, историческим судьбам и географическому положению занимаемых ими стран»; при этом Данилевский оговаривался, что Константинополь еще долго будет «ожидать времени своего преобразования из турецкого Стамбула в православный и славянский Цареград для новой славной исторической жизни»<sup>2</sup>. Ф.М. Достоевский в марте 1877 г. отмечал в «Дневнике писателя»: «Да, Золотой Рог и Константинополь — все это будет наше [...] И, во-первых, это случится само собой,

<sup>1</sup> *Погодин М.П.* Исторические афоризмы. М., 1836. С. 29–30.

<sup>2</sup> *Данилевский Н.Я.* Война за Болгарию // *Данилевский Н.Я.* Политическая философия. Дополнения к книге «Россия и Европа». М., 2013. С. 84, 87.

именно потому, что время пришло, а если не пришло еще и теперь, то действительно время уже близко, все к тому признаки»<sup>3</sup>.

Небывалое внимание различных слоев населения к миссии России в деле освобождения балканских славян было во многом обусловлено социально-психологическими характеристиками русского общества 1870-х годов. Это очень тонко подмечено в одной из передовых статей «Русского обозрения»: «События на Балканском полуострове застали Россию врасплох. Двадцать лет мира, после Крымской войны, приучили нас объективнее относиться к внешним делам и сосредоточивать более всего внимание на внутреннем нашем развитии. Но последние годы очень мало были плодотворны для этого развития. Под влиянием многих неблагоприятных причин общие интересы и идеалы более или менее потускнели и отодвинулись на второй план, и первое место заняли личные расчеты, грубые инстинкты наживы и доведенного до крайней степени себялюбия. При таких обстоятельствах явившееся нам на помощь движение в пользу славян принято было нами как якорь спасения. Оно отвлекало от узких, эгоистических видов и расчетов, оно выводило общество из апатии. Потрясающий вид страданий и попранной справедливости, примеры самоотвержения и бескорыстных подвигов братской любви — отрезвляюще действовали и увлекали людей на путь добра. Многие, в том числе и мы, прозревали во всем этом начало обновления»<sup>4</sup>. Наивысший подъем освободительного пафоса был вызван национальными восстаниями в Герцеговине, Боснии и Болгарии — охватившее россиян воодушевление отразило внутренний порыв к обретению новых идеалов, к объединяющей нацию мечте, которую можно было бы противопоставить реальности расколотого и раздираемого противоречиями общества. Мифологема «освободительной войны» России на Балканах какое-то время выполняла консолидирующую функцию, а «Константинопольский миф» стал ее частью.

Поэтическая публицистика той эпохи, наряду с изобразительным искусством, внесла значимый вклад в образно-художественную репрезентацию «мечты о Царьграде». Литературные таланты и политические взгляды сторонников различных вариаций имперского или национально-патриотического мировоззрения проявились в стихах, увидевших свет на страницах прессы 1877—1878 гг. [6. С. 55—58].

Рассматривая стихотворения, печатавшиеся тогда на страницах русских газет и журналов, необходимо прежде всего отметить, что они отразили типичную для русской общественной мысли неоднозначность отношения к Османской империи. Характерно символическое противопоставление Константинополя и Стамбула, отражающее историческую разъединенность культурно-смысловых и реально-политических локаций: топоним «Стамбул» применялся в основном для обозначения политического настоящего Османской империи, именование же «Царьград» использовалось в описании мифологизированного прошлого — а также будущего некогда «потерянной», но несомненно предназначенной к возрождению Византийской империи (православно-славянского единства). Дихотомия восприятия историко-географического пространства Османской империи ярко выражена в одной из речей И.С. Аксакова, произнесенной им в Славянском комитете: «Неистовства, зверства, бешеный разгул самых диких страстей, сжигание заживо девиц,

<sup>3</sup> *Достоевский Ф. М.* Собр. соч. В 9-и т. М., 2007. Т. 9. Кн. 1. С. 70.

<sup>4</sup> Русское обозрение. 1877. № 1. С. 1.

наперед поруганных и обесчещенных, истребление мирных жителей десятками тысяч, опустошение целого края огнем и мечом — все роды мук и бед обрушены ныне на безоружное болгарское население расшвирипевшим изуверством азиатской орды, сидящей на развалинах древнего, великого православного царства и других православных славянских держав»<sup>5</sup>. Османская империя выступала как исторически сложившаяся общность «азиатской орды» и «православного царства» — этот образ восходил к библейскому топосу Города — символического, мистического пространства, трактуемого через оппозицию «города греха» и «града Божьего».

Образ Стамбула в стихотворной публицистике середины 1870-х годов соотносится с понятием «города греха» и в то же время определяется ориенталистским дискурсом: он описывается как центр всего восточного, азиатского, варварского, деспотического. В этом отношении наиболее показательно стихотворение А. Круглова «Стамбул», помещенное в журнале «Будильник» в 1878 г.:

Берегися, Стамбул! Берегись, бусурман!  
Берегись! Это — войско Христово,  
Это — русская рать! Посмотри, как она  
Подвигается грозно, сурово!..

Пробил час твой, тиран, — ты, что все попирал,  
Ты, не знавший любви, сожаленья,  
Ты — вселенной позор, дикий зверь меж людей, —  
Ниоткуда не жди избавленья!<sup>6</sup>

Олицетворение города (ср. греховный библейский Вавилон) позволяет приписывать ему черты тирана с характерными качествами жестокости, безжалостности, варварства. Стихотворение отражало настроения, которые были широко распространены в общественной и военной среде на завершающем этапе русско-турецкой войны — мечта о взятии Константинополя казалась как никогда близкой к реальности.

Особенно важно для авторов было акцентировать вину Стамбула в карательных действиях по отношению к славянскому национально-освободительному движению. Примером может служить опубликованное в 1877 г. в журнале «Пчела» стихотворение А. К. Шеллера-Михайлова «Восставший». В нем говорится о потрясающе бесчеловечной акции насилия, учиненной в болгарском селении; жестокость поработителей трактуется как основной мотив присоединения мирных, патриархальных крестьян к повстанческому движению. Автор предоставляет слово жителям разоренных славянских селений — в коллективном монологе речь идет о зверствах турок, которые «позорят, губят, грабят»:

А в своем Стамбуле до сих пор  
Нас же всех позорят и бесславят:  
Если ты болгар, так значит, вор!  
А они-то кто? В два дня постоя  
Скот угнали, дом в селе сожгли,  
Благо мы не смеем о разбое  
Заявлять ни кади, ни вали!<sup>7</sup>

<sup>5</sup> Аксаков И. С. Собр. соч. В 12-и т. СПб., 2015. Т. 1. Славянский вопрос. Кн. 1. С. 306.

<sup>6</sup> Круглов А. Стамбул // Будильник. 1878. № 4. С. 3.

<sup>7</sup> Михайлов А. Восставший // Пчела. 1877. № 1–2. С. 2.

Впрочем, Стамбул символизирует все же не «абсолютное», а лишь относительное зло: в ряде стихотворений столица мусульманской Порты упоминается вкупе с Лондоном или в одном ряду с ним. Общественное мнение России было убеждено в зависимости политики Стамбула от Лондона и в том, что за спиной султана Османской империи отчетливо просматривается фигура британского премьера Бенджамина Дизраэли (лорда Биконсфильда). Британский кабинет министров с Дизраэли во главе ратовал за усиление и сохранение прежних позиций Турции на Балканском полуострове, что было необходимо для сдерживания России и противодействия ей в данном регионе [3. С. 12–13]. Четверть века спустя один из видных политических деятелей Великобритании Джордж Дуглас Кэмпбэлл, герцог Аргайльский, признавал, что его страна поддерживала Оттоманскую Порту, стремясь разрушить возможные планы России на Балканах: «Туркам должно быть вполне ясно, что мы действовали, не забывая о собственных интересах и желая остановить какой бы то ни было ценой надвигающуюся мощь России»<sup>8</sup>. Премьер-министр Дизраэли обозначил приоритеты Великобритании с учетом стремления Российской империи закрепиться на Балканах: «Если русские возьмут Константинополь, они в любое время смогут направить свои армии через Сирию к устью Нила, и тогда какой прок нам в удержании Египта? Даже господство на море не помогло бы нам в этом случае. Люди, которые так говорят, должно быть, совершенные профаны в географии. Наша сила на море. Константинополь, а не Египет и Суэц является ключом от Индии...» (цит. по [8. С. 136]). Российский исследователь В.Н. Виноградов совершенно справедливо считает, что Восточный вопрос в понимании Дизраэли сводился к охране Британской империи, ее коммерческих и стратегических интересов в Леванте, Персидском заливе, Индии, Австралии и на Дальнем Востоке [2. С. 155].

В российской периодической печати постоянно отмечали зависимость политики Османской империи от позиций Великобритании. При этом корыстные интересы британского кабинета противопоставлялись бескорыстным устремлениям народа (и отождествлявшегося с ним правительства) Российской империи, испытывавшего искреннее желание оказать братскую помощь балканским славянам. В преддверии русско-турецкой войны отечественные газеты в своих разделах «иностранных известий» представляли ситуацию так: «Мир зависит в настоящую минуту единственно от великобританского кабинета. Лондонский кабинет — и он один — может и теперь, как в пору берлинского меморандума, явиться виновником новых затруднений, еще большего усложнения, возобновления турецких неистовств и, наконец, войны со всеми ее роковыми последствиями. Ответственность за эту последнюю падет исключительно на лондонский кабинет и будет тем более тяжка, чем многочисленнее и явственнее свидетельства постоянства миролюбивых стремлений России»<sup>9</sup>.

Отношение Великобритании к войне было одной из важнейших тем стихотворной публицистики конца 1870-х годов. Один из характерных текстов — «Эпизод из Биконсфильдады», автор которого подписался псевдонимом Пеннисон, варьировавшим фамилию известного английского поэта А. Теннисона. Здесь в остросатирическом виде представлено отношение англичан к Восточному вопросу:

<sup>8</sup> Герцог Аргайльский. Ответственность Англии в Восточном вопросе. СПб., 1908. С. 81–82.

<sup>9</sup> Гражданин. 1877. № 9. С. 1.

В дымном Лондоне смятенье...  
Краснобаи мостовых  
Вышли, с криком, на спасенье  
Турок, братушек своих.  
Бесновались и кричали:  
«Русских осадить нельзя ли?»  
И на север кулаки  
Поднимали вожаки<sup>10</sup>.

Автор стихотворения, написанного уже на заключительном этапе русско-турецкой войны, показывал, что Стамбул для британцев был не менее важен, чем Царьград для русских, но если для последних Стамбул, «незаконно» занимая место священной столицы православной Империи, представлял элементом сакрального конфликта, то в Лондоне город мыслили исключительно как геополитический пункт, преследуя прагматические цели, определявшие политическим настоящим. Однако трезвость и рациональность суждений иногда покидали англичан, и об этом говорится в «Биконсфильдиаде» — любовью, даже незначительный, слух о том, что Россия собирается захватить турецкую столицу, вызывает в Туманном Альбионе страх (зачастую необоснованно преувеличенный):

Словно чайки перед бурей,  
Стаи мокрые газет  
Разлетаются повсюду,  
Темному швыряя люду  
Кучи врак и злых клевет.  
«Новость! Русские в Стамбуле!  
Стоит денег! Пал Стамбул!  
Враг сидит на Джоне-Буле...  
Всю Европу обманул...»<sup>11</sup>.

Острые сатиры здесь направлено против русофобии, усилившейся в ряде европейских стран ко времени окончания русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Это хорошо понимали и некоторые политические и общественные деятели Великобритании. Ярким примером может служить карикатура, опубликованная в английском сатирическом журнале «Punch»<sup>12</sup>. Воображение читателя здесь поражает апокалиптический всадник на страшной исхудалой кляче; в руки «русского варвара» карикатурист вложил призывный лозунг к захвату Индии. Впрочем, весь этот ужас — лишь ночной кошмар английских обывателей, начитавшихся газет и телеграфных сообщений. На рисунке изображен пытающийся их успокоить Роберт Гаскойн-Сесил Солсбери, который в правительстве Дизраэли отвечал за управление Британской Индией, а в 1878 г. получил портфель министра иностранных дел. Он увещевает беспокоящихся сновидцев: «Очнитесь, ребята, не шумите так ужасно! Ведь это только страшный сон. Все знают, что глупо воевать за идею, но еще безумнее — идти на войну с ночным кошмаром» [4. С. 81–88]. В словах Солсбери торжествует политическое благоразумие. Здоровый прагматизм противопоставлен здесь как панславистской ангажированности российской внешней политики («война за идею»),

<sup>10</sup> Пеннисон В.Я. Эпизод из «Биконсфильдиады» // Всемирная иллюстрация. Иллюстрированная хроника войны. 1877. № 99. С. 386.

<sup>11</sup> Пеннисон В.Я. С. 386.

<sup>12</sup> Punch, or the London Charivari. 1877. 23 June. P. 282.

так и русофобским стереотипам европейского общественного мнения («война с ночным кошмаром»), которые в сознании англичан часто соотносились с угрозой британским колониальным интересам.

Однако в публиковавшихся на страницах периодических изданий стихотворениях о Стамбуле, противопоставленном Царьграду, речь шла не только о внешнеполитической роли Российской империи – говорилось здесь и о «собственных», внутренних проблемах российского общества. Среди многочисленных поэтических текстов периода русско-турецкой войны есть несколько произведений, написанных в духе «самокритики». Один из примеров – стихотворение «Из Москвы в Стамбул (Из письма пленного турка)»; его автор Л.Н. Трефолев подписался псевдонимом «Уединенный Пошехонец». Сатирический текст представляет собой «переведенное» на русский язык письмо турецкого военнопленного. Ирония здесь направлена против «непатриотического» поведения знатных дам в провинциальных городах России, где были размещены военнопленные из Османской империи. Автор сравнивает российские города со Стамбулом, стремясь показать, что нецивилизованное поведение, недостойное подвига героев-освободителей, зачастую присуще и российским обывателям – в этом смысле жители Москвы или Тулы немногим отличаются от «диких» турок<sup>13</sup>.

В отличие от Стамбула, образ Царьграда был более понятен и близок солдатской, простонародной публике. Например, стихотворение В. Яковлева «Освободители», помещенное в 1878 г. в журнале «Всемирная иллюстрация», написано как подражание солдатской песне – оно прославляет воинскую доблесть и удаль русских солдат, а в заключительной части без затей провозглашается цель похода:

Нет для нас степей безводных,  
Нет заоблачных снегов,  
Нет ни трудностей походных,  
Ни достойных нас врагов;  
Нет ни выюг, ни ураганов...  
Да и нет уже Балканов...  
У Царьграда мы... Вперед!  
Не стоять же у ворот...  
Водрузим в Софийском храме  
Наше праведное знамя.  
Сторонитесь: Русь идет!<sup>14</sup>

Действительно, в какой-то момент воодушевление в рядах русской армии, связанное с надеждой войти в оттоманскую столицу, достигло необычайного напряжения. Генерал П.Д. Паренсов отмечал в мемуарах: «Войска наши, добравшись до Сан-Стефано и ближайших окрестностей Константинополя, были вполне готовы сделать еще один шаг – занять Константинополь. Все, от мала до велика, были убеждены не только в неминуемости этого события, но и в том, что этот шаг вполне возможен и будет сделан если не сегодня, то завтра. По сведениям, не оставляющим никакой тени сомнения, нас

<sup>13</sup> Трефолев Л.Н. Из Москвы в Стамбул (Из письма пленного турка) // Будильник. 1877. № 36. С. 4.

<sup>14</sup> Яковлев В. Освободители // Всемирная иллюстрация. 1878. № 492. С. 403.

в Константинополе ждали с часу на час; шли разговоры о размещении наших войск в турецких казармах»<sup>15</sup>.

Эти настроения отражала поэтическая публицистика. Характерно стихотворение «Миражи», помещенное в специальном приложении к журналу «Всемирная иллюстрация» — «Иллюстрированная хроника войны». Самодержавие, православие и русское воинство в нем — главные действующие лица всех войн России с Османской империи. Автор не обошел вниманием столицу Порты:

Разрушена врагов последняя преграда,  
Открыт свободный путь для славных русских сил —  
Уж видны издали строения Царь-Града  
И полумесяц ждет, чтоб крест его сменил<sup>16</sup>.

Характерной для подобных текстов была мысль, что достижение Царьграда обеспечено и потребует лишь небольших усилий. Поэты провозглашали, что вступление в Константинополь будет означать не только победное окончание войны, но и выполнение Россией своей исторической миссии. Примером является цикл стихотворений В.И. Головина «За крест и свободу»<sup>17</sup>. В еще более восторженных тонах призывал захватить Царьград князь В.П. Мещерский, чьи поэтические отклики на войну с Турцией регулярно появлялись в политической и литературной еженедельной журнал-газете «Гражданин». Стихотворение Мещерского «На Дунай! Гимн Делиградских добровольцев» посвящено русским добровольцам в сербо-турецкой войне 1876 г. и командующему южной сербской армией М.Г. Черняеву. Стиль стихотворения имитирует солдатскую песню:

Марш вперед, с молитвой к Богу,  
За Царя и за народ,  
Сам Господь пробил тревогу,  
Сам зовет Он нас в поход!  
  
На Дунай же, поскорее,  
Русский молодец-солдат,  
С туркой сцепимся дружнее  
И возьмем его Царьград!<sup>18</sup>

Позже Мещерский в мемуарах с горечью вспоминал о русских воинах, не получивших возможности вступить в Царьград: «Боже, какой у них вид был после этого страшного усиленного трудного похода: измученные, усталые, почти голодные и нравственно убитые известием о том роковом “стой”, которое судьба произнесла в тот миг, когда они вынесли все невзгоды, все тяжести похода с надеждой все забыть в стенах взятого Царьграда»<sup>19</sup>.

В публикации газеты «Северный вестник» также высказывалось мнение о символическом значении вступления русских войск в Константинополь, знаменовавшего справедливый эпилог войны. Примечательно, что в этом случае осуществление давней русской мечты рассматривалось как противопоставление политическому здравому смыслу и прагматизму. Автор заметки полагал, что

<sup>15</sup> Паренсов П.Д. Из прошлого. Русские войска перед Константинополем в 1878 г. // Русская Старина. 1909. Т. 138. № 4. С. 32.

<sup>16</sup> Миражи (Посвящается русскому воинству) // Всемирная иллюстрация. Иллюстрированная хроника войны. 1877. № 15. С. 115.

<sup>17</sup> Головин В.И. За крест и свободу // Русское обозрение. 1876. № 6. С. 2–3.

<sup>18</sup> Мещерский В.П. На Дунай! // Гражданин. 1876. № 30–31. С. 812.

<sup>19</sup> Мещерский В.П. Воспоминания. М., 2001. С. 400.

даже после победоносного завершения войны с Османской империей решить балканскую проблему без созыва европейского конгресса невозможно, а если Россия будет твердо настаивать на своем, то, в конечном счете, получит вторую Крымскую войну. Именно такой пессимистический ход рассуждений вызывал к жизни признание «Северного вестника»: «Желание войти в Константинополь в виде блистательного эпилога кампании очень сильно во всех русских офицерах и солдатах русской армии. Это стремление почти детски простодушно по своей натуре и не имеющее ничего общего с какими бы то ни было завоевательными планами, могло бы быть удовлетворено дружеским приглашением со стороны Порты пройти через город к гавани для немедленного отплытия оттуда на родину, не менее, чем действительным занятием столицы на известное время. С русского войска довольно уже и того, что перенесено им; не нужно ему также и никакого кровопролития; посетить ту или иную местность исключительно ради возможности сказать потом, что они побывали там...»<sup>20</sup>.

Примечательно, что желание вступить в Константинополь воспринималось в европейской прессе как своего рода «больное место» балканской политики Российской империи и ее общественного мнения; иногда оно становилось темой карикатур. Например, французский художник А. де Ное (псевд. — Хам) остро почувствовал эту болевую точку русской армии. Россия могла сколько угодно наносить удары, громить турецкие войска, захватывать крепости, блокировать османские гарнизоны, но ей не удалось осуществить главного — пройти парадным маршем по улицам Константинополя. Это и обыграл Хам в язвительной карикатуре, изобразив русского солдата, который с подачи турка слушает в телефонную трубку звон колоколов Святой Софии<sup>21</sup>. Подпись к рисунку — предложение русским: «Воспользуйтесь телефоном, чтобы послушать службу в Святой Софии без въезда в Константинополь». В том же духе выдержана еще одна карикатура Хама — «Средний путь». Подрисуночная подпись гласит: «Чтобы пощадить османское самолюбие, можно пересечь Константинополь по пешеходному мосту, не входя в него»<sup>22</sup>.

Впрочем, и в России было немало общественных деятелей, скептически настроенных по отношению к идее вступления русских войск в Константинополь [5. С. 88—94]. В частности, журнал «Дело» отмечал: «Как наше общество приняло мир? Представители интеллигенции отнеслись к нему совершенно равнодушно или, не довольствуясь миром простым, хотят мира почетного. Как это понять? Если тут говорит чувство национальной гордости, нежелание быть ниже других народов, то мы это чувство понимаем. Но оно ли говорит? В чем должен заключаться почет? В том, что, подобно Олегу, мы должны повесить щит на воротах Царьграда, или в том, что, чувствуя в себе силу это сделать, мы этого не сделаем?.. Но разве русская борьба с турками была из-за первенства? Мы, считая себя европейским народом, не видели в Турции ровню себе и шли за Балканы не для того, чтобы стать выше турок, — мы знали, что стоим выше, — мы шли, чтобы освободить угнетенных братьев по Христу. Для удовлетворения того же чувства зачем мы прошли бы парадно по Константинополю, когда чувства борьбы за превосходство вовсе не было в списке чувств, с которыми мы начали войну? И разве мы брали Константинополь? Разве мы взяли его, подобно тому как немцы взяли Париж? Значит, нам пришлось бы

<sup>20</sup> Северный вестник. 1878. № 51. С. 1.

<sup>21</sup> Le Charivari. 1878. 12 Fevrier. P. 34.

<sup>22</sup> Le Charivari. 1878. 16 Fevrier. P. 38.

идти в Константинополь нарочно. И для чего? Чтобы унижить национальное чувство побежденного врага? Да ведь ему уж и так нелегко, он уже и так лежит у ног победителя. Кто же бьет лежащего – подумайте!»<sup>23</sup>.

Возникавшие в публицистической поэзии того времени образы Константинополя в ипостасях Стамбула и Царьграда были идеологически окрашенными и существовали в рамках разнообразных ментальных стереотипов и мифологем. Описания Константинополя в мемуаристике периода русско-турецкой войны были иными. В период Сан-Стефанского перемирия некоторые русские офицеры совершали визиты в город; кроме того, экскурсии по нему были организованы турецкой стороной для отдельных военнопленных офицеров русской армии. У многих из них столица Османской империи вызвала разочарование, она оказалась совершенно не такой, какой выглядела в стереотипных представлениях. Например, генерал-лейтенант В. Н. Клевезаль вспоминал: «Объезжая город, мы заехали в мечеть св. Софии. Здание по обширности грациозно, но наружной красотой не поражает. Собор был осмотрен подробно [...] в одном из куполов был замечен лик Спасителя с поднятыми вверх руками. Изображение это хотя закрашено, но очертания сохранились. Константинополь в то время не отличался постройками: около большого красивого дома – маленький, невзрачный, напротив либо пустое место, ничем не занятое, либо развалины когда-то бывших каменных построек»<sup>24</sup>.

Образ Константинополя присутствует и в сочинениях русских солдат, сопровождавших офицеров во время посещения турецкой столицы. Однако и в этих текстах явственны нотки разочарования: «Нехорошее впечатление произвел на нас Константинополь. Дома высокие, улицы узкие; везде грязь и неопрятность ужасная: околет, например, кошка на улице, тут она и валяется, никто не думает убирать ее»<sup>25</sup>. Бытовые зарисовки автора солдатского сочинения резко противоречили идеологическим конструкциям, которые были распространены в стихотворениях, написанных «от лица солдат».

Разница между репрезентациями Константинополя в публицистических и стихотворных текстах, появлявшихся на страницах российской прессы, и зарисовками мемуаристов вполне понятна и объяснима. Она демонстрирует несовпадение сфер действительного и воображаемого, реальной политики и мифологем общественного сознания. Патриотическая трактовка освободительной войны России на Балканах была органично взаимосвязана с имевшей глубокие исторические корни «Константинопольской мечтой» русского общества. Война 1877–1878 гг. показала взаимосвязь интересов внешней политики и идеологических ценностей. Постулат об исторической миссии России по освобождению балканских православных народов оставлял в тени проблему прагматических интересов России, а завышенные на начальном этапе ожидания в отношении хода и итогов войны сменились неизбежным разочарованием в период ее завершения.

#### СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

- Аксаков И. С. Собр. соч. В 12 т. СПб.: ООО «Издательство “Росток”», 2015. Т. 1. Славянский вопрос. Кн. 1. 639 с.  
Герцог Аргельский. Ответственность Англии в Восточном вопросе. СПб.: Тип. А. Бенке, 1908. 180 с.

<sup>23</sup> Дело. 1878. № 2. С. 430–431.

<sup>24</sup> Клевезаль В. Н. Воспоминания военнопленного // Исторический вестник. 1901. Т. 83. № 3. С. 966.

<sup>25</sup> Сборник солдатских сочинений. СПб., 1885. Вып. 1. С. 58.

- Головин В.И. За крест и свободу // Русское обозрение. 1876. № 6.  
Гражданин. 1877. № 9.  
Данилевский Н.Я. Политическая философия. Дополнения к книге «Россия и Европа». М.: Издательство «ФИВ», 2013. 288 с.  
Дело. 1878. № 2.  
Достоевский Ф.М. Собр. соч. В 9 т. Т. 9. В 2 кн. Кн. 1: Дневник писателя. М.: Астрель: АСТ, 2007. 844 с.  
Клевезаль В.Н. Воспоминания военнопленного // Исторический вестник. 1901. Т. 83. № 3.  
Круглов А. Стамбул // Будильник. 1878. № 4.  
Мещерский В.П. Воспоминания. М.: Захаров, 2001.  
Мещерский В.П. На Дунай! // Гражданин. 1876. № 30–31. 687 с.  
Миражи (Посвящается русскому воинству) // Всемирная иллюстрация. Иллюстрированная хроника войны. 1877. № 15.  
Михайлов А. Восставший // Пчела. 1877. № 1–2.  
Паренсов П.Д. Из прошлого. Русские войска перед Константинополем в 1878 г. // Русская Старица. 1909. Т. 138. № 4.  
Пеннисон В.Я. Эпизод из «Биконсфальдиады» // Всемирная иллюстрация. Иллюстрированная хроника войны. 1877. № 99.  
Погодин М.П. Исторические афоризмы. М.: Университетская типография, 1836. 128 с.  
Русское обозрение. 1877. № 1.  
Сборник солдатских сочинений. СПб.: Редакция журнала «Чтение для солдат», 1885. Вып. 1. 60 с.  
Северный вестник. 1878. № 51.  
Трефолов Л.Н. Из Москвы в Стамбул (Из письма пленного турка) // Будильник. 1877. № 36.  
Яковлев В. Освободители // Всемирная иллюстрация. 1878. № 492.  
Le Charivari. 1878. 12 Fevrier.  
Le Charivari. 1878. 16 Fevrier.  
Punch, or the London Charivari. 1877. 23 June.

## СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Виноградов В.Н.* Двуглавый российский орел на Балканах. 1683–1914. М.: ИНДРИК, 2010. 480 с.
2. *Виноградов В.Н.* Бендхамин Дизраэли и Фея на престоле. М.: Наука, 2004. 191 с.
3. *Золотарев В.А.* Противоборство империй. Война 1877–1878 гг.— апофеоз восточного кризиса. М.: Animi Fortitudo, 2005. 568 с.
4. *Кочуков С.А.* Политическая карикатура русско-турецкой войны 1877–1878 гг. на страницах сатирических изданий // Внешнеполитические интересы России: история и современность. Сборник материалов VII Всероссийской научной конференции / отв. ред. А.Н. Сквозников. Самара: Самарская государственная академия, 2019. С. 81–88.
5. *Кочукова О.В.* Сатирическая поэзия накануне русско-турецкой войны 1877–1878 гг. // Внешнеполитические интересы России: история и современность. Сборник материалов VII Всероссийской научной конференции / отв. ред. А.Н. Сквозников. Самара: Самарская государственная академия, 2019. С. 88–94.
6. *Кочукова О.В., Кочуков С.А.* Русско-турецкая война 1877–1878 гг. в поэтической публицистике (по страницам периодической печати). М.: Русский Мирь, 2020. 384 с.
7. *Пигарев К. Ф.И.* Тютчев и проблемы внешней политики царской России // Литературное наследство. М., 1935. Т. 19/21. С. 177–256.
8. *Сергеев Е.Ю.* Большая игра, 1856–1907: мифы и реалии российско-британских отношений в Центральной и Восточной Азии. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2012. 454 с.

## REFERENCES

1. *Kochukov S.A.* Politicheskaja karikatura russko-turetskoj voiny 1877–1878 gg. na stranitsakh satiricheskikh izdanii // *Vneshnepoliticheskije interesy Rossii: istoriia i sovremennost'*. Sbornik materialov VII Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii, ed. A.N. Skvoznikov, Samara, Samara State Academy Publ., 2019, pp. 81–88. (In Russ.)
2. *Kochukova O.V.* Satiricheskaja poezija nakanune russko-turetskoj voiny 1877–1878 gg. // *Vneshnepoliticheskije interesy Rossii: istoriia i sovremennost'*. Sbornik materialov VII Vserossiiskoi

- nauchnoi konferentsii, ed. A.N. Skvoznikov, Samara, Samara State Academy Publ., 2019, pp. 88–94. (In Russ.)
3. Kochukova O.V., Kochukov S.A. *Russko-turetskaia voina 1877–1878 gg. V poeticheskoi publitsistike (po stranitsam periodicheskoi pečati)*. Moscow, «Russkii Mir» Publ., 2020, 384 p. (In Russ.)
  4. Pigarev K. F.I. Tiutchev i problemy vneshnei politiki tsarskoi Rossii // *Literaturnoje nasledstvo*, Moscow, 1935, no 19/21, pp. 177–256. (In Russ.)
  5. Sergejev Je. Iu. *Bol'shaia igra, 1856–1907: mify i realii rossiisko-britanskikh otnoshenii v Tsentral'noi i Vostochnoi Azii*. Moscow, Tovarishchestvo nauchnykh izdanii KMK Publ., 2012, 454 p. (In Russ.)
  6. Vinogradov V.N. *Dvuglavyi rossiiskii orel na Balkanakh. 1683–1914*. Moscow, INDRIK Publ., 2010, 480 p. (In Russ.)
  7. Vinogradov V.N. *Bendzhamin Dizraeli i Feia na prestole*. Moscow, Nauka Publ., 2004. 191 p. (In Russ.)
  8. Zolotarev V.A. *Protivoborstvo imperii. Voina 1877–1878 gg. — apofeozy vostochnogo krizisa*. Moscow, Animi Fortitudo Publ., 2005. 568 p. (In Russ.)

### Информация об авторах

**Кочукова Ольга Викторовна**,  
 кандидат исторических наук,  
 доцент кафедры истории России и археологии,  
 Саратовский государственный университет  
 им. Н.Г. Чернышевского,  
 г. Саратов, Российская Федерация;  
 ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9595-7571>  
 E-mail: [kochukovasgu@mail.ru](mailto:kochukovasgu@mail.ru)

**Кочуков Сергей Анатольевич**,  
 доктор исторических наук, ведущий архивист,  
 Государственный архив Саратовской области,  
 г. Саратов, Российская Федерация  
 ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3448-7457>  
 E-mail: [kochukovsgu1974@yandex.ru](mailto:kochukovsgu1974@yandex.ru)

### Information about the author

**Olga V. Kochukova**,  
 Ph.D., Associate Professor of the  
 Department of Russian History and Archeology,  
 Saratov State University,  
 Saratov, Russian Federation.  
 ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9595-7571>  
 E-mail: [kochukovasgu@mail.ru](mailto:kochukovasgu@mail.ru)

**Sergey A. Kochukov**,  
 Dr. Hab. (History), lead archivist,  
 State Archives of the Saratov Region,  
 Saratov, Russian Federation.  
 ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3448-7457>  
 E-mail: [kochukovsgu1974@yandex.ru](mailto:kochukovsgu1974@yandex.ru)



Славяноведение, 2021, № 5, с. 91–101

Slavic Studies. Journal of the Russian Academy of Sciences, 2021, № 5, pp. 91–101

DOI: 10.31857/S0869544X0016747-4

Оригинальная статья /  
Original Article

А все-таки оно вертится  
(«Три Рима» в пьесе М.А. Булгакова «Бег»)

© 2021 г. Е.А. Яблоков

Институт славяноведения РАН (г. Москва, Российская Федерация)

eajablokov@gmail.com

**Аннотация.** В статье анализируется символический сюжет пьесы «Бег», один из аспектов которого – формируемые в подтексте образы трех «Римов». Основное значение имеет пародийный образ «второго» Рима – Константинополя/Царьграда. Доминирующее место в его пространстве занимает «вертушка» с тараканьими бегами, которыми владеет бурлескно-инфернальный «царь» Артур. Константинополь/«второй» Рим выступает «эпицентром» земного, исторического бытия (общего «бега») и вместе с тем предстает в буффонодно-театрализованном, «профанном» виде. Коннотации «первого» (вечного) Рима возникают в пьесе преимущественно в связи с образом Хлудова, который в итоге предпочитает земному миру «небесное» бытие. При этом ассоциации с «третьим» Римом, вопреки традиции, относятся не к Москве (этот топоним вообще не упоминается в «Беге»), а к Киеву.

**Ключевые слова:** М.А. Булгаков, поэтика, образ города, философия истории, мифологические аллюзии.

**Ссылка для цитирования:** Яблоков Е.А. А все-таки оно вертится («Три Рима» в пьесе М.А. Булгакова «Бег») // Славяноведение. 2021. № 5. С. 91–101. DOI: 10.31857/S0869544X0016747-4.

And yet it turns  
(«Three Romes» in the Mikhail Bulgakov's «Flight»)

© 2021. Е.А. Yablokov

Institute of Slavic studies RAN (Moscow, Russian Federation)

eajablokov@gmail.com

**Abstract.** The article analyzes the symbolic plot of the Bulgakov's play «Flight» – especially the images of the three «Romes» formed in the subtext. The parody image of the “second” Rome / Constantinople / Tsaregrad is of primary importance. The dominant place in the city space is occupied by a «spinner» with a cockroach races, which is owned by the burlesque-infernal «king» Arthur. Constantinople / «second» Rome acts as the «epicenter» of earthly, historical life (of general «run») and at the same time it appears in a buffoonery theatrical, «profane» form. The connotations of the «first» (eternal) Rome in the play are connecting

with Khludov, who ultimately prefers «heavenly» being to the earthly world. The associations with the «third» Rome, contrary to tradition, do not refer to Moscow (this toponym is not mentioned in the play at all), but to Kiev.

**Keywords:** Mikhail A. Bulgakov, «Flight», poetics, image of the city, philosophy of history, mythological allusions

**Reference for citation:** *Yablokov E.A.* And yet it turns («Three Romes» in the Mikhail Bulgakov's «Flight») // *Slavic Studies. Journal of the Russian Academy of Sciences.* = *Slavyanovedenie.* 2021. No 5. P. 91–101. DOI: 10.31857/S0869544X0016747-4.

В пьесе «Бег» (1928) реализованы многие характерные черты булгаковской поэтики, но в настоящей статье основное внимание уделено структуре пространства-времени. Пьеса неоднократно служила предметом анализа, поэтому начнем с тезисов, звучащих вполне традиционно. В «Беге» имеется система подтекстных «знаков», посредством которых формируется символическое пространство — соответственно, сюжет обретает расширительную семантику. То же относится к структуре художественного времени: действие, формально охватывающее один год (ноябрь 1920 — осень 1921 г. (с. 282<sup>1</sup>)), соотносено с «большой» историей, выступая универсальной моделью земного бытия, и вместе с тем выведено во «внеисторическую» реальность, содержит коннотации вечности.

В соответствии с заглавием персонажи «Бега» активно перемещаются; при этом движение некоторых из них (главных) совершается по «маятниковому» принципу — пространство в целом подчинено «зеркальной» симметрии. Основные топосы: Петербург<sup>2</sup> в «предсюжетном» действии (оттуда бегут Голубков и Серафима, намеревающаяся догнать Корзухина) — монастырь в Северной Таврии — Севастополь — Константинополь — Париж — Константинополь; в финале, за «рамками» сюжета, вновь возникают Севастополь (куда, видимо, отправится Хлудов<sup>3</sup>) и Петербург (куда намерены вернуться Серафима и Голубков). Таким образом, «крайними» точками сюжетного пространства выступают Петербург и Париж, а точкой «симметрии» является Константинополь. В контексте нашей темы существенно, что герои пьесы неоднократно вспоминают о Киеве, зато топоним «Москва» в тексте отсутствует, и субститутотом России, «снежным» городом (с. 382) предстает Петербург; сравним, кстати, образ Крыма, фенологическим «атрибутом» которого оказывается «зверский мороз» (с. 300).

Приступая к анализу «римского» подтекста, заметим, что он присутствует не только в «Беге». Образ города у Булгакова всегда «многослоен», сочетает признаки разных топосов и эпох [12. С. 182–188] — в этом смысле булгаковский хронотоп созвучен образу «странствующего царства», на основе которого сформировалась концепция «трех Римов» [9. С. 24]. Не вдаваясь в детали, напомним лишь, что в романе «Белая гвардия» (1924) исторический Киев неслучайно носит имя «Город»<sup>4</sup> и «римская» тема актуализирована в первом же абзаце — звезды Венера и Марс<sup>5</sup> служат «знаками» мифологического, античного

<sup>1</sup> Текст пьесы цитируется по: *Булгаков М.А.* Бег // *Булгаков М.А.* Собр. соч. в 8-и т. М.: АСТ: Астрель, 2009. Т. 4, с указанием в скобках страницы.

<sup>2</sup> К 1920 г. город уже несколько лет назывался Петроградом, но в пьесе этот топоним не используется.

<sup>3</sup> Именно в Севастополь 21 ноября 1921 г. прибыл из Константинополя прототип Хлудова генерал Я.А. Славов (см.: Прибытие ген<ерала> Славцева и других бывших врангелевских офицеров в Сов<етскую> Россию. Правительственное сообщение // *Известия.* 1921. 23 ноября).

<sup>4</sup> *Булгаков М.А.* Белая гвардия // *Булгаков М.А.* Собр. соч. в 8-и т. М.: АСТ: Астрель, 2009. Т. 1. С. 33.

<sup>5</sup> *Булгаков М.А.* Белая гвардия // *Булгаков М.А.* Собр. соч. в 8-и т. М.: АСТ: Астрель, 2009. Т. 1. С. 32.

подтекста [12. С. 39–41]. Характерно, что в «Беге», где действие никак не связано с Киевом, Голубков в первой же реплике сравнивает подземелье монастыря с пещерами в Киеве и спрашивает у Серафимы, бывала ли она в этом городе (с. 283). Молящиеся в подземелье монахи ассоциируются с первохристианами в римских катакомбах, притом Булгаков вводит абсурдную, казалось бы, деталь: настоятель православного монастыря обращается к архиепископу на латыни (с. 293, 300); характерно и то, что красноармеец Баев саркастически называет монаха Паисия «папой римским» (с. 286).

Наряду с римскими аллюзиями Киева важна параллель между ним и Константинополем — кстати, подчеркнутая еще Н.М. Карамзиным, который в «Истории государства Российского» (1816) писал о Ярославе Мудром: «он хотел, чтобы столица его, им обновленная, распространенная, могла справедливо называться *вторым Царьградом*» [5. С. 27] (курсив мой. — Е.Я.). В контексте «Бега» существенно, что на одной из фресок Софии Киевской изображен константинопольский ипподром<sup>6</sup>; сравним «невиданное в Константинополе» (с. 338) зрелище — тараканьи бега, пародирующие конные ристания [3. С. 48, 230]. При сюжетном «отсутствии» Москвы в «Беге» Киев фактически замещает ее в качестве «третьего» Рима. Характерно, что ситуация, изображенная в «Белой гвардии», тоже во многом определяется оппозицией Киева (Города) и Москвы (разумеется, в этом сыграла роль реальная «расстановка сил» в 1918 г.).

Киевские аллюзии существенны и в контексте критики «царьградского мифа», отношение к которому после крушения империи радикально изменилось. Упомянем известный текст, где идея «возвращения» Царьграда трактуется как губительная для России, — эссе С.Н. Булгакова «На пиру богов: Pro et contra»; в августе 1918 г. оно вышло отдельным изданием в Киеве, где в то время находился Михаил Булгаков<sup>7</sup> (именно события осени и начала зимы 1918 г. составили основу сюжета «Белой гвардии»). Один из персонажей эссе, Дипломат, говорит о начале войны: «куда девались совесть и разум тех, кто, позабыв нашу действительность, вдруг, словно объевшись белены, начали словоизвержения об освободительной миссии России, о Царьграде, о кресте на Аяа-Софии — словом, вынули из нафталина все славянофильское старье?» [2. С. 92]. При этом в заглавии «На пиру богов» обыграно стихотворение Ф.И. Тютчева «Цицерон» (1829), речь в котором идет о гибели Рима<sup>8</sup>. «Римская» коллизия воплотилась в «Белой гвардии» и перешла в «Бег», где важное значение (хотя и в трагестированном виде) обрела тема «трех Римов».

Тютчев был одним из наиболее активных сторонников идеи «возвращения Царьграда». В 1920-х годах она многократно высмеивалась — укажем лишь два произведения, отголоски которых присутствуют в «Беге». Мотив тараканьих бегов заимствован из книги А.Т. Аверченко «Записки Простодушного» (1920),

<sup>6</sup> См.: [http://sofiyskiy-sobor.polnaya.info/bashni\\_sofiyskogo\\_sobora.shtml](http://sofiyskiy-sobor.polnaya.info/bashni_sofiyskogo_sobora.shtml) (дата обращения: 24.02.2021).

<sup>7</sup> Остается открытым вопрос о возможном родстве М.А. Булгакова с С.Н. Булгаковым. Не исключено, что на него намекнул сам автор «Бега», заставив Голубкова отрекомендоваться «сыном знаменитого идеалиста» (с. 292); анаграмматичность фамилий Голубков / Булгаков была отмечена еще А.В. Луначарским [6. С. 436]. Конечно, определение «профессор-идеалист» (с. 289) справедливо и для отца писателя — как известно, А.И. Булгаков являлся профессором Киевской духовной академии; однако в отношении его вряд ли правомерно определение «знаменитый», между тем имя С.Н. Булгакова было широко известно (кстати, в 1900-х годах он несколько лет жил и преподавал в Киеве).

<sup>8</sup> См.: Тютчев Ф.И. Цицерон // Тютчев Ф.И. Лирика [в 2-х т.]. М.: Наука, 1965. Т. 1. С. 36.

и оттуда же<sup>9</sup> перешел в «Бег» образ «вертушки» (с. 374) Артура [11. С. 121]<sup>10</sup>. Здесь приведем цитату из менее известного аверченковского фельетона начала 1920-х годов – «Космополиты»: «Раньше наши мечты и планы были самыми смелыми: прибить Олегов щит на врата Цареграда и водрузить крест на соборе св. Мудрости в Цареграде. [...] С крестом на собор Св. Мудрости мы решили повременить, а вместо того организовали тараканьи бега»<sup>11</sup>.

Травестийное «взятие Царьграда» состоялось – русские наводнили Константинополь. Впрочем, он подвергся нашествию и множества других народов – совершилось нечто подобное захвату Рима гуннами; в результате этнокультурный «баланс» оказался разрушен, и в образе «второго» Рима проявились «вавилонские» черты. Они отмечены в «Записках Простодушного» («Как во время настоящего приличного столпотворения – все говорили на всех языках»<sup>12</sup>); этой же теме посвящено стихотворение другого сатириконтца – Дона-Аминадо<sup>13</sup> – «Константинополь» (1920), повествующее о том, как после войны «Толпою жадной и нестройной / Европа ринулась в Стамбул». Длинный перечень чужаков завершает «кучка русских с бывшим флагом / И незатейливым Освагом» –

Таков был пестрый караван,  
Пришедший в лоно мусульман.  
В земле ворочались предки,  
А над землей был стон и звон.  
И сорок две контрразведки  
Венчали новый Вавилон<sup>14</sup>.

В «Беге» образ «Вавилона» возникает в начале Сна пятого, где открывается зрелище Константинополя. Первые слова ремарки – «Странная симфония» (с. 338) – вводят тему «столпотворения», которая затем получает сюжетное воплощение: разноязыкая публика, собравшаяся в башнеподобной «карусели» (с. 338) тараканьих бегов, устраивает многонациональную драку (с. 345–346).

Каждый из основных персонажей «Бега» по-своему связан с «римской» темой; эти коннотации в совокупности образуют символический сюжет пьесы. Весьма важное значение имеет образ Хлудова, которому автор дал имя Роман, ассоциирующееся с *лат. romanus*, «римский», – позже это слово в русском и «латинском» вариантах будет использовано в качестве фамилий в романах

<sup>9</sup> См.: Аверченко А. Записки Простодушного (Эмигранты в Константинополе). М.: Издание Н.С. Шульгина, 1922. С. 55.

<sup>10</sup> Вместе с тем отметим переключку с названием книги И.Г. Эренбурга «А все-таки она вертится» (1922), про которую Булгаков в очерке «Столица в блокноте» говорит, что она привлекла его внимание к левому театру. При этом, описывая увиденную им на сцене Театра Мейерхольда «конструкцию», автор очерка вспоминает столь же «неясное» сооружение – выполненный В.Е. Татлиным проект памятника III Интернационалу (1919) (см.: Булгаков М.А. Столица в блокноте // Булгаков М.А. Собр. соч. в 8-и т. М., 2009. Т. 3. С. 111), который мыслился художником как символ «преодоления» Вавилонской башни.

<sup>11</sup> Аверченко А.Т. Космополиты // Аверченко А.Т. Русское лихолетье глазами «короля смеха»: публицистика, интервью, рецензии, письма, документы, 1917–1925. М., 2011. С. 266.

<sup>12</sup> Аверченко А. Записки Простодушного. С. 9.

<sup>13</sup> Показательно, что его настоящая фамилия, Шполянский, дана Булгаковым персонажу «Белой гвардии», чьим прототипом явился В.Б. Шкловский [7. С. 228; 10. С. 157–158]. Причиной, возможно, было то, что на одном пароходе с А.П. Шполянским в 1920 г. эмигрировала в Константинополь будущая вторая жена Булгакова Л.Е. Белозерская (см.: Белозерская-Булгакова Л.Е. Воспоминания. М.: Художественная литература, 1989. С. 5–6), которая впоследствии своими рассказами о жизни за границей помогала писателю в работе над «Бегом».

<sup>14</sup> Дон-Аминадо. Константинополь // Дон-Аминадо. Дым без отечества. Париж: Русское книгоиздательство «Север», 1921. С. 17–18.

«Записки покойника»<sup>15</sup> (1937) и «Мастер и Маргарита»<sup>16</sup> (1940). Вместе с тем имя Роман ассоциируется с правившей в России династией, хотя о прежнем императоре в «Бега» не упоминается — возникает лишь пародийный образ «нового»: не вполне вменяемый (вследствие контузии) Де Бризар выражает надежду, что им станет Главнокомандующий (с. 326).

Имя Хлудова звучит и в «итальянском» варианте — Чарнота неоднократно использует диминутив «Рома». Приведем лишь один пример: вернувшись с Голубковым из Парижа и узнав, что посланная ими телеграмма не дошла, Чарнота говорит о Константинополе: «Сукин город! Не то что Париж. Здравствуй, Рома» (с. 378), — здесь в трех фразах фактически «соединены» обозначения трех топосов. Вероятно, в «Бега» также актуален намек на древний палиндром Roma/Amog — вспомним, например, суждение В.С. Соловьева в работе «Россия и Вселенская церковь» (1889): «Если обычное имя Рима обозначало по-гречески силу [...] то граждане Вечного Города, читая его имя на семитический лад, думали найти этим путем истинное его значение: Amog» [8. С. 229]. В этом контексте получают мотивировку странные на первый взгляд слова Хлудова: «Нужна любовь. Любовь. А без любви ничего не сделаешь на войне» (с. 303).

Хлудову дано и «латинское» отчество — Валерьянович (*valere* — «здравствовать»), которое по внутренней форме «противоречит» фамилии, образованной от *диал. хлуда* — «болезнь»<sup>17</sup>. Данный персонаж занимает амбивалентное положение между здоровьем и болезнью, нормой и аномалией, святостью и демонизмом. В начале пьесы Чарнота, затем Серафима говорят, что армия и беженцы собираются «к Хлудову под крыло» (с. 295, 313), — очевидны сакральные коннотации, и неслучайно при первом явлении Хлудова он показан под иконой Григория Победоносца<sup>18</sup> (с. 300). Однако затем Серафима клеймит Хлудова как убийцу (с. 313–314), а Крапилин называет его «мировым зверем» (с. 316), т.е. сатаной. В последующих сценах повешенный (трагедия вознесения) по приказу Хлудова Крапилин — вестовой-«ангел» [7. С. 36] — своими посмертными «явлениями», равными откровению, радикально влияет на грешного «римлянина», и тот «меняет веру»<sup>19</sup>; в итоге главным стремлением героя становится «соединение» с Крапилиным, для чего Хлудов намерен вернуться в Россию. Не понимая его подлинной цели, Чарнота считает эту затею бессмысленной: «Проживешь ты, Рома, ровно столько, сколько потребуется тебя с поезда снять и довести до ближайшей стенки, да и то под строжайшим караулом!» (с. 379); предсказание звучит вполне правдоподобно<sup>20</sup>. Фигурально

<sup>15</sup> Булгаков М.А. Записки покойника // Булгаков М.А. Собр. соч. в 8-и т. М.: АСТ: Астрель, 2009. Т. 5. С. 503.

<sup>16</sup> Булгаков М.А. Мастер и Маргарита // Булгаков М.А. Собр. соч. в 8-и т. М.: АСТ: Астрель, 2007. Т. 7. С. 125.

<sup>17</sup> Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка [в 4-х т.]. СПб.; М.: Товарищество М.О. Вольф, 1909. Т. 4. Стб. 1193.

<sup>18</sup> Впрочем, в дальнейшем Хлудов вступает в «конфликт» со святым, полагая, что небесные силы помогают красным (с. 310).

<sup>19</sup> В финале «Бега» после ухода Хлудова звучит песня «Жило двенадцать разбойников и Кудеяр-атаман!» (с. 380) на стихи (1876) Н.А. Некрасова; ее кульминацией являются слова: «Вдруг у разбойника лютого / Совесть Господь пробудил» — см.: <http://a-pesni.org/popular20/bylo12.php> (режим доступа: 24.02.2021).

<sup>20</sup> После возвращения в Советскую Россию Слащов существовал довольно благополучно (пока в 1929 г. не был застрелен в собственной квартире), но судьба многих его соратников по ВКЮР оказалась печальной (см.: Мельгунов С. Красный террор в России. Нью-Йорк: Издательство BRANDY, 1979. С. 77–79).

говоря, герой, с которым связаны коннотации «первого» Рима, намерен оставить профанированный «второй» Рим, переместившись в сферу еще более профанированного «третьего» — где будет уничтожен физически, но воскреснет духовно. В такой конфигурации несущественны конкретно-пространственные, исторические координаты сюжета, действие переходит в символический план — логическим завершением земных блужданий «римлянина», его пристанищем должен стать Рим «небесный» (ср. фразеологизм «Вечный город»).

Показательно, что Хлудов хочет присоединиться к казакам: «Сегодня ночью пойдет с казаками пароход, и я поеду с ними» (с. 379). Возвращение казаков в Россию из Османской империи ассоциируется с известным (хотя не литературным) произведением, которое Булгаков наверняка знал, — оперой С.С. Гулака-Артемовского «Запорожец за Дунаем» (1863)<sup>21</sup>. Однако Хлудов «не подходит» на роль запорожца; в этом качестве выступает другой персонаж «Бега», тоже генерал, Чарнота — как указано в афише, «запорожец по происхождению» (с. 281); хотя он вовсе не намерен возвращаться и остается в Константинополе «навечно».

Для Чарноты, напоминающего карточного джокера, Арлекина [10. С. 90–91], характерна бурлескная амбивалентность, проявляющаяся уже в Сне первом, когда персонаж (хотя и вынужденно) принимает вид беременной Барабанчиковой<sup>22</sup> (с. 283); показателен также Сон седьмой, где Чарнота перемещается по Парижу «в кальсонах лимонного цвета» (с. 364). Но, несмотря на «шутовскую» природу, он оказывается настолько привязан к тараканьим бегам, что это заставляет его остаться возле них. Характерно, что в образе самого Чарноты присутствуют «тараканьи» коннотации — его фамилия представляет собой анаграмму клички таракана-«фаворита» Янычара [11. С. 187]. К тому же участвующие в бегах насекомые пародируют кавалерию<sup>23</sup> — «бегут [...] с бумажными наездниками» (с. 344); это дополняет «сходство» с кавалеристом Чарнотой.

Между прочим, «турецкие» черты проявляются у Чарноты уже в начале пьесы: когда он из беременной Барабанчиковой «превращается» в генерала, Ротмистр подает ему «ятаган» (с. 291) — оружие, придуманное именно янычарами (и получившее распространение в Задунайской Сечи)<sup>24</sup>. Существенно и то, что Чарноту зовут Григорием Лукьяновичем (с. 281), как Малюту Скуратова. Российские историки видели в опричниках отечественный эквивалент янычарского войска — например, статья «Опричина» в Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона открывается фразой: «Этим именем назывался [...] отряд телохранителей, наподобие турецких янычар, набранный Иоанном Грозным» [4. С. 45]. Притом созданные в XIV в. янычарские полки составлялись не из турок, а из юношей-христиан. Соответственно, «запорожец» Чарнота остается в добровольном «плену», словно

<sup>21</sup> Кстати, в 1926 г. она после долгого перерыва была поставлена в харьковском театре «Украинская государственная столичная опера».

<sup>22</sup> Стоит отметить, что заметка в афише по поводу Барабанчиковой — «мадам, существующая исключительно в воображении генерала Чарноты» (с. 281) — представляет собой реминисценцию из авторской инсценировки романа Ф. Сологуба «Мелкий бес» (1902), которая в 1909 г. была поставлена в киевском театре «Соловцов». Здесь в списке действующих лиц есть «Недотыкомка, существующая только в воображении Передонова» и Вершина, которая «кажется Передонову» (Сологуб Ф. Мелкий бес. Драма в пяти действиях (шести картинах) // Сологуб Ф. Мелкий бес. СПб.: Наука, 2004. С. 247–248).

<sup>23</sup> В очерках и воспоминаниях эмигрантов отмечалось, что открывшиеся в 1921 г. в Константинополе тараканьи бега были задуманы по аналогии с конными (которые оказались нерентабельны) [11. С. 119–120].

<sup>24</sup> См.: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Ятаган> (режим доступа: 24.02.2021).

на службе в качестве янычара, — сливается с массой обитателей «второго Рима», утратившего какую бы то ни было сакральность. Чарнота называет себя «рядовым-генералом» (с. 381), и место его «службы» вполне конкретно — в первой же константинопольской сцене он торгует резиновыми чертями рядом с заведением Артура, которое в Сне пятом постоянно именуется «каруселью». В финале пьесы Чарнота направляется к той же «вертушке», причем именуется себя «Вечным Жидом» и (Летучим) «Голландцем» (с. 381) — мотив вечного странствия парадоксально сочетается с идеей возвращения к исходной точке, это наглядный образ кругового движения, иллюзорного пути.

«Запорожец», становящийся «жидом», — мотив явно бурлескный, если сопоставить, например, антисемитизм казаков в повести Н.В. Гоголя «Тарас Бульба»<sup>25</sup> (1835); в плане «опричных» ассоциаций вспомним о жестоком отношении к евреям при Иване Грозном<sup>26</sup>. Примечательно, однако, что рядом с Чарнотой есть персонаж, совершающий «обратный» поступок — отрекающийся от своего еврейства; это хозяин «вертушки» Артур.

По контрасту с Хлудовым, который связан с идеей «небесного» Рима, Артур воплощает Рим «земной» в его «вавилонском» варианте. В афише пьесы Артур охарактеризован как «тараканий царь» (с. 282) — можно сказать, что в этом определении каламбурно реализована внутренняя форма топонима Царьград — «город царя». Сочетание имени «Артур» и «вертушки» ассоциируется с «круглым столом» короля Артура; Люська говорит, что они проели все ее ценные вещи: «И львиная порция у Артурки!» (с. 356) — подразумевается «львиная доля», но актуален и намек на Ричарда Львиное сердце. Кстати, булгаковская пьеса первоначально называлась «Рыцарь Серафимы» — по отношению к этой героине главные персонажи (Голубков, Чарнота, Хлудов) действительно выполняют «рыцарские» функции.

Артур — существо весьма «многоликое». Он выступает «повелителем» тараканов, т.е., метафорически, предводителем «янычар». Власть над насекомыми уподобляет его «князю бесов» (Мф. 10:25; 12:24, 27) Вельзевулу, получившему имя от Ваал-Зебуба — «повелителя мух» [1. С. 229]. Вместе с тем очевидно звуковое сходство диминутива «Артурка» со словом «турка» — простонародным именованием турок, Турции, встречающимся, например, в исторических и военных песнях<sup>27</sup>. Неожиданно появляясь перед Чарнотой на вершине «карусели», Артур в ремарке сравнивается с кукольным Петрушкой (с. 340).

Воплощая столь «разнонаправленные» коннотации, Артур «вненационален» и в этом смысле соответствует образу «Рима-Вавилона». Будучи евреем, он объявляет себя «венгерцем» (с. 342); такая «метаморфоза» порождает две линии ассоциаций. С одной стороны, заставляет вспомнить про венгерского еврея Белу Куна — деятеля Коминтерна, который в ноябре 1920 г. стал председателем Крымского ревкома, организовав красный террор против бывших

<sup>25</sup> См.: Гоголь Н.В. Тарас Бульба // Гоголь Н.В. Полн. собр. соч. в 14-и т. М.; Л.: Издательство Академии наук СССР, 1937. Т. 2. С. 77–79.

<sup>26</sup> См.: Бердников Л. Лютый ненавистник. Иван Грозный и евреи // Чайка; эл. ресурс. URL: <https://www.chayka.org/node/11542> (режим доступа: 24.02.2021).

<sup>27</sup> Характерно мнение А.С. Пушкина, который в заметке «Опровержение на критики» (1830) утверждал: «Турок и Турка равно употребительны» (Пушкин А.С. Опровержение на критики // Пушкин А.С. Полн. собр. соч. в 10-и т. Л.: Наука, 1978. Т. 7. С. 121).

врангелевцев и мирного населения<sup>28</sup>. С другой стороны, образ чужака-«венгерца», водворившегося во «втором» Риме, вызывает ассоциации с Атиллой (имя отчасти похоже на имя Артура) — предводителем гуннов, под давлением которых германские племена (ср. одно из именовании тараканов — «прусаки») двинулись на запад, что привело к падению «первого» Рима.

Сочетающий кукольные и inferнальные черты Артур предстает повелителем пародирующей античный ипподром всемирной «вертушки», где в «бегах» равно участвуют тараканы и люди. Если Роман Хлудов, проявляя трагическое самоотвержение и раскаяние, символизирует «небесное» царство, то «тараканий царь» как олицетворение мещанской пошлости выступает распорядителем царства «земного», эпицентр которого находится в десакрализованном «втором» Риме. Соответственно, Константинополь в пьесе не просто обозначает «срединный пункт» возвратно-поступательного движения персонажей (например, Голубкова), но является точкой «круговращения» всего земного мироустройства.

На дальнем «краю» сюжетного пространства «Бега», как уже говорилось, находится Париж, противостоящий Петербургу; это пристанище бывших русских, которые, по словам Корзухина, не хотят иметь с Россией ничего общего (с. 362) (хотя опыт его слуги Антуана (с. 360–361) показывает, что «офранцузиться» россиянину не так просто).

В этом смысле характерны судьбы двух женских персонажей — Серафимы и Люськи, пребывающих в отношениях антидвойничества: первая — «прекрасная дама», которой служат «рыцари», вторая — пародия на нее. Героини могут быть представлены как «ипостаси» символистского образа Вечной женственности, сочетающего возвышенно-небесные и пошло-земные черты («Незнакомка» (1906) А.А. Блока и т.п.). Показательно, что Люська называет Серафиму «непорочной» (с. 349), хотя та, будучи «петербургской женщиной» (подразумевается не место рождения, а тип мироощущения), в свое время вышла замуж за Корзухина вполне легкомысленно и, скорее всего, из-за денег (с. 284). «Рыцарственные» хранители (Голубков — Чарнота — Хлудов) как бы передают Серафиму с рук на руки, но она остается «неприкосновенной», в то время как «походная жена» (с. 281) Люська переходит из рук в руки в телесном смысле, заявляя: «Я не жравши сидеть не буду, у меня принципов нет!» (с. 351), — а в итоге бурлескно «дублирует» Серафиму, «прилепляясь» к ее бывшему мужу в качестве «невиннейшего существа» (с. 362) и, так сказать, восстанавливая «непорочность».

Имена обеих героинь связаны семой света (серафимы — огненные ангелы, а имя Люська напоминает *лат. lux*, «свет»), но актуализируют противоположные коннотации — в одном случае сакральные, в другом inferнальные. Характерно, что Люська носит фамилию Корсакова (с. 296), намекающую на хитрость<sup>29</sup> (корсак — название степной лисицы) и вместе с тем, по аналогии с Н.А. Римским-Корсаковым, ассоциирующуюся с темой Рима. Если для Люськи как «блудницы»

<sup>28</sup> См.: Мельгунов С. Красный террор в России. С. 66–70. Отметим, что летом 1925 г. Булгаков был в Коктебеле в гостях у М.А. Волошина, который в годы Гражданской войны жил в Крыму — многие тогдашние впечатления отразились в его «Стихах о терроре» (см.: Волошин М. Стихи о терроре. Берлин: Книгоиздательство писателей в Берлине, 1923).

<sup>29</sup> Знаком «изменчивости» Люськи выступает и принятая ею французская фамилия Фреголь (с. 371). Это аллюзия к известному артисту Л. Фреголи (выступал и снимался в кино до 1922 г.), славившемся умением менять внешность по ходу действия; на рубеже XIX–XX вв. была также артистка, известная как «Женщина Фреголи». См.: [https://en.wikipedia.org/wiki/Leopoldo\\_Fregoli](https://en.wikipedia.org/wiki/Leopoldo_Fregoli) (режим доступа: 24.02.2021).

закономерна связь с «Вавилоном» в варианте Константинополя или Парижа, то Серафима мечтает о снежно-белом, сакрализованном Петербурге.

Таким образом, в структуре пространства «Бега» оба этих города воплощают «запредельную» реальность. Париж — топос, у которого с Россией нет ничего общего; напоминающие о ней Голубков и Чарнота воспринимаются как «возмутители спокойствия», причем характерно, что Париж, в свою очередь, производит на этих персонажей «обезличивающее» впечатление: они являются отсюда почему-то в одинаковых серых костюмах и шляпах (с. 377). Петербург же — топос фактически «несуществующий»: стремясь туда, Серафима и Голубков надеются обрести не прежний город, а прежнюю эпоху, вернуть которую, однако, невозможно. Бесперспективность мечтаний еще очевиднее, если обратить внимание, что герои хотят оказаться в конкретной точке Петербурга — на Караванной улице, о которой Голубков упоминает уже в начале пьесы (с. 283). В качестве символа «снежной» России такой топоним парадоксален, ибо вызывает «восточные» ассоциации, напоминает не столько о покое, сколько о вечном странствии и при этом поддерживает онирические коннотации (пустыня, миражи, замедленное ритмичное движение и т.п.). К тому же судьба реальной Караванной улицы вполне соответствовала образу «несуществующего» Петербурга: в 1919 г. она была переименована в честь военного деятеля Толмачева — соответственно, ни в 1921 г., когда завершается действие «Бега», ни в 1928 г., когда создана пьеса, такой улицы не существовало.

Фактически герои стремятся «в никуда», так что финальная фраза Голубкова «мы доберемся, мы вернемся, в это время пойдет снег и наши следы заметет» (с. 382) звучит двусмысленно и не вызывает оптимизма, ибо ассоциируется с забвением и смертью. Герой выражает надежду, что на родине они избавятся от страшных снов, — последняя реплика Голубкова звучит так: «Проснемся. Все сны забудем, будем жить дома»<sup>30</sup> (с. 382). Однако с учетом сказанного «возвращение» в мифический Петербург ассоциируется скорее с выходом из «земного» хронотопа и обретением «вечного дома»<sup>31</sup> по аналогии с будущим романом «Мастер и Маргарита» (работа над которым, кстати, началась именно в год написания «Бега»). Как и в случае с Хлудовым, путь Серафимы и Голубкова в Россию фактически означает движение не по «горизонтали», а по «вертикали» — в координатах не пространственных, а «темпорально-этернальных» (время / вечность).

Рассмотренные элементы «римского» подтекста позволяют сделать вывод, что в булгаковской пьесе взаимодействуют три образа «Рима», которые различны в сущностном и аксиологическом отношении. Сюжетным поводом к их актуализации является пребывание персонажей в Константинополе, исторически основанном в качестве «второго» Рима, но представленном в «Беге» как утративший сакральное значение. Ассоциации с «первым» (небесным) Римом вводятся через образ Хлудова. Кроме того, посредством отсылок к Киеву (при отсутствии московских аллюзий) актуализированы коннотации «третьего» Рима — впрочем, «центральная» роль Киева не акцентируется.

Из всех представленных в «Беге» городов наибольшее сюжетное значение имеет Константинополь — он выступает эпицентром земного бытия (Царьград как «город-царь»), подчиненного закону вечного повторения и возвращения. Топоним «Константинополь» может быть каламбурно переосмыслен в связи со словом

<sup>30</sup> Люська в Париже, напротив, мечтает о сне: «Милый господи! Разве ты не видишь, как я устала! Я больше ничего не хочу. Я туда не вернусь. Я не хочу! Я желаю спать» (с. 373).

<sup>31</sup> Булгаков М.А. Мастер и Маргарита // Булгаков М. А. Собр. соч. в 8-и т. М.: АСТ: Астрель, 2007. Т. 7. С. 467.

«константа» и, таким образом, содержит коннотации «вечного» города (но лишь в том смысле, что суетное существование столь же «непреходяще», как одухотворенное бытие). Константинополь-Царьград в булгаковской пьесе предстает в буффонадно-театрализованном, «профанном» образе — имеет место гротескный синтез разноплановых ассоциаций. Занимающая логически центральное место в городском пространстве похожая на карусель «вертушка» с тараканьими бегами — пародийная axis mundi, вокруг которой вращается человечество; «второй» Рим символизирует «бег по кругу» в историческом мире. В соответствии с эпитафией (с. 281) из стихотворения В.А. Жуковского «Певец во стане русских воинов»<sup>32</sup> (1812) терпеливый «земной» героизм состоит в том, чтобы достойно «пробежать» свой круг. «Победителям» обещано возвращение в «первый» Рим и приобщение к вечности.

### СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

- Аверченко А.* Записки Простодушного (Эмигранты в Константинополе). М.: Издание Н.С. Шульгина, 1922. 119 с.
- Аверченко А.Т.* Космополиты // *Аверченко А.Т.* Русское лихолетье глазами «короля смеха»: публицистика, интервью, рецензии, письма, документы, 1917–1925. М.: Посев, 2011. С. 266–268.
- Белозерская-Булгакова Л.Е.* Воспоминания. М.: Художественная литература, 1989. 223 с.
- Бердинов Л.* Лютий ненавистник. Иван Грозный и евреи // Чайка [эл. ресурс]. URL: <https://www.chauka.org/node/11542> (режим доступа: 24.02.2021).
- Булгаков М.А.* Бег // *Булгаков М.А.* Собр. соч. в 8-и т. М.: АСТ: Астрель, 2009. Т. 4. С. 281–382.
- Булгаков М.А.* Белая гвардия // *Булгаков М.А.* Собр. соч. в 8-и т. М.: АСТ: Астрель, 2009. Т. 1. С. 31–348.
- Булгаков М.А.* Записки покойника // *Булгаков М.А.* Собр. соч. в 8-и т. М.: АСТ: Астрель, 2009. Т. 5. С. 341–526.
- Булгаков М.А.* Мастер и Маргарита // *Булгаков М.А.* Собр. соч. в 8-и т. М.: АСТ: Астрель, 2007. Т. 7. С. 5–482.
- Булгаков М.А.* Столица в блокноте // *Булгаков М.А.* Собр. соч. в 8-и т. М.: АСТ: Астрель, 2009. Т. 3. С. 100–118.
- Волошин М.* Стихи о терроре. Берлин: Книгоиздательство писателей в Берлине, 1923. 72 с.
- Гоголь Н.В.* Тарас Бульба // *Гоголь Н.В.* Полн. собр. соч. в 14-и т. М.; Л.: Издательство Академии наук СССР, 1937. Т. 2. С. 41–172.
- Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка [в 4-х т.]. СПб.; М.: Товарищество М.О. Вольф, 1909. Т. 4. 1619 стб.
- Дон-Аминадо.* Константинополь // *Дон-Аминадо.* Дым без отечества. Париж: Русское книгоиздательство «Север», 1921. С. 15–19.
- Жуковский В.А.* Певец во стане русских воинов // *Жуковский В.А.* Полн. собр. соч. и писем в 20-и т. М.: Языки русской культуры, 1999. Т. 1. С. 225–244.
- Мельгунов С.* Красный террор в России. Нью-Йорк: Издательство BRANDY, 1979. 203 с.
- Прибытие ген<ерала> Слащева и других бывших врангелевских офицеров в Сов<етскую> Россию. Правительственное сообщение // *Известия.* 1921. 23 ноября.
- Пушкин А.С.* Опровержение на критики // *Пушкин А.С.* Полн. собр. соч. в 10-и т. Л.: Наука, 1978. Т. 7. С. 116–137.
- Сологуб Ф.* Мелкий бес. Драма в пяти действиях (шести картинах) // *Сологуб Ф.* Мелкий бес. СПб.: Наука, 2004. С. 11–244.
- Тютчев Ф.И.* Цицерон // *Тютчев Ф.И.* Лирика [в 2-х т.]. М.: Наука, 1965. Т. 1. С. 36.

### СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Аверинцев С.С.* Вельзевул // Мифы народов мира. Энциклопедия в 2-х т. 2-е изд. М.: Советская энциклопедия, 1991. Т. 1. С. 229.

<sup>32</sup> *Жуковский В.А.* Певец во стане русских воинов // *Жуковский В.А.* Полн. собр. соч. и писем в 20-и т. М.: Языки русской культуры, 1999. Т. 1. С. 241.

2. Булгаков С.Н. На пиру богов // Из глубины: Сборник статей о русской революции. М.: Издательство МГУ, 1990. С. 90–144.
3. Буренина-Петрова О.Д. Цирк в пространстве культуры. М.: Новое литературное обозрение, 2014. 432 с.
4. Василенко Н. Опричнина // Энциклопедический словарь. [В 82-х т. + 4 доп.]. СПб.: Ф.А. Брокгауз – И.А. Ефрон, 1897. Т. 22. С. 45–46.
5. Карамзин Н.М. История государства Российского: в 12-и т. М.: Наука, 1991. Т. 2–3. 832 с.
6. Лакшин В.Я. Булгакиада // Лакшин В.Я. Открытая дверь: Воспоминания и портреты. М.: Московский рабочий, 1989. С. 409–446.
7. Петровский М.С. Мастер и Город: Киевские контексты Михаила Булгакова. Киев: Дух і Літера, 2001. 367 с.
8. Соловьев В. Россия и Вселенская церковь. М.: ТПО «Фабула», 1991 (репринт с издания А.И. Мамонтова, М., 1911). 448 с.
9. Флоровский Г.В. Пути русского богословия. М.: Институт русской цивилизации, 2009. 848 с.
10. Яблоков Е.А. Подвал мастера. М.А. Булгаков: поэтика и культурный контекст. М.: ПОЛИМЕДИА, 2018. 284 с.
11. Яблоков Е.А. Тараканий век. Энтмоморфные персонажи Михаила Булгакова в русле литературной традиции. М.: ПОЛИМЕДИА, 2020. 308 с.
12. Яблоков Е.А. Художественный мир Михаила Булгакова. М.: Языки русской культуры, 2001. 424 с.

#### REFERENCES

1. Averincev S.S. Vel'zevul // Mify narodov mira. Enciklopediya v 2-h t. 2-e izd. M.: Sovetskaya enciklopediya, 1991. T. 1. S. 229.
2. Bulgakov S.N. Na piru bogov // Iz glubiny: Sbornik statej o russkoj revolyucii. M.: Izdatel'stvo MGU, 1990. S. 90–144.
3. Burenina-Petrova O.D. Cirk v prostranstve kul'tury. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2014. 432 s.
4. Florovskij G.V. Puti russkogo bogosloviya. M.: Institut russkoj civilizacii, 2009. 848 s.
5. Karamzin N.M. Istoriya gosudarstva Rossijskogo: v 12-i t. M.: Nauka, 1991. T. 2–3. 832 s.
6. Lakshin V.Ya. Bulgakiada // Lakshin V.Ya. Otkrytaya dver': Vospominaniya i portrety. M.: Moskovskij rabochij, 1989. S. 409–446.
7. Petrovskij M.S. Master i Gorod: Kievskie konteksty Mihaila Bulgakova. Kiev: Duh i Litera, 2001. 367 s.
8. Solov'ev V. Rossiya i Vselenskaya cerkov'. M.: TPO «Fabula», 1991 (reprint s izdaniya A.I. Mamontova, M., 1911). 448 s.
9. Vasilenko N. Oprichnina // Enciklopedicheskij slovar'. [V 82-h t. + 4 dop.]. SPb.: F.A. Brokgauz – I.A. Efron, 1897. T. 22. S. 45–46.
10. Yablokov E.A. Hudozhestvennyj mir Mihaila Bulgakova. M.: Yazyki russkoj kul'tury, 2001. 424 s.
11. Yablokov E.A. Podval mastera. M.A. Bulgakov: poetika i kul'turnyj kontekst. M.: POLIMEDIA, 2018. 284 s.
12. Yablokov E.A. Tarakanij vek. Entomomorfnye personazhi Mihaila Bulgakova v rusle literaturnoj tradicii. M.: POLIMEDIA, 2020. 308 s.

#### Сведения об авторе

**Евгений Александрович Яблоков**,  
доктор филологических наук,  
ведущий научный сотрудник  
отдела истории культуры  
славянских народов  
Института славяноведения  
Российской академии наук,  
Москва, Российская Федерация,  
Ленинский просп., 32-а  
ORCID: 0000-0002-7926-1689  
E-mail: [ejablokov@proc.ru](mailto:ejablokov@proc.ru)

#### Information about the author

**Evgeny A. Yablokov**,  
Dr. Hab. (Philology),  
the Leader Research Fellow  
of the Department of the History of Culture  
of the Slavic Peoples  
in the Institute of Slavic Studies  
(Russian Academy of Sciences),  
Moscow, Russian Federation,  
Leninsky Prospect, build. 32-a  
ORCID: 0000-0002-7926-1689  
E-mail: [ejablokov@proc.ru](mailto:ejablokov@proc.ru)



## Константинополь в «Путешествии в Стамбул» Иосифа Бродского

© 2021 г. Л.М. Аржакова

Институт славяноведения РАН  
(Москва, Российская Федерация)

larjak@mail.ru

**Аннотация.** Статья посвящена эссе Иосифа Бродского «Путешествие в Стамбул» (1985). Автор рассматривает один из центральных сюжетов эссе, который связан с замыслами императора Константина по основанию Нового Рима и распространению христианства. Особое внимание уделяется анализу воссоздания в эссе исторической картины, характеристике разноплановых задач, которые ставил перед собой Бродский, а также стилистическим особенностям текста эссе. В статье показано, что идеологический подтекст, которому литературные критики и коллеги поэта по цеху нередко придавали чрезмерное значение, играет в этом привычном для Бродского путешествии в прошлое второстепенную роль, не говоря о том, что стимулом для этого эссе-путешествия выступает обстоятельство его частной жизни. В то время как на первый план выходит идея Константина как императора и идея Константинополя как Нового Рима, знаменующего собой идею христианства.

**Ключевые слова:** христианство, Новый Рим, Византия, император Константин, Третий Рим.

**Ссылка для цитирования:** Аржакова Л.М. Константинополь в «Путешествии в Стамбул» Иосифа Бродского // Славяноведение. 2021. № 5. С. 102–110. DOI: 10.31857/S0869544X0016877-7.

## Constantinople in the «Journey to Istanbul» by Joseph Brodsky

©2021. L.M. Arzhakova

Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences  
(Moscow, Russian Federation)

larjak@mail.ru

**Abstract.** The article is devoted to the Joseph Brodsky's essay «Journey to Istanbul». The author considers one of the central subjects of the essay, which is connected with the plans of the Emperor Constantine for the foundation of New Rome and the spread of Christianity. Special attention is paid to the analysis of the reconstruction of the historical picture in the essay, the characteristics of the diverse tasks that Brodsky set for himself, as well as to the

stylistic features of the essay text. The article shows that the ideological subtext, to which literary critics and colleagues in the pen often attached excessive importance, plays a rather secondary role in this habitual journey into the past for Brodsky, not to mention that the circumstance of his private life acts as an incentive for such an essay. While the idea of Constantine as emperor and the idea of Constantinople as the New Rome, which marks the idea of Christianity, comes to the fore.

**Keywords:** Christianity, New Rome, Byzantium, Emperor Constantine, the Third Rome.

**Reference for citation:** *Arzhakova L.M.* Constantinople in the «Journey to Istanbul» by Joseph Brodsky // *Slavic Studies. Journal of the Russian Academy of Sciences.* = *Slavyanovedenie.* 2021. No. 5. P. 102–110. DOI: 10.31857/S0869544X0016877-7.

Написанное Иосифом Бродским в 1985 г. на русском языке эссе «Путешествие в Стамбул» в том же году было опубликовано на страницах журнала «Континент» в Париже [6. С. 372]. Что ж, вполне логично: где, как не в среде — прежде всего, парижской русской эмиграции, как затухающей первой волны, так и ее потомков, Стамбул ассоциировался с Константинополем и воспринимался как Константинополь. Поэтому для публикации тематических путевых заметок Иосифа Бродского лучшего места было не найти.

Это эссе поэта — из малого числа тех, что были созданы Бродским на родном языке, достоинства и преимущества которого он всегда ценил и неоднократно подчеркивал: «Для духа, возможно, не существует лучшего пристанища: русский язык с его развитой системой флексий»<sup>1</sup>. Тем больше вопросов вызывает однозначная констатация В.Б. Кривулина: «Свои эссе Иосиф Бродский пишет по-английски» [7. С. 241]. Допустим, что это уверенное заявление Кривулина относилось к литературным портретам пера Бродского, где главными героями выступали титаны русской литературы. Но даже если так, достаточно вспомнить, что некоторые эссе о своих знаменитых предшественниках Бродский писал все-таки по-русски. Они, как правило, предворяли издания сочинений русских авторов на Западе. Например, предисловием к двухтомнику М.И. Цветаевой (1979) [12] послужило эссе «Поэт и проза», а к пятитомному изданию ее же сочинений (1980–1983) [13] — эссе «Об одном стихотворении» [6. С. 364–365].

Кроме того, вскоре после приезда Бродского в США для двуязычного издания А.П. Платонова (1973) [17; 6. С. 337] Бродским было подготовлено эссе «Послесловие к “Котловану” А. Платонова»<sup>2</sup>. Кстати, в своей статье Кривулин не обошел вниманием эту короткую (здесь он прав) заметку Бродского о «Котловане», не преминув отметить, что она была написана «еще по-русски, а не по-английски», будучи, «вероятно, своего рода пристрелкой, первой реакцией поэта на смену среды обитания» [2. С. 243]. Выпускник филологического факультета Ленинградского государственного университета, где Бродскому учиться не довелось, хотя и мечталось (о чем как-то недобро вдруг вспомнил А.А. Бобров [1. С. 16]), филолог Кривулин признает достоинства Бродского-эссеиста (портретиста). По его мнению, «нефилологу Бродскому нередко удается то, что стало бы предметом профессиональной гордости для любого историка литературы» [2. С. 243].

Вопрос языка исходного (оригинального) текста для двуязычного автора — отнюдь не праздный. Если Бродский писал свои эссе преимущественно

<sup>1</sup> *Бродский И.* Сын цивилизации // *Бродский И.* Соч. В 7-и т. СПб., 2001. Т. V. С. 92.

<sup>2</sup> *Бродский И.*, 2001 (Послесловие...). С. 72–74.

по-английски, поскольку писал «для англоязычного читателя, который довольно мало знает о русской литературе»<sup>3</sup>, то не следует ли предположить, что написанное по-русски «Путешествие в Стамбул» предназначалось автором прежде всего для иного читателя, что косвенно подтверждает, в том числе, выбор города, где текст впервые увидел свет? Посвящение эссе французенке Веронике Шильц<sup>4</sup> смущать не должно: в конце концов, русский язык и степные просторы были ей давно и хорошо знакомы. Не меняют дела и последовавшие вскоре переводы эссе на английский — сначала (1985) в американском еженедельнике «Нью-Йоркер» (*The New Yorker*), а затем (1986) в только что основанном серийном издании «Лучшие американские эссе» (*The Best American Essays*) [6. С. 372].

Разница в представлении Бродского об англоязычном и русскоязычном читателе выразилась даже в перемене, буквально до неузнаваемости, названия эссе — теперь «Путешествие в Стамбул» трансформировалось в «Бегство из/от Византии» (*Flight from Byzantium*). Собственно, как раз в этом особом образом проявился почти неизбежный диктат окружающей среды на любого пишущего. В эссе, ориентированном на русского читателя, который нет-нет, да вспомнит: «Потеряв Византию, летим в Византию» [2. С. 421–422], четкий образ Стамбула все-таки затмевает, пусть размытый, — но образ Константинополя. Для русского читателя практически невозможно (точнее, нежелательно) даже метафизическое бегство от/из Византии, Запад же такое бегство, пожалуй, мог бы понять и принять. Весьма точно об этом сказал Петер Шрайнер, отметив, что «исторические исследования давно старались найти справедливое место Византии в истории, однако голоса о бесспорности западного превосходства [...] слышны до сих пор» [15. С. 249]. Впрочем, этот фокус с переименованием не оградил Бродского от полетевших в него с обеих сторон стрел критиков. Со стороны Востока «Путешествие в Стамбул» расценили как «еще одну попытку очернить Россию, русскую историю и православие», со стороны Запада поставили «диагноз империалистической ностальгии и клишированно-го [...] восприятия Востока» [9. С. 165].

Что же таится в этом очерке Бродского, вызвавшем противоречивые отклики и, вместе с тем, не удостоившимся, кажется, сколько бы то ни было развернутой характеристики сугубо литературоведческого, а не идеологического свойства? Внушительный по объему раздел, посвященный этому эссе в «Американском дневнике» литературоведа О.И. Глазуновой, пожалуй, не в счет: автор в основном предпочитает следовать за Бродским по пятам и не слишком стремится разобраться в том, что же толкает поэта в путь [4. С. 329–355]. Конечно, нельзя не признать, что в настоящее время проблема декодирования «Путешествия в Стамбул», по содержанию мысли своей прочно увязанного с годом написания (чему гораздо менее подвержены литературные портреты), отягощена случившимися за последние тридцать с лишним лет переменами в *пространстве и времени*, всегда занимавшими Бродского. Не исключено, что самого автора теперь привлекла бы перспектива внести коррективы в собственный текст (но только по собственной воле), а, скорее всего, взяться за перо, чтобы написать новый. Обоснованность такого предположения подтверждают наблюдения Бродского, какими он поделился с собеседниками

<sup>3</sup> Бродский И., 2000 (Интервью...). С. 569.

<sup>4</sup> Вероника Шильц (1942–2019) — французский востоковед, историк искусства, специалист по истории кочевых народов, переводчик.

в Венеции в 1993 г.: «самым чудовишным последствием тоталитарной системы, которое у нас было и которое у нас царило, является именно полный цинизм, или, если угодно, полный нигилизм общественного сознания. И, разумеется, это чрезвычайно, как бы сказать, и удовлетворительная вещь: это же приятно – пошутить, поскалить зубы. Но все это мне очень сильно не нравится. [...] Нас раздели и разули и выставили, в общем, на колоссальный экзистенциальный холод. И я думаю, что результатом этого не должна быть ирония. Результатом этого должно быть взаимное сострадание. И этого я не вижу. Я не вижу этого ни в политической жизни выраженным, я не вижу этого в культуре. [...] То есть самый главный человек в обществе – это человек более-менее остроумный и издевающийся. И это мне колоссально не нравится» [10. С. 116–118].

Среди сюжетных линий, которых в «Путешествии в Стамбул» больше, чем сторон света, особое внимание привлекает «линия Константинополь». Несмотря на то, что Бродский вытягивает весьма протяженную цепь преемственности – преемственности, по крайней мере, места: Константинополь – Византия – Стамбул (а, бывает, и наоборот: Стамбул – Константинополь – Византия)<sup>5</sup>, явно намекая на сходство (пусть небесспорное) каждого из этих трех элементов, Константинополь в этой цепочке оказывается не самым сильным звеном. Определенное недоумение вызывает также то, что В.А. Куллэ в своем комментарии к эссе пишет следующее: римский император Константин Великий «с 326 г. избрал столицей империи Византию, которую в 330 г. переименовал в Константинополь» [6. С. 372]. Судя по всему, Куллэ предпочел древнегреческий город-государство *Византий*, от которого ко времени Константина осталась лишь тень, именовать Византия, хотя в литературе (по отношению к данному месту) это название менее распространенное и, пожалуй, менее точное. Тем менее точное, что давняя, изначальная Византия (как город) была отнюдь не равна по масштабам, не говоря о значении, Восточной Римской империи, которую много позже (но достаточно давно для того, чтобы это вошло в традицию) стали именовать Византийской империей. Подобный выбор Куллэ представляется не совсем корректным, и, что особенно уязвимо, размывающим границы между Византием (который он прямо называет Византией) и Восточной Римской империей (Византией), столица которой Константинополь, основанный Константином Великим изначально как Новый Рим, в 1453 г. пала под натиском турок.

В таком случае возникает вопрос: а что имеет в виду сам Бродский, когда пишет о Византии? Сначала читаем: «в Византии он [Константин] учредил новую столицу Римской империи – т.е. Второй Рим»<sup>6</sup>; затем – «Византия была переименована в Константинополь»<sup>7</sup>. Эта утрата предлога способна любознательного читателя просто сбить с толку. Путаница с названиями у Бродского более или менее выправляется, когда заходит речь о приходе турок, когда обнаруживший свои намерения Селим I объявляет, что он, «как властитель Константинополя, наследует Восточную Римскую империю и, следовательно, имеет право на земли, когда-либо ей принадлежавшие»<sup>8</sup>.

<sup>5</sup> Бродский И., 2001 (Путешествие...). С. 302, 290.

<sup>6</sup> Бродский И., 2001 (Путешествие...). С. 282.

<sup>7</sup> Бродский И., 2001 (Путешествие...). С. 301.

<sup>8</sup> Бродский И., 2001 (Путешествие...). С. 304.

Зато нет сомнений, что когда Бродский пишет о христианстве, сохранявшемся в Византии «еще десять столетий»<sup>9</sup>, он мысленно устремляет взоры на прекрасную и несчастную Византийскую империю, а не оглядывается на Византий (при всей своей склонности оглядываться), давно поглощенный Новым Римом, затем переименованным в Константинополь. И, тем более, когда пишет, что «деваться Руси от Византии было действительно некуда [...] Русь оказалась естественной географической добычей Византии»<sup>10</sup>, разночтениям у Бродского места, кажется, уже не остается.

Помимо прочего, что бы Бродский изначально ни говорил о мотивах своего приезда в Стамбул, и, в частности, об обещании, «некогда данном себе самому по отъезде из родного города навсегда, объехать мир по широте и по долготе, на которых он расположен»<sup>11</sup>, он оказался в Стамбуле — и это он тоже не скрывает, — дабы прочувствовать то место, куда много столетий назад прибыл Константин Великий, вознамерившись основать здесь новый город. И так, бывший обитатель Третьего Рима, в свою очередь, пожелал «для коллекции — добрать Второй»<sup>12</sup>, поскольку в Риме Первом абсолютным чужаком себя не чувствовал.

Император Константин, всецело оценив преимущества географического положения Византия, принял решение основать здесь, на пересечении всех дорог, Новый Рим — с новыми границами, новыми улицами, новыми святынями. И все же есть сомнение, что Новый Рим был назван в честь Константина еще при жизни императора, что без особой уверенности («если он действительно стал христианином»<sup>13</sup>), но все же считает нужным проговорить Бродский, которому в комментарии вторит Куллэ. Что до Константина, то, сознавая принципиальную для империи важность основания города вдали от Рима, которому было предначертано Риму же противостоять, это противопоставление — по идейному замыслу — ни у кого не должно было вызывать колебания, отсюда и название — только Новый Рим. Даже если Новый — Второй.

Пребывая в Стамбуле, Бродский оказывается добровольно подчиненным магии Константина Великого: в центре внимания его повествования, прежде всего, император, его думы и его замыслы, и то, и другое тесно связано с идеей христианства и распространением власти церкви и власти империи. Эти сюжеты прописаны у Бродского достаточно основательно, учитывая, что здесь он опирался на твердую почву. Так, своим подробным изложением сна Константина и явления ему креста он был всецело обязан писаниям Евсевия Кесарийского и «прочим» [5. С. 79–80; 11. С. 7–8], по его выражению, авторам<sup>14</sup>.

В эссе «Профиль Клио» (1991) Бродский как бы между прочим обмолвился: «Никогда не думал, что дойду до разговоров об истории»<sup>15</sup>. Может, потому что «не историк, не журналист, не этнограф»<sup>16</sup>? Создается впечатление, что Бродский либо лукавил, либо сознавал (плюс прекрасно чувствовал) разницу между тем, что всегда имело для него ценность, а именно — огромным, многоликим (непрерывно живым) прошлым, никогда не оставлявшим его

<sup>9</sup> Бродский И., 2001 (Путешествие...). С. 293.

<sup>10</sup> Бродский И., 2001 (Путешествие...). С. 310.

<sup>11</sup> Бродский И., 2001 (Путешествие...). С. 281.

<sup>12</sup> Бродский И., 2001 (Путешествие...). С. 282.

<sup>13</sup> Бродский И., 2001 (Путешествие...). С. 282.

<sup>14</sup> Бродский И., 2001 (Путешествие...). С. 282, 284.

<sup>15</sup> Бродский И., 2003 (Профиль...). С. 93.

<sup>16</sup> Бродский И., 2001 (Путешествие...). С. 313.

равнодушным, притягивавшим все его мысли и взоры, и тем, что в узкоспециальном смысле принято понимать под историей. Наверное, Бродский мог бы разделить уверенность (она же – сомнение в достаточности собственных познаний<sup>17</sup> и способностей) молодого Франсуа Гизо<sup>18</sup>, когда-то признавшего: «Мы никогда не узнаем прошлого» [16. Р. 389]. В любом случае, вряд ли ошибочно утверждение, что Бродский был не только не чужд истории, он привычно в истории растворялся. Но ровно в той мере, в какой это отвечало его поэтическому либо прозаическому замыслу, аналогично тому, как это было характерно для классиков русской литературы [14. С. 370–372].

Некоторое, признаваемое самим автором в «Путешествии в Стамбул», тяготение форматом прозы (да еще изрядно затянувшейся), которая, с точки зрения Бродского, «лишена какой бы то ни было формы дисциплины, кроме подобия той, какая возникает по ходу дела»<sup>19</sup>, превращает его едва ли не в невольника, ведь он был способен подчиняться только «диктату языка», выступавшего для него производным поэзии, которая «есть высшее достижение языка»<sup>20</sup>. Примечательно, что в прозе Бродского, подобно, как и в поэзии, не столько торжествует монолог, сколько – как ни покажется странным – обнаруживается готовность автора к диалогу, даже полемике: «О, я предвижу возражения! Я предвижу искусствоведа или этнолога, готовых оспорить с цифрами и с черепками в руках все вышеизложенное»<sup>21</sup>; вспомним попутно, что эссе посвящено востоковеду и искусствоведу.

Но так ли уж различается воздействие (диктат!) языка на поэзию и на прозу? Никак не скажешь, что в прозе, в «Путешествии в Стамбул» в частности, на каждом шагу (странице) не бросается в глаза «искусство ассоциаций, намеков, языковых и метафорических параллелей»<sup>22</sup>, т.е. как раз то, что Бродский считает отличительной чертой поэзии. В прозе язык чувствует себя не менее уверенно, – не он ли задает проблему, не он ли определяет ракурс ее подачи, не в этом ли кроется причина переименования «Путешествия в Стамбул» в процессе его превращения в англоязычное сочинение. И не язык ли продиктовал увеличение объема английской версии по сравнению с русским оригинальным текстом [6. С. 372]?

Одна из стилистических особенностей «Путешествия в Стамбул» – притягательная орнаментальность его текста, совмещающего в себе – как раз за счет орнамента – одновременно диктат и свободу, обеспеченную идеей, «что все переплетается, что все лишь узор ковра»<sup>23</sup>. В тексте мирно сосуществуют разнокалиберные персонажи – от всплывающих в памяти автора императоров, султанов и генсеков до попадавших под ноги на улицах Стамбула (уже наяву) чистильщиков обуви и шумных базарных торговцев. Поэтому не приходится удивляться, что воспоминания частной жизни (как, например, красота мечетей Средней Азии – как-никак обитатель Третьего Рима был вполне подготовлен

<sup>17</sup> Показательна оговорка Бродского по поводу переименования Нового Рима в Константинополь: «если не ошибаюсь, при жизни Константина» [1. С. 301]. Факт такого переименования при жизни Константина, хотелось бы еще раз отметить, по-прежнему вызывает сомнения. Во всяком случае, когда авторы капитальной «Культуры Византии» пишут: «Новая столица была названа в честь ее основателя Константинополем – “городом Константина”», они, сохраняя осторожность, предпочитают избегать указания, когда именно она была так названа [8. С. 15].

<sup>18</sup> Гизо Франсуа (1787–1874) – французский историк и политический деятель.

<sup>19</sup> Бродский И., 2001 (Путешествие...) С. 299.

<sup>20</sup> Бродский И., 2001 (Сын цивилизации). С. 92.

<sup>21</sup> Бродский И., 2001 (Путешествие...) С. 308.

<sup>22</sup> Бродский И., 2001 (Сын цивилизации). С. 93.

<sup>23</sup> Бродский И., 2001 (Путешествие...) С. 308.

к встрече со Стамбулом) в конце концов подчиняются затейливым ассоциациям о Первом, Втором и Третьем Риме.

«Путешествие в Стамбул» Бродского есть свидетельство колоссального приращения места, провоцирующего у любого, кому довелось там побывать, поток сбивчивых (разумеется, не безупречных с какой угодно точки зрения) ассоциаций, аналогичных тем, что возникают у Бродского, который отчасти поддается на эту провокацию. В этом смысле уязвимо созданное им эмоционально насыщенное историческое полотно, на котором он отдельными мазками прописывает искания императора Константина, простившегося со старым языческим Римом, чтобы построить свой – Новый (пусть Второй) – Рим, во имя Христианства и ради Империи (в той мере, как он сам понимал задачи правителя и ожидания подданных). Бродский оказывается в плену Константина Великого и его грандиозных замыслов, он стремится уловить детали мотивационных посылов императора, но при всем стремлении «взглянуть на это место»<sup>24</sup>, где некогда восставал Константинополь, он главным образом видит только Константина. Важно, однако, подчеркнуть, что, судя по тексту, для Бродского идея императора Константина тождественна идее Константинополя. Автор застаёт Константина за делом: император, глядя на карту, размышляет, строит планы, но еще не построил свой – Новый – Рим. Может, поэтому в «Путешествии в Стамбул» мы еще не видим четких очертаний Константинополя, но образ Нового Города уже неотступно нас преследует. Вместе с Бродским мы (не без приключений) добираемся до завораживающего своей небесной красотой дворца Топкапи, заглядываем в турецкие кофейни, фиксируем пыльные лица и пыльные ботинки, но, кажется, не сворачиваем на суетную улицу Истикляль, которая (по младости) не помнит Константина, зато помнит Константинополь.

Потакая своей безобидной привычке оглядываться – и даже воспринимая ее едва ли не как привилегию: «Мне оглядываться не запрещено. Больше того, я имею возможность оглянуться в довольно комфортабельных условиях и зафиксировать открывшуюся картину на бумаге»<sup>25</sup>, Бродский всегда готов сняться с места и отправиться в путь. Так что ему ничуть не грозит то, что сейчас диагностировали как «смерть расстояний» [З. С. 5], он – сродни кочевникам, о которых не раз вспоминает<sup>26</sup>. «Путешествие в Стамбул» это еще один опыт путешествия Бродского во времени, затягивающем, как водяная воронка, которое приводит его туда, где для него, как для любого другого обитателя Третьего Рима – был, есть, будет – Константинополь. Пусть даже это Стамбул.

И если литературные портреты Бродского были призваны познакомить англоязычного читателя с русской культурой, то «Путешествие в Стамбул» есть приглашение русскоязычного читателя приобрести свой опыт постижения Константинополя.

#### СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

- Бродский И.* Писатель – одинокий путешественник // *Бродский И.* Соч. В 7-и т. СПб.: Пушкинский фонд, 2001. Т. VII. С. 62–71.  
*Бродский И.* Послесловие к «Котловану» А. Платонова // *Бродский И.* Соч. В 7-и т. СПб.: Пушкинский фонд, 2001. Т. VII. С. 72–74.

<sup>24</sup> *Бродский И.*, 2001 (Путешествие...). С. 282.

<sup>25</sup> *Бродский И.*, 2001 (Писатель...). С. 62.

<sup>26</sup> *Бродский И.*, 2001 (Путешествие...). С. 290, 304, 314.

Бродский И. Профиль Клио // Бродский И. Соч. В 7-и т. СПб.: Пушкинский фонд, 2003. Т. VI. С. 93–111.

Бродский И. Путешествие в Стамбул // Бродский И. Соч. В 7-и т. СПб.: Пушкинский фонд, 2001. Т. V. С. 281–315.

Бродский И. Сын цивилизации // Бродский И. Соч. В 7-и т. СПб.: Пушкинский фонд, 2001. Т. V. С. 92–106.

Бродский И. У меня нет принципов, есть только нервы... (Интервью Биргит Файт) // Бродский И. Большая книга интервью. М.: Захаров, 2000. С. 566–591.

#### СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бобров А. Иосиф Бродский. Вечный скиталец. М.: Алгоритм, 2017. 351 с.
2. Вознесенский А. Трасса смерти // Вознесенский А. Иверский свет. Стихи и поэмы. Тбилиси: Мерани, 1984. С. 421–422.
3. Глазунова О.И. Иосиф Бродский: Американский дневник. О стихотворениях, написанных в эмиграции. СПб.: Нестор-История, 2005. 374 с.
4. Головнев А.В. Антропология движения (древности Северной Евразии). Екатеринбург: УрО РАН, «Волот», 2009. 496 с.
5. Евсевий Памфил. Соч. В 2-х т. СПб.: Типография Е. Фишера, 1850. Т. II. 246 с.
6. [Куллэ В.А.] Комментарий // Бродский И. Соч. В 7-и т. СПб.: Пушкинский фонд, 2001. Т. V. С. 372–374.
7. Кривулин В. Литературные портреты в эссеистике Иосифа Бродского // Вестник новой литературы. 1994. № 7. С. 241–249.
8. Культура Византии. IV – первая половина VII в. / Отв. ред. З.В. Удальцова. М.: Наука, 1984. 725 с.
9. Лосев Л.В. Иосиф Бродский. Опыт литературной биографии. М.: Молодая гвардия, 2008. 447 с.
10. Прогулки с Бродским и так далее. Иосиф Бродский в фильме Алексея Шишова и Елены Якович. М.: Издательство АСТ, 2017. 251 с.
11. Сократ Схоластик. Церковная история. М.: РОССПЭН, 1996. 367 с.
12. Цветаева М. Избранная проза. В 2-х т. New York: Russica publishers, INC, 1979. Т. 1. 459 с.
13. Цветаева М. Стихотворения и поэмы / Сост. и подг. текста А. Сумеркина, предисл. И. Бродского, биогр. очерк В.Швейцер. В 5-и т. New York: Russica publishers, INC, 1980–1983. Т. 1. 322 с.
14. Черепнин Л.В. Исторические взгляды классиков русской литературы. М.: Мысль, 1968. 383 с.
15. Шрайнер П. Византия сегодня: определение места ушедшего мира // Античная древность и средние века. 2019. Т. 47. С. 248–256.
16. Guizot F. Mémoires pour servir à l'histoire de mon temps. Vol. 1–8. Paris: Michel Lévy frères, Libraires-Éditeurs, 1858. Vol. 1. 483 p.
17. Platonov A. The Foundation Pit / Платонов А. Котлован / Engl. transl. by Thomas P. Whitney; Pref. by Joseph Brodsky. Ann Arbor: Ardis, 1973. 284 p.

#### REFERENCES

1. Bobrov A. *Iosif Brodskii. Vechnyi skitalets*. Moscow, Algoritm Publ., 2017, 351 p. (In Russ.)
2. Cherepnin L.V. *Istoricheskie vzgliady klassikov russkoi literatury*. Moscow, Mysl' Publ., 1968, 383 p. (In Russ.)
3. Evsevii Pamfil. *Sochineniia*. Vol. 1–2. St. Petersburg, Tipografiia E. Fishera, 1850, Vol. 2, 246 p. (In Russ.)
4. Glazunova O.I. *Iosif Brodskii: Amerikanskii dnevnik. O stikhotvoreniakh, napisannykh v emigratsii*. Moscow, St. Petersburg, Nestor-Istoriia Publ., 2005, 374 p. (In Russ.)
5. Golovnev A.V. *Antropologiia dvizheniia (drevnosti Severnoi Evrazii)*. Ekaterinburg, Ural Department of the Russian Academy of Sciences, «Volot» Publ., 2009, 496 p. (In Russ.)
6. Guizot F. *Mémoires pour servir à l'histoire de mon temps*. Vol. 1–8. Paris, Michel Lévy frères, Libraires-Éditeurs, 1858, Vol. 1, 483 p.
7. [Kulle V.A.] *Kommentarii. Brodskii I. Sochineniia*. Vol. 1–7. St. Petersburg: Pushkinskii fond Publ., 2001, Vol.V, pp. 372–374. (In Russ.)

8. Krivulin V. Literaturnye portrety v esseistike Iosifa Brodskogo. *Vestnik novoi literatury*, 1994, no. 7, pp. 241–249. (In Russ.)
9. *Kul'tura Vizantii. IV – pervaiia polovina VII v.*, eds. Z.V. Udal'tsova. Moscow, Nauka Publ., 1984, 725 p. (In Russ.)
10. Losev L.V. *Iosif Brodskii. Opyt literaturnoi biografii*. Moscow, Molodaia gvardiia Publ., 2008, 447 p. (In Russ.)
11. *Progulki s Brodskim i tak dalee. Iosif Brodskii v fil'me Alekseia Shishova i Eleny Iakovich*. Moscow, AST Publ., 2017, 251 p. (In Russ.)
12. Shrainer P. Vizantiia segodnia: opredelenie mesta ushedshego mira. *Antichnaia drevnost' i srednie veka*, 2019, Vol. 47, pp. 248–256. (In Russ.)
13. Sokrat Skholastik. *Tserkovnaia istoriia*. Moscow, ROSSPEN Publ., 1996, 367 p.
14. Tsvetaeva M. *Izbrannaia proza*, eds. A. Sumerkin, I. Brodsky, Vol. 1–2. New York, Russica publishers, INC, 1979, Vol. 1, 459 p. (In Russ.)
15. Tsvetaeva M. *Stikhotvoreniiai poemy*, eds. A. Sumerkin, I. Brodsky, V. Shveitser. Vol. 1–5. New York, Russica publishers, INC, 1980–1983, Vol. 1, 322 p. (In Russ.)
16. Voznesenskii A. Trassa smerti. *Voznesenskii A. Iverskii svet. Stikhi i poemy*. Tbilisi, Merani Publ., 1984, pp. 421–422. (In Russ.)

**Информация об авторе:**

**Аржакова Лариса Михайловна**,  
 Доктор исторических наук,  
 ведущий научный сотрудник Отдела истории  
 славянских народов Центральной Европы  
 в Новое время (Центр по изучению  
 истории многонациональной  
 Австрийской империи),  
 Институт славяноведения РАН,  
 Москва, Российская федерация;  
 ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8260-4101>  
 E-mail: [larjak@mail.ru](mailto:larjak@mail.ru)

**Information about the author:**

**Larisa M. Arzhakova**,  
 Dr. Hab. (History),  
 Leading Researcher, Department  
 of the History of the Slavic Peoples  
 of Central Europe in Modern Times,  
 Institute of Slavic Studies,  
 Russian Academy of Sciences,  
 Moscow, Russian Federation;  
 ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8260-4101>  
 E-mail: [larjak@mail.ru](mailto:larjak@mail.ru)



DOI: 10.31857/S0869544X0016748-5

Оригинальная статья /  
Original Article

## Восстановление старообрядческой церковной иерархии: от Буковины до Москвы

© 2021 г. А.И. Свиридонова

Российский государственный гуманитарный университет  
(Москва, Российская Федерация)

svridonovahram@gmail.com

**Аннотация.** Данная статья представляет собой обзор материалов одного из влиятельных старообрядческих журналов, освещавших проблемы, сопровождавшие восстановление церковной иерархии Древлеправославной (Старообрядческой) Церкви Христовой в сфере высшего церковного управления. Освященный собор 1846 г. в Белой Кринице восстановил традицию соборного начала Церкви, хотя дискуссии о формате и составе Соборов продолжались и последующие годы.

**Ключевые слова:** старообрядчество, религия, восстановление трехчинной иерархии, Освященный собор, периодика, церковное управление.

**Ссылка для цитирования:** Свиридонова А.И. Восстановление старообрядческой церковной иерархии: от Буковины до Москвы // *Славяноведение*. 2021. № 5. С. 111–124. DOI: 10.31857/S0869544X0016748-5.

## Restoration of the Old Believer Church Hierarchy: from Bukovina to Moscow

© 2021. Anna Sviridonova

Russian State University for the Humanities  
(Moscow, Russian Federation)

svridonovahram@gmail.com

**Abstract.** This article is a review of materials from one of the influential Old Believer magazines that covered the problems that accompanied the restoration of the church hierarchy of the Old Orthodox (Old Believer) Church of Christ in the sphere of higher church government. The Consecrated Council of 1846 in Belaya Krynitsa restored the conciliar tradition of the Church, although discussions about the format and composition of the Councils continued in subsequent years.

**Keywords:** Old Believers, religion, restoration of the three-tiered hierarchy, the Consecrated Councils, periodicals, church administration.

**Reference for citation:** *Sviridonova A.I. Restoration of the Old Believer Church Hierarchy: from Bukovina to Moscow // Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Sciences. = Slavyanovedenie. 2021. No. 5. Pp. 111–124. DOI: 10.31857/S0869544X0016748-5.*

Старообрядчество никогда не было однородным течением: как в первые годы после событий церковного раскола, так и на рубеже XIX–XX вв. Под старообрядчеством понимают совокупность религиозных течений и организаций, которые отвергли реформы патриарха Никона. Из-за активного преследования архиереев старообрядцы на 180 лет остались без епископов. Каждое из сообществ самостоятельно приняло решение об источнике пополнения священнических кадров. Те, кто отверг любую возможность поставления священников без епископа, стали называться беспоповцами. Вскоре из-за многочисленных канонических распрей беспоповство разделилось на еще более мелкие течения.

Другая ветвь старообрядцев, получившая наименование «поповцев», согласилась принимать «беглое», переходящее от господствующей Церкви священство. С течением времени архиереи, возведенные в сан еще по правилам, действующим до раскола, с точки зрения старообрядцев, также перевелись. Это поставило вопрос о восстановлении трехчинной иерархии, т.е. наличия своих епископских кадров, поставляющих священников.

Крупным духовным центром старообрядцев последней трети XVIII – первой половины XIX в. являлась конгломерация монастырей на реке Большой Иргиз в Саратовской губернии. Монастыри возникли благодаря указам, изданным Екатериной II и Сенатом в декабре 1762 г., в которых оговаривались условия беспрепятственного и непреследуемого возвращения и расселения старообрядцев на территории Российской империи [6. С. 289–290], однако без прямых правительственных разрешений [14. С. 697]. Свобода организации внутренней жизни Иргиза подкреплялась прочным материальным положением: в 1797 г. был издан указ об освобождении местных иноков от рекрутской повинности, а император Павел I в случае необходимости, например пожара, жертвовал значительные суммы [1. С. 356–364]. Старообрядцы-беглопоповцы, переселившиеся в Саратовскую губернию, «основали в начале 1760-х годов три больших монастыря-скита, строились часовни и зимние храмы» [1. С. 356]. В 1828 г. на Иргизе проживали около 3000 иноков [6. С. 290]. Именно здесь происходило «перемазывание», т.е. принятие в лоно старообрядческой церкви через миропомазание с оставлением в прежнем сане. После этого священники отправлялись в приходы самых разных уголков страны, в том числе на Рогожское кладбище, на которое до 1823 г. (несмотря на существование его с 1771 г.) правительство практически не обращало внимания [14. С. 697]. Дозволенные беглые попы служили в Рогожских храмах до 1854 г. В 1855 г. в храмах на Рогожском власти опечатали все алтари в связи с репрессивной политикой Николая I в отношении старообрядчества. Официально была названа такая причина: «Так как на Рогожском кладбище священников нет, и не должны быть допускаемы, если не присоединятся к единоверию» [7. С. 105–109]. Каждый «вызов» с Иргиза оговаривался с местной гражданской и духовной администрацией – губернатором и архиереем господствующей церкви. На них лежала ответственность за контроль над тем, чтобы «выписанные священники» не покидали границ оговоренных селений, не священнодействовали и не исполняли духовных треб за их пределами [16. С. 26–27].

В период правления императора Николая I власти ужесточили политику в отношении старообрядцев. В 1821 г. правительство потребовало от Иргизских монастырей расписку о прекращении приема беглых священников [13. С. 770], но

получило отказ. Поэтому с 1827 г. беглым священникам запретили перемещаться из уезда в уезд, что на практике означало невозможность традиционной рассылки священников из Иргизских скитов [16. С. 90–91]. Часть часовен и келий на Иргизе сломали, а Нижне-Воскресенский монастырь перевели в статус единоверческого [19. С. 283]. «Власти и светские, и духовные усердно ловили старообрядческих священников. Следствием такого усердия было оскудение священства даже на Иргизе. Дошло до того, что на все Поволжье и Заволжье остался один священник» [19. С. 283].

В 1841 г. настоятель Верхне-Преображенского монастыря Силуан и его казначей Афанасий впервые высказали мысль о необходимости восстановления полной церковной иерархии. Стало ясно, что эту проблему можно решить только путем организации митрополии за пределами России [19. С. 283]. Тем более, что в скором времени российское правительство ужесточило отношение к сектам, разделив их в 1842 г. на вредные и менее вредные (старообрядцы поповских согласий), особенно вредные (духоборцы, молокане), вреднейшие (хлысты, скопцы, беспоповцы, иудействующие) [11. С. 9].

В 1844 г. представители русских старообрядцев – иноки Павел (Великодворский) и Алимпий (Милорадович) – получили разрешение от правительства Австро-Венгрии на учреждение архиерейской кафедры в местном монастыре. Так, в 1846 г. в русском селе Белая Криница на Буковине была восстановлена полная, трехчинная церковная иерархия Древлеправославной (Старообрядческой) церкви. Иерархия получила название «белокриницкой», по названию того села, в котором и была учреждена епископская кафедра [11. С. 97].

Первым митрополитом Белокриницкого согласия стал Амвросий, грек по происхождению. В миру турецкий поданный Амирей (Андрей) Паппа-Георгополи родился в небольшом пригороде г. Эноса в священнической семье. После смерти жены он принял иноческий чин под именем Амвросий и в 1835 г. был рукоположен на Босно-Сараевскую кафедру Константинопольской патриархии. Выступив против турецкого правительства во время сербо-турецкого конфликта, он был отозван с кафедры.

Получив в июне 1846 г. разрешение от императора Фердинанда I на получение австрийского подданства и вступление на должность в старообрядческую иерархию, митрополит Амвросий стал готовиться к присоединению [8. С. 254].

27 октября 1846 г. в Белокриницком монастыре состоялся Освященный собор, который решил, что присоединение епископа произойдет вторым чином, т.е. без перекрещивания. Учреждение епископской кафедры много значило для поповцев, но не являлось масштабным событием для беспоповцев. Они отвергали каноничность этого действия и пытались образумить своих братьев-старообрядцев и устраивали диспуты, лекции и другие публичные мероприятия дискуссионного характера. Подобным образом вела себя и часть беглопоповцев.

За год пребывания в Белой Кринице митрополит Амвросий рукоположил десять человек в разные духовные степени. Понимая шаткое положение старообрядцев в России и неопределенность судьбы церкви, было решено выбрать и рукоположить преемника митрополита при жизни. Им стал инок Кирил (Тимофеев), рукоположенный на кафедру в селении Майнос. Были рукоположены архиереи и на другие заграничные (термин закрепился благодаря наименованию с точки зрения российских старообрядцев) епархии – Славскую, Браиловскую и вновь Майноскую. Епископ на последнюю кафедру потребовался в связи с возведением

Кирила в сан митрополита Белокриницкого, т.е. равного митрополиту Амвросию по величине<sup>1</sup>.

С 1848 г. в связи с революционными событиями в Австрии и Венгрии и стремлением опереться на поддержку Николая I Фердинанд I ужесточил политику в отношении старообрядцев. Он приказал опечатать монастырь в Белой Кринице, митрополит Амвросий после череды допросов был сослан в г. Цилли, где и умер в 1863 г.

Въезд иностранных старообрядческих духовных лиц на территорию Российской империи был запрещен [16. С. 103–104]. Старообрядчество нуждалось в архиереях, поставленных из своих людских ресурсов. Первым рукоположенным митрополитом Амвросием архиереем для России стал епископ Софроний Симбирский. *De facto* он исполнял роль архиепископа – в его подчинении находились все епархии Российской области, в которых еще не было епископов, рукоположенных в Белой Кринице на соответствующую кафедру. Епископ Софроний не оправдал надежд старообрядцев, был подвергнут суду и запрещен от всякого священнодействия за злоупотребление церковной властью, проявлявшееся, например, в симонии<sup>2</sup>.

В 1853 г. для России был поставлен новый архиерей – архиепископ Антоний Владимирский. В статусе архиепископа он имел более широкие церковно-иерархические полномочия, чем его предшественник епископ Софроний. Однако последний долго не хотел сдавать своих позиций, что отчасти подтолкнуло Белокриницкую митрополию к учреждению архиепископии в Москве. Освященный собор 1863 г. уничтожил ставленные грамоты, выданные епископу Софронию, а архиепископ Антоний был объявлен архиепископом Московским и всея России<sup>3</sup>.

Так, духовный центр старообрядцев на Рогожском кладбище стал резиденцией Московской и всея Руси архиепископии. Архиепископию, т.е. епархию с более высоким статусом, решено было организовать на месте будущей митрополии.

В силу действовавших на территории Российской империи ограничений в отношении старообрядцев Освященный собор провести было невозможно, потому при назначении архиепископа Антония на Московскую кафедру высшим органом церковного управления стал Московский духовный совет<sup>4</sup>.

Первая российская революция 1905–1907 гг. принесла множество законодательных изменений, в том числе и в сфере религиозных отношений, что привело к либерализации жизни различных религиозных движений. Материалы периодической печати того времени свидетельствуют об отсутствии в новом законодательстве четких указаний о правилах деятельности религиозных меньшинств. Старообрядчество, равно как и духоборы, молокане, протестанты и другие, получило права свободного отправления культа и храмостроительства, ведения книг гражданского состояния и выпуска собственных периодических изданий [18. С. 26; 9. С. 161]. Законодательные изменения в Российской империи позволили старообрядцам жить

<sup>1</sup> Сборник старообрядческих актов второй половины XIX в. Б. м., б. г. Т. 1. Л. 14–15, 26–28.

<sup>2</sup> Архив Митрополии Московской и всея Руси РПСЦ. Коллекция о. Иоанна Власова. Выписки и копии дел по вопросу Окружного послания. Дело епископа Софрония с присовокуплением дела Саратовского епископа Афанасия (копия). Л. 242–343.

<sup>3</sup> Архив Митрополии Московской и всея Руси РПСЦ. Коллекция о. Иоанна Власова. Выписки и копии дел по вопросу Окружного послания. Дело о приезде в феврале–марте месяце 1863 г. г-на митрополита Кирила в Москву (копия). Л. 163–164об., 167–169об., 217об.–218.

<sup>4</sup> Архив Митрополии Московской и всея Руси РПСЦ. Коллекция о. Иоанна Власова. Выписки и копии дел по вопросу Окружного послания. Копия определения Освященного Всероссийского Собора о предоставлении права управления Церковью Московскому Духовному Совету. Л. 409–410.

полноценной церковной жизнью. Наличие епископов предполагало проведение освященных соборов.

Собор епископов или Освященный собор – верховный орган церковного управления [15. С. 1035], высший орган церковной власти Старообрядческой церкви Белокриницкой иерархии [2. С. 38]. Традицию проведения Соборов называют апостольской. Некоторые места из Нового Завета (например, Мф. 18:15–20; Деян. 1:16–26) и церковные предания повествуют о соборном, т.е. совместном принятии решений по вопросам жизни общества верующих. Согласно 37-му правилу св. апостол, «дважды в году да бывает Собор епископов, и да рассуждают они друг с другом о догматах благочестия и да разрешают случающиеся церковные прекословия» [12. С. 104].

На Соборах рассматривались самые важные и наиболее сложные вопросы разных уровней: выборы епископов, разрешение догматических и канонических разногласий, разбор частных жалоб и прочих дел. По 37 правилу св. апостол полагалось проводить Соборы два раза в год, но на практике они собирались ежегодно. В состав Собора входили как архиереи – архиепископ (предстоятель Древлеправославной церкви) и епископы, так и миряне, делегаты общин. Церковь – живой организм, и члены Церкви разного уровня видят пути разрешения проблем также по-разному. Поэтому Освященный собор – показатель демократического народного начала в организации церковной жизни: стремления разобраться в сути вопроса, установить каноническое его разрешение, он не позволял отдельным епископам принимать решения, удобные им, а не пастве.

После длительного перерыва в 1898 г. в Нижнем Новгороде был проведен нелегальный Освященный собор, который перестроил старые принципы управления Церкви в условиях законодательной скованности и споров по каноническим вопросам внутри самой иерархии. Благодаря его проведению была заложена новая практика проведения Соборов. Так, упразднился Духовный совет, были оговорены сроки созыва Соборов, обязательность подчинения архиепископа решениям Собора, право на участие мирян, разграничение деятельности российских и зарубежных Соборов<sup>5</sup>.

С 1905 г. Соборы проводились легально и открыто, «не менее раза в год», оговаривалось, что все архиереи должны подчиняться решениям Соборов<sup>6</sup>. С 1898 по 1912 г. было проведено 18 Соборов<sup>7</sup>.

Кроме Соборов в жизни Древлеправославной церкви организационную роль играли всероссийские съезды старообрядцев – «органы церковно-гражданского единения старообрядцев». Съезды решали «те вопросы, которые не входили в ведение Собора», если на этот счет нет канонов или вопрос затрагивает интересы старообрядцев не только Белокриницкой иерархии [15. С. 1035]. На съездах часто выступали представители старообрядческих братств – сообществ, занимавшихся просветительской и образовательной деятельностью. Практика двойного представительства братств на съездах подтолкнула их членов предложить подобные меры для участия в Соборах.

В связи с практикой Соборов иерархия находилась под контролем старообрядческой общественности и даже архиепископ не был фигурой неприкасаемой для

<sup>5</sup> Постановления Освященных Соборов старообрядческих епископов 1898–1912 гг. М., 1913. С. 5–9.

<sup>6</sup> Постановления Освященных Соборов старообрядческих епископов 1898–1912 гг. М., 1913. С. 5–9.

<sup>7</sup> Постановления Освященных Соборов... С. I–X

критики. В 1910 г. нарушилась древняя, по мнению старообрядцев, традиция участия мирян в делах Соборов. Августовские заседания вызвали недовольство старообрядческой общественности тем, что проводились без участия мирян. В пресесе сообщалось, что перед созывом Собора августа 1910 г. Всероссийскому съезду старообрядцев было известно о намеренном нарушении, и его члены предприняли меры – обратились к архиепископу Иоанну по вопросу присутствия и активного участия мирян в делах Собора. Он указал на превентивность этой меры, потому как год назад беспорядок Собору обеспечила явка неуполномоченных лиц и сообщил, что до момента выработки четких правил созыва Собора избрания будут проводиться по усмотрению архиепископа.

Архиепископ Иоанн оправдывался тем, что Собор готовился в спешке. Это значительно урезало время на избрание кандидатов, у которых не оставалось времени на подготовку к Собору. Он считал, что его архиерейский опыт достаточен для того, чтобы решить, кто показал себя на заседаниях достойно и кого можно звать впредь. Поэтому, как написал журнал «Церковь», не побоялся провести Собор без мирян, зная, что его будут критиковать<sup>8</sup>.

Активнейший участник старообрядческой жизни Московское братство Честного и Животворящего Креста Господня, воспользовалось отсутствием мирян на Соборе и подняло вопрос об участии членов братства как полноправных участников Собора. Братчики усмотрели в этом нарушение правил наравне с ограничением в участии мирян. Братство подчеркивало свой статус: не мирянин-одиночка, а совокупность таковых, т.е. оно отражало в докладах точку зрения и потребности широких старообрядческих слоев. Братство аргументировало свое право на участие в делах Собора тем, что именно религиозные братства духовно окормляли и воспитывали будущую паству в период 180-летнего отсутствия в Церкви епископов. Правила избрания для себя братство определило по подобию прихода<sup>9</sup>.

Присутствовала на Соборах и критика в адрес мирян: соборные поручения по организации 50-летней годовщины со дня кончины митрополита Амвросия выполнялись вяло и не спеша. Многие высказывали надежды на то, что этот год осветится воссоединением беглопоповцев с Белокриницкой иерархией, но не случилось. Даже обычные, присущие такому событию, мероприятия организовывались медленно и подчас без энтузиазма. Автор заметки в журнале «Церковь» связал это с тем, что новое поколение старообрядцев попросту забыло, как трудно далась свобода: «Еще недавние скромные надежды на восстановление полноты церковной иерархии, память о тайных заграничных поездках были смазаны привыканием к жизни в условиях свободы совести»<sup>10</sup>.

Московское братство Честного и Животворящего Креста Господня получило желанное право участвовать в делах Соборов и в 1911, и 1912 г., продуктивно работало на пользу Церкви, выступая с докладами по острой проблематике: имущество епископов, епископские объезды епархий, внешнее благоприличие пастырей (недопустимость надевать наперсный крест вне богослужений, как это делают представители Синодальной церкви)<sup>11</sup>, воссоединение с беглопоповцами и о приготовлениях к 50-летней годовщине со дня кончины митрополита Амвросия<sup>12</sup>.

<sup>8</sup> Перед Собором и на Соборе // Церковь. 1910. № 35. С. 879–880.

<sup>9</sup> Об участии церковных братств в соборных заседаниях // Церковь. 1910. № 40. С. 990–991.

<sup>10</sup> Обзор минувшего года // Церковь. 1913. № 2. С. 38–41.

<sup>11</sup> Освященный Собор Старообрядческой Церкви // Церковь. 1911. № 36. С. 861–864.

<sup>12</sup> Освященный Собор // Церковь. 1912. № 39. С. 931.

Основной материал о работе Соборов публиковался в периодике, иногда вплоть до созыва нового Собора, небольшими частями — по полтора-два дня<sup>13</sup>. В публикации могли поместить редакции и примечания к постановлениям, расписать баллотировку тех или иных вопросов<sup>14</sup>. В отдельных случаях на страницах журнала помещались фотографии участников Собора<sup>15</sup>. Например, в публикации материалов Собора 1912 г., обсуждавшего возможность скорого прославления старообрядческих мучеников, освещался не только весь ход обсуждения, но и публиковался текст службы с канонами<sup>16</sup>. Перечислялись новые постановления духовных лиц и другие вопросы, разбираемые на Соборе: вопросы образования, организации школьного дела, программа празднования юбилеев<sup>17</sup>.

Особый интерес представляет освещение заседаний Соборов, посвященных «делу епископа Михаила». Епископ Михаил (Семенов) — один из ярких представителей старообрядчества своего времени. Павел Васильевич Семенов родился в еврейской семье и крестился в Синодальной церкви (ПРЦ), учился и преподавал в Московской и Казанской духовной академиях. В 1899 г. был пострижен в иноки своим учителем епископом Антонием (Храповицким). Отец Михаил «участвовал в диспутах Религиозно-философского общества, полемизировал с религиозными взглядами Л.Н. Толстого, Д.С. Мережковского, В.В. Розанова. Он много печатался в старообрядческой периодике, продолжал публиковаться в различных светских газетах: “Биржевые ведомости”, “Современное слово”, “Утро России” и других» [4. С. 652–659]. Уже будучи архимандритом увлекся социализмом в поисках общественного отражения своих духовных идеалов. Отец Михаил составил несколько программ социального христианства [5. С. 42]. Но поиск привел его в 1907 г. в Старообрядческую церковь, где он исключительно благодаря своим неординарным способностям, живому уму, литературному и проповедническому дару, поднялся по иерархической лестнице [17. С. 172–174].

Через пару месяцев после присоединения к Старообрядческой церкви, архимандрит Михаил был единолично возведен в архиерейский сан епископом Нижегородским и Костромским Иннокентием и поставлен на Канадскую кафедру, о наличии которой до момента поставления старообрядческой общественности известно не было. Этот акт вызвал бурное обсуждение соборной общественности, потому как в нем усматривалось нарушение 1-го («епископа да поставляют два или три епископа» [12. С. 45]) и 34-го («епископам всякого народа подобает знати первого из них, и признавати его яку главу, и ничего превышающего их власть не творити без его рассуждения» [12. С. 98]) правил свв. апостол. На февральском Соборе это дело, в обходнение правил, разбиралось не на епископском суде, а в присутствии священников и мирян. Священнодействия обоим провинившимся епископам запретили до нового Собора, на который и перенесли рассмотрение дела<sup>18</sup>.

В этот период на страницах журнала «Церковь» помещались морализаторские статьи, посвященные дерзостному нарушению правил и канонов церкви. Их авторы подчеркивали чрезвычайность февральского Собора, созванного с целью разрешить этот вопрос. Интересно, что при публикации постановлений и определений

<sup>13</sup> Освященный Собор // Церковь. 1912. № 35–37.

<sup>14</sup> Освященный Собор // Церковь. 1912. № 40. С. 954–957.

<sup>15</sup> Освященный Собор Старообрядческой Церкви // Церковь. 1911. № 37. С. 886.

<sup>16</sup> Освященный Собор // Церковь. 1912. № 41. С. 978–985.

<sup>17</sup> Старообрядческий Освященный Собор Российской области // Церковь. 1909. № 35. С. 1036–1037.

<sup>18</sup> Освященный Собор по делу епископа Иннокентия // Церковь. 1909. № 6. С. 214.

Собора по этому делу отмечено, что архиепископ Иоанн подписал их уже по окончании работы Собора, так как прибыл на него с большим опозданием<sup>19</sup>.

Отдельные авторы высказывали отношение к произошедшему, не претендуя на выражение официальной или общецерковной позиции. Они стремились познакомить читателей со своим видением вопроса. Так, один из них, пожелавший остаться неизвестным, пояснил, что заметка написана как отклик на запрос старообрядческого общества, продолжавшего обсуждать беспрецедентный случай и пытавшегося по справедливости разобраться в ситуации. Подчеркивалось, что епископ Михаил, не старообрядец по рождению, быстро взлетел по карьерной лестнице, воспользовавшись оказанным ему со стороны старообрядцев, «пренебрегших исторической осторожностью», высоким доверием. «Епископская кафедра уже находилась в руках архимандрита Михаила», – констатировал автор. Кандидат защитил диссертацию, был начитан и эрудирован, писал учебники для нужд церкви – все это импонировало делегатам Собора. Но, как считал автор, Собор собирался ставить его на Петроградскую (старообрядцы использовали русифицированное название города) епархию. В статье подчеркивалось, что широкие слои старообрядчества никогда прежде не слышали о существовании Канадской епархии, возможно, там даже нет паствы.

Автор заметки с иронией сравнил положение епископа Михаила с епископом Римским из Синодальной церкви, «постоянно проживающий в Кронштадте и никогда в Рим не выезжающий. Он назначен преимущественно для курортной публики, туристов из русских»<sup>20</sup>.

Автор заметки предложил посмотреть на ситуацию с точки зрения церковных канонов и законов. Принципы акривии<sup>21</sup> диктуют «неуклонное следование церковным правилам», которым, прежде других, должны следовать епископы. Если «епископы будут нарушать каноны и установленный канонами принцип соборности, то рядовые члены Церкви, имея перед собою столь дурной пример, сочтут себя в праве не подчиняться вообще никаким церковным авторитетам, а следовательно, и самим епископам»<sup>22</sup>.

В соответствии с церковной практикой, отвечавшей принципу христианской любви и всепрощению, автор заметки указал на «лазейку» в церковных законах, которая могла бы спасти обвиняемых от сурового наказания: просьба паствы. Традиция сложилась таким образом, что запрос паствы на поставление архиерея на кафедру означал практическое благословение на этот акт. «Жизнь Церкви постоянно ставила вопрос о том, на что следует ориентироваться: на сложившуюся церковную практику или на церковные каноны, которым эта практика не всегда соответствовала» [3. С. 6]. Даже Стоглав ориентировался больше на церковную практику, чем на каноны [3. С. 19].

По мнению авторов журнала «Церковь», даже в этом случае действия выше-названных лиц не находят оправдания, так как на практике соборного волеизъявления паствы, о существовании которой доподлинно неизвестно, не поступало.

<sup>19</sup> Значение собора в старообрядческой Церкви (Соборные определения по делу епископов Иннокентия и Михаила) // Церковь. 1909. № 7. С. 245–247.

<sup>20</sup> По поводу суда над епископами Иннокентием и Михаилом // Церковь. 1909. № 8. С. 285.

<sup>21</sup> Так в христианском богословии называется способ решения вопросов с позиции строгой определенности, не терпящей отступления от основных начал христианского учения. Ему противостоит принцип иконономия – обоснованное снисхождение к человеческим немощам и слабостям в церковно-практических и пастырских вопросах, не носящих догматического характера.

<sup>22</sup> По поводу суда над епископами Иннокентием и Михаилом // Церковь. 1909. № 8. С. 285.

При том в журнале подчеркивалось, что в ситуации необходимо непременно разобраться: названные епископы — «люди интеллигентные, а значит, они испытывают муки совести за содеянное»<sup>23</sup>. Епископ Михаил впоследствии не единожды отправлялся на место своего предполагаемого служения, но наличествовала ли там фактически паства и в каком количестве — неизвестно.

Августовский Собор 1909 г. постановил оказать епископам снисхождение, снять епитимью, обязать епископа Михаила в течение трех месяцев изучать церковные правила и все, что положено знать священнослужителям, а по окончании срока отправиться в свою епархию<sup>24</sup>. Видимо, в связи с принятием решения с позиций христианской любви к провинившимся, на фотографии участников Освященного собора епископы стоят по обе стороны от архиепископа Иоанна<sup>25</sup>.

На страницах «Церкви» помещено и исповедание веры епископа Михаила, данное Собору. Оно представляет собой краткий ответ об основах веры, которых придерживался епископ. Исповедание включало в себя те пункты, в которых его обвиняли недоброжелатели. Вот его содержание:

«Не ради оправдания (не чувствую за собой вину неправоверия), а ради восстановления истины заявляю:

Признаю древнюю Церковь вполне православной, как и настоящую старообрядческую, к которой присоединился по убеждению и принадлежу искренно.

Никогда не считал и не считаю св. Иоанна Златоустаго, Василия Великого и др. искажающими св. Евангелие.

Наоборот, считаю их своими учителями и руководителями в познании правды Божией.

Исказителями Евангелия считаю всех ради человекоугодия извращавших его словами и делами.

Никогда не отрицал и не отрицаю таинство брака, признавая его святым, как и прочие таинства.

Верую и исповедую второе пришествие Господне для суда над живыми и мертвыми»<sup>26</sup>.

Текст исповедания напоминает форму расписки, гарантирующей каноничное понимание основ вероучения по тем пунктам, которые вызвали у Собора сомнение.

На Соборе 1910 г. дело епископа Михаила должно было разбираться вновь, тем более, что истек установленный прежним Собором срок епитимьи. Претворить в жизнь это было сложнее: дело не могли разобрать в связи с отсутствием епископа — послали телеграмму. На седьмой день заседаний пришла ответная телеграмма от епископа Михаила, что на заседания Собора он не успевает. Коллегиально решалось, стоит ли его дожидаться или вновь отложить дело до нового собора. Постановили временно запретить в священнодействии его до особых распоряжений. Епископ Михаил смог приехать только 1 сентября и забрать запрещение Собора, которому «он подчинился»<sup>27</sup>.

<sup>23</sup> По поводу суда над епископами Иннокентием и Михаилом // Церковь. 1909. № 8. С. 284–286.

<sup>24</sup> Постановления Освященных Соборов... С. 105–106.

<sup>25</sup> Освященный Собор старообрядческих епископов // Церковь. 1910. № 36. С. 890–893.

<sup>26</sup> Исповедание епископа канадского Михаила // Церковь. 1909. № 41. С. 1179.

<sup>27</sup> Освященный Собор старообрядческих епископов // Церковь. 1910. № 36. С. 890–893.

Несмотря на сложную каноническую ситуацию, епископ Михаил на протяжении долгого времени являлся автором статей для многих старообрядческих журналов, в том числе и для журнала «Церковь», а также героем заметок.

Тема суда над епископами стала одной из актуальных для миссионерских бесед, также освещавшихся на страницах журналов. На одной из них отстаивать честь старообрядчества должен был Ф.Е. Мельников, но его вызвали в Петербург. В итоге в дискуссии участвовали не менее известный начетчик Д.С. Варакин и миссионер Орфанитский. Последний обвинил епископа Михаила в нарушении канонов и счел, что тот не мог бы и при поставлении по правилам занимать означенной должности, так как он «социалист, рационалист и порнографист». Кроме того, исповедание епископа Михаила миссионер не считал искренним. Варакин, в свою очередь, пояснил, что для Собора было важно определить, исходя из церковной практики, возможно ли единоличное поставление и прощение такого нарушения; однако вопросы к личности и достоинству занимаемой должности епископом Михаилом не было вовсе. Орфанитский настаивал на том, что епископ хочет пронести в церковные круги «свое тяготение к социализму». На что Варакин ответил, что «Собор и епископы в отдельности чужды гражданской политики, и не следует переносить разговор в другую область». Автор заметки — слушатель диспута — заметил: миссионер Орфанитский «пришел в замешательство и не знал, как отделаться от этой темы, назначенной им самим же». Он так запутался, что участникам обсуждения это быстро наскучило, и они разошлись<sup>28</sup>.

Следствие по делу епископов Иннокентия и Михаила также вызвало живой интерес у светской прессы. На ее страницах высказывались предположения, что «епископам все сойдет с рук», критиковался Собор как орган церковной власти вообще. Отмечалось, что старообрядческая пресса скрывает истинное положение дел по политической причине. Высказывалось мнение, что поставленный епископ не угоден в Петербурге, в связи с чем разбирались, может ли кто стоять выше и быть влиятельнее Собора. «Миссионерские» издания ликовали, что в старообрядчестве новый разлад: оно скоро даст трещину, а значит, недовольные обратятся в Синодальную церковь. Сообщалось, что представители светской прессы брали интервью у епископа Иннокентия и писали статьи на их основе, а епископ неоднократно подчеркивал политическую составляющую дела. В этих статьях одним из заинтересованных лиц назывался М.И. Бриллиантов, создатель Московского братства Честного и Животворящего Креста Господня и председатель Всероссийских съездов старообрядцев.

Автор, сделавший для «Церкви» подборку статей из светской прессы отметил, что Старообрядческая церковь, которая веками считалась местом сохранения традиций и прошедшая череду внешних гонений и внутренних разладов, не может позволить очернять себя людям, не знающим сути происходящего внутри, но «считающими себя, видимо, в курсе всех старообрядческих дел» и не критикующим не ради преодоления проблемы, а только ради представления старообрядчества в невыгодном свете. Высказанные надежды на то, что слова в интервью приписаны епископу, разбились об отсутствие опровержения с его стороны<sup>29</sup>. Епископ Иннокентий скомпрометировал себя и тогда, когда на Освященный Собор прибыл с приветствием некий миссионер и «лицемерно внушал», что гонений на старообрядцев не было, а господствующая Церковь находилась в плену у государства

<sup>28</sup> Собеседование с миссионерами // Церковь. 1909. № 47. С. 1316–1318.

<sup>29</sup> По поводу суда над епископами Иннокентием и Михаилом // Церковь. 1909. № 8. С. 322–327.

и делала то, что ей велели под страхом смерти, епископ Иннокентий «дружелюбно ему поддакивал»<sup>30</sup>.

Дело епископа Михаила еще раз подтвердило приверженность старообрядческой церкви правилам и канонам, которые были для нее выше политики и выгоды отдельных персон. Епископ Михаил (Семенов) непродолжительное время страдал от нервного расстройства. Будучи уже не в состоянии воспринимать действительность, он ехал в поезде, где группа случайных хулиганов приняла его за бездомного и сильно избила, от перенесенных побоев епископ и умер в октябре 1916 г.

В 1917 г. в России грянула революция. Духовные чада Старообрядческой церкви, как и остальное население России, приняли или не приняли изменения в стране исходя из собственных убеждений и вне зависимости от религиозной принадлежности.

После смерти митрополита Амвросия и утверждения Белокрыницкой иерархии в полной мере в России, все важные церковные события заграничных старообрядцев стали происходить в Браиловской епархии, основанной в 1848 г.

Несмотря на подчинение Белокрыницкой митрополии, равной по статусу Московской архиепископии, старообрядцы, по-видимому, ощущали острую необходимость воссоединения с российской частью Церкви. В 1908 г. по предложению совета Всероссийских старообрядческих съездов и его же ходатайству к российскому консулу в Румынии началась работа по переселению старообрядцев, желающих вернуться в Россию, на Дальний Восток. Российское правительство положительно отнеслось к этой инициативе, в отличие от румынского, издавшего приказ об аресте подстрекающих к переселению<sup>31</sup>.

Согласие на переезд дал даже митрополит Макарий Белокрыницкий, предстоятель зарубежной митрополии Древлеправославной церкви с 1906 г. Но российское правительство разрешило ему только временный въезд на проведение ряда богослужений<sup>32</sup>.

В г. Черновцы (Буковина) митрополиту Макарию выдали паспорт, что позволило ему въехать на территорию Российской империи и провести в феврале 1908 г. первое открытое богослужение в Москве<sup>33</sup>. За пределами России к митрополиту Макарию относились довольно положительно. Так, в новополученном паспорте он числился в своем духовном сане и звании, в отличие от российских документов, в которых был записан по своей гражданской метрике.

Румынское правительство воспринимало митрополита Макария как представителя независимой церковной иерархии. Когда в 1912 г. в Румынии подняли вопрос об отделении церкви от государства, в пример были поставлены именно старообрядцы. Министр народного просвещения Т. Майореску «назвал митрополита Амвросия законным святителем, который находился без кафедры из-за политики турецкого правительства. Он создал самостоятельную иерархию, которая процветает без помощи и вообще независимо от государства»<sup>34</sup>.

<sup>30</sup> Миссионерское приветствие старообрядческому Собору // Церковь. 1912. № 38. С. 908–911.

<sup>31</sup> Гонение на старообрядцев в Румынии // Церковь. 1908. № 38. С. 1179.

<sup>32</sup> Зарубежные старообрядцы // Церковь. 1908. № 2. С. 62.

<sup>33</sup> Служение Белокрыницкого митрополита // Церковь. 1908. № 8. С. 281.

<sup>34</sup> Речь о старообрядческой иерархии в румынском сенате // Церковь. 1912. № 3. С. 62–63.

Через полгода, в июле, предстоятель русской ветви Древлеправославной церкви архиепископ Иоанн нанес ответный визит, прибыв уже в саму резиденцию заграничного коллеги – Белокриницкий монастырь для освящения нового храма<sup>35</sup>.

Решения по церковно-иерархическим вопросам Белокриницкая митрополия согласовывала с Московской архиепископией: так в 1909 г. митрополит Макарий прислал архиепископу Иоанну письмо с просьбой «согласия Освященного Собора Российских епископов на поставление на Тульчинскую вдовствующую епархию избранного Освященным Собором кандидата – иерея Ераста Спиридонова»<sup>36</sup>. Все российские епископы дали письменное согласие.

6 октября 1911 г. в 14 часов в Румынии был открыт Освященный Собор старообрядческой Церкви. Он проходил на базе Славского мужского монастыря, открыли его три архиерея – митрополит Макарий Белокриницкий и епископы Леонтий Славский и Ермоген Тульчинский. В работе Собора приняли участие также восемь приходских и три монастырских священника.

На Соборе обсуждались очевидные проблемы: Белокриницкой митрополии подчинялись всего четыре епархии, паства была малочисленна, отсутствовала координация работы церковных структур. Частности, которые в России в основном были представлены на Соборах брачными делами и конфликтами с пастырями, в Румынии ограничивались монастырскими делами. Единственное церковно-иерархическое дело, разбираемое на Соборе, касалось избрания наместника митрополита по сложившейся со времен митрополита Амвросия традиции. Однако за малочисленностью участников вопрос остался открытым. Позже, в 1913 г. он поднимался снова уже в частной переписке. Митрополиту Макарию предлагали выбрать наместника из российских архиереев, что было отклонено самим архипастырем по причине напряженных отношений стран из-за Балканской войны<sup>37</sup>.

Собор продлился два дня и уже 7 октября в 16 часов закончил работу<sup>38</sup>.

Интересно заметить, что журнал «Церковь» назвал этот румынский Собор первым, хотя год назад писал о проведенном в 1909 г. в Румынии Соборе, на котором был избран епископ Ермоген Тульчинский<sup>39</sup>.

Череда исторических событий подвела к тому, что в Древлеправославной церкви образовалось два независимых духовных центра (в будущем митрополий – Московской и Белокриницкой, у каждой из которых находится в подчинении некоторое количество епархий).

Заграничная митрополия находилась в Белой Кринице вплоть до присоединения ее в составе Северной Буковины в 1940 г. к СССР. Перенесение митрополии в г. Брэила в Румынии [10. С. 503–504] было обусловлено тем, что активная церковная жизнь Белокриницкой митрополии после ужесточения положения старообрядцев в Австрии проходила в Румынии.

Старообрядчество оказалось дихотомической структурой, приверженной одновременно идеалам патриотизма и космополитизма. Понимая под «русскими» больше чем национальность – скорее приверженность к определенному синтезу

<sup>35</sup> Освящение храма в женском Белокриницком монастыре // Церковь. 1908. № 29. С. 944.

<sup>36</sup> Российский государственный архив древних актов. Ф. 1475. Канцелярия архиепископа Московского и всея Руси. Оп. 1. Д. 377. Л. 7.

<sup>37</sup> За границей // Церковь. 1913. № 34. С. 829.

<sup>38</sup> Старообрядческий Собор в Румынии // Церковь. 1911. № 48. С. 1261–1262.

<sup>39</sup> За прошлый год // Церковь. 1910. № 3. С. 68–69.

духовной и материальной культур — старообрядцы верили в скорейшее возвращение на родину, торжество справедливости по отношению к тем, кто сохранил русскую культуру несмотря на тяжелые жизненные условия и самоидентификацию как подданных русского государства. С другой стороны, старообрядчество совершенно космополитично: оно прижилось на всех континентах, обосновалось в самых неславянских странах, оставалось открытым к иным культурам и условиям.

### СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ПРЦ – Православная российская церковь. В синодальный период не существовало единообразного наименования современной Русской православной церкви, поэтому мы используем принятое на Всероссийском церковном соборе 1917–1918 гг. наименование.

РПСЦ – Русская православная старообрядческая церковь

### СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Архив Митрополии Московской и всея Руси РПСЦ. Коллекция о. Иоанна Власова. Выписки и копии дел по вопросу Окружного послания. Дело епископа Софрония с присовокуплением дела Саратовского епископа Афанасия (копия); Дело о приезде в феврале-марте месяце 1863 года г-на митрополита Кирила в Москву (копия); Копия определения Освященного Всероссийского Собора о предоставлении права управлению Церковью Московскому Духовному Совету.
2. Постановления Освященных Соборов старообрядческих епископов 1898–1912 гг. М., 1913. 150 с.
3. Российский государственный архив древних актов. Ф. 1475. Канцелярия архиепископа Московского и всея Руси. Оп. 1. Д. 377.
4. Сборник старообрядческих актов второй половины XIX в. Т. 1. Б. м., Б. г., 658 л.
5. Церковь, журнал. 1908. № 2, 8, 29, 38; 1909. № 6–8, 35, 41, 47; 1910. № 3, 35–36, 40; 1911. № 36–37, 48; 1912. № 3, 35–41; 1913. № 2, 34.

### СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

6. Агеева Е.А. Иргизские монастыри // Православная энциклопедия. М., 2011. Т. 26. С. 356–364.
7. Афанасьев Н., прот. Церковные соборы и их происхождение. М.: Св.-Филарет. православного-христ. ин-т, 2003. 205 с.
8. Белякова Е.В. Церковный суд и проблемы церковной жизни. М.: Культурный центр «Духовная библиотека». 2004. 663 с.
9. Боченков В.В. Михаил (Семенов Павел Васильевич) // Православная энциклопедия. М., 2017. Т. XLV. С. 652–659.
10. Воронцова И.В. Старообрядческий епископ Михаил (Семенов) в контексте истории религиозного реформизма в России (1905–1915 гг.) // Вестник ПСТГУ. Сер. 2: История. История РПЦ. 2012. № 46. С. 40–54.
11. Левашова А.В. Законодательная политика Екатерины второй в отношении старообрядцев // Пробелы в российском законодательстве. 2009. № 1. С. 289–291.
12. Мануил (Чибисов). Белокриницкая иерархия в 1846–1988 гг.: этапы истории. Кострома: ДиАр, 2017. 464 с.
13. Марков С. Краткий исторический очерк австрийского раскольнического священства: (С начала его существования и до настоящего времени). Калуга: Б. и., 1885. 119 с.
14. Никольская Т. Русский протестантизм на этапе утверждения легализации (1905–1917 гг.) // Богословские размышления: Евро-Азиатский журнал богословия. 2004. № 4. С. 161–181.
15. Панкратов А.В. Белокриницкая иерархия // Православная энциклопедия. М., 2002. Т. 4. С. 544.
16. Попов А.С. Русское сектанство: (хлысты, скопцы, духоборы, молокане). М.: Грифон, 2012. 78 с.
17. Правила Православной Церкви с толкованиями Никодима, епископа Далматинско-Истрийского. М.: Отчий дом, 2001. Т. 1. 649 с.
18. Сенатов В. Бегствующее священство при Александре I // Церковь. 1912. № 32. С. 770.
19. Сенатов В. Начала веротерпимости при Александре I // Церковь. 1912. № 29. С. 697.
20. Соборы и съезды и их взаимоотношения // Церковь. 1908. № 33. С. 1035.

21. Собрание постановлений по части раскола. СПб.: Тип. М-ва внутренних дел, 1875. 776 с.
22. Старообрядчество: Лица, события, предметы и символы: Опыт энцикл. слов. М.: Изд-во журн. «Церковь», 1996. 316 с.
23. Тeryukova E.A. Проблема свободы совести в контексте российского законодательства по вероисповедным вопросам (начало XX в.) // Вестник СПбГУ. Серия 6. Политология. Международные отношения. 2009. № 1. С. 26–34.
24. Швецов К. Белокриницкая иерархия в Саратове // Церковь. 1913. № 12. С. 283.

## REFERENCES

1. Afanas'yev N., prot. *Tserkovnyye sobory i ikh proiskhozhdeniye*. М.: Sv. -Filaret. pravoslavno-khrist. in-t, 2003. 205 s.
2. Ageyeva Ye.A. Irgizskiy monastyr. *Pravoslavnaya entsiklopediya*. М., 2011. Т. 26. С. 356–364.
3. Belyakova Ye.V. *Tserkovnyy sud i problemy tserkovnoy zhizni*. М.: Kul'turnyy tsentr «Dukhovnaya biblioteka», 2004. 663 s.
4. Bochenkov V.V. Mikhail (Semenov Pavel Vasil'yevich). *Pravoslavnaya entsiklopediya*. Т. XLV. М., 2017. С. 652–659.
5. Levashova A.V. Zakonodatel'naya politika Yekateriny vtoroy v otnoshenii staroobryadtsev. *Probely v rossiyskom zakonodatel'stve*. 2009. № 1. С. 289–291.
6. Manuil (Chibisov). *Belokrinitskaya iyerarkhiya v 1846–1988 gg.: etapy istorii*. Kostroma: DiAr, 2017. 464 s.
7. Markov S. *Kratkiy istoricheskiy ocherk avstriyskogo raskol'nicheskogo svyashchenstva: (S nachala yego sushchestvovaniya i do nastoyashchego vremeni)*. Kaluga: B. i., 1885. 119 s.
8. Nikol'skaya T. Russkiy protestantizm na etape utverzhdeniya legalizatsii (1905–1917 gg.). *Bogoslovskiyemye razmyshleniya: Yevro-Aziatskiy zhurnal bogosloviya*. 2004. № 4. С. 161–181.
9. Pankratov A.V. Belokrinitskaya iyerarkhiya. *Pravoslavnaya entsiklopediya*. М., 2002. Т. 4. С. 544.
10. Popov A.S. *Russkoye sektantstvo: (khlysty, skoptsy, dukhobory, molokane)*. М.: Grifon, 2012. 78 s.
11. *Pravila Pravoslavnoy Tserkvi s tolkovaniyami Nikodima, yepiskopa Dalmatinsko-Istriyskogo*. М.: Otchiy dom, 2001. Т. 1. 649 s.
12. Senatov V. Begstvuyushcheye svyashchenstvo pri Aleksandre I. *Tserkov'*. 1912. № 32. С. 770.
13. Senatov V. Nachala veroterpimosti pri Aleksandre I. *Tserkov'*. 1912. № 29. С. 697.
14. Shvetsov K. Belokrinitskaya iyerarkhiya v Saratove. *Tserkov'*. 1913. № 12. С. 283.
15. Sobory i s"yezdy i ikh vzaimootnosheniya. *Tserkov'*. 1908. № 33. С. 1035.
16. *Sobraniye postanovleniy po chasti raskola*. СПб.: Тип. М-ва внутренних дел, 1875. 776 с.
17. *Staroobryadchestvo: Litsa, sobyitiya, predmety i simvoly: Opyt entsikl. slov*. М.: Изд-во журн. «Тserkov'», 1996. 316 с.
18. Teryukova Ye.A. Problema svobody sovesti v kontekste rossiyskogo zakonodatel'stva po veroispovednym voprosam (nachalo KHKH v.). *Vestnik SPbGU*. Seriya 6. Politologiya. Mezhdunarodnyye otnosheniya. 2009. № 1. С. 26–34.
19. Vorontsova I.V. Staroobryadcheskiy yepiskop Mikhail (Semenov) v kontekste istorii religioznogo reformizma v Rossii (1905–1915 gg.). *Vestnik PSTGU*. Seriya 2: Istoriya. Istoriya RPTS. 2012. № 46. С. 40–54.

## Информация об авторе

**Свиридонова Анна Игоревна**,  
аспирант кафедры вспомогательных  
исторических дисциплин и археологии  
Российского государственного  
гуманитарного университета,  
г. Москва, Российская Федерация  
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4909-7635>  
E-mail: [svridonovahram@gmail.com](mailto:svridonovahram@gmail.com)

## Information about the author

**Anna I. Sviridonova**,  
Graduate student Department of auxiliary  
historical disciplines and archeology  
Russian State University for the Humanities,  
Moscow, Russian Federation  
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4909-7635>  
E-mail: [svridonovahram@gmail.com](mailto:svridonovahram@gmail.com)



*Славяноведение*, 2021, № 5, с. 125–137

*Slavic Studies. Journal of the Russian Academy of Sciences*, 2021, № 5, pp. 125–137

DOI: 10.31857/S0869544X0016719-3

Оригинальная статья /  
Original Article

## Греко-сербское соглашение 1867 года и роль российской дипломатии

© 2021 г. А.С. Гкиуртзидис

Институт славяноведения РАН  
(Москва, Российская Федерация)

gkiourtzidis@gmail.com

**Аннотация.** Греко-сербское соглашение 1867 г. является второй попыткой создания военной коалиции христианских государств на Балканах, направленной на борьбу с общим противником — Османской империей. Соглашение отражало ирредентистскую политику обоих государств в решении Восточного вопроса, целью которой было изгнание турок с европейского континента и недопущение захвата балканских территорий великими державами. Россия внимательно следила и, более того, активно влияла на переговорный процесс, выявивший серьезный конфликт интересов вокруг вопроса о делимитации границ в Македонии. В статье освещаются три ключевые проблемы. Первая касается позиции России по положениям греко-сербского соглашения, затрагивающим российские интересы. Вторая имеет отношение к деталям переговорного процесса, связанным с будущим территориальным разделом европейских территорий Османской империи, в частности Македонии, и судьбой болгарского населения, проживавшего в северной части этой территории. Третья посвящена освещению посреднической роли русских дипломатов.

**Ключевые слова:** Балканский союз, Греция, Сербия, Россия, Н.П. Игнатъев, Е.П. Новиков, И. Гарашанин, П. Делияннис.

**Ссылка для цитирования:** *Гкиуртзидис А.С.* Греко-сербское соглашение 1867 г. и роль российской дипломатии // *Славяноведение*. 2021. № 5. С. 125–137. DOI: 10.31857/S0869544X0016719-3.

## Greco-Serbian Treaty of 1867 and the role of Russian diplomacy

© 2021. Agathangelos S. Gkiourtzidis

Institute of Slavic studies of the Russian Academy of Sciences  
(Moscow, Russian Federation)

gkiourtzidis@gmail.com

**Abstract.** The Greco-Serbian Treaty of 1867 is the second attempt to create a military coalition of Christian states in the Balkans, aimed at fighting a common enemy — the Ottoman Empire. The agreement reflected the irredentist policy of the two states in solving the Eastern question, the purpose of which was to expel the Turks from the European continent and prevent the

seizure of the Balkan territories by the Great Powers. Russia closely followed and moreover, actively influenced the negotiation process, which revealed a serious conflict of interests around the issue of border delimitation in Macedonia. The study highlights three key issues. The first concerns Russia's position on the provisions of the Greco-Serbian Treaty affecting Russian interests. The second has to do with the details of the negotiation process related to the future territorial division of the European territories of the Ottoman Empire and in particular Macedonia and the Bulgarian population living in the northern part of this territory. The third is devoted to the examination of the intermediary role of Russian diplomats.

**Keywords:** Balkan League, Greece, Serbia, Russia, N.P. Ignatyev, E.P. Novikov, I. Garašanin, P. Deligiannis.

**Reference for citation:** *Gkiourtzidis A.S. Greco-Serbian Treaty of 1867 and the role of Russian diplomacy // Slavic Studies. Journal of the Russian Academy of Sciences. = Slavyanovedenie. 2021. No 5. Pp. 125–137. DOI: 10.31857/S0869544X0016719-3.*

Греко-сербское соглашение 1867 г. является одним из важнейших событий истории Греции и Сербии. Интерес научного сообщества к этой теме был вызван событиями, последовавшими после заключения Балканского союза, в частности, победоносными войнами и триумфом внешней политики двух стран в начале XX в.

В 1924 г. было опубликовано исследование сербского историка, профессора Белградского университета Г. Якшича «Первый сербско-греческий союз, 1867–1868» [9]. Двумя годами позже, в 1926 г., в свет вышло исследование греческого историка, профессора Афинского университета С. Ласкариса «Первый союз между Грецией и Сербией. Феслауский договор от 14–26 августа» [3].

Во второй половине XX в. теме греко-сербского соглашения была посвящена научная статья греческого историка Н. Руссоса «Харилаос Трикупис и греко-сербский союз 1867 г.» [7]. Также она нашла отражение в исследовании югославского историка П. Милосавлиевича «Сербско-греческая конвенция 1861 г.» [5].

В конце XX – начале XXI в. тема греко-сербского соглашения затрагивалась в рамках общей проблематики сербским историком С. Терзичем в монографии «Сербия и Греция 1853–1903. Борьба за Балканы» [11], российским историком О.Е. Петруниной в монографии «Греческая нация и государство в XVIII–XX вв.: очерки политического развития» [1] и греческим историком К. Элианосом в монографии «Неизданные письма 1867 г.» [12].

Вышеперечисленная историография внесла большой вклад в изучение данной темы, но следует заметить, что практически отсутствуют исследования российских историков, посвященные конкретно теме греко-сербского соглашения 1867 г., так как в российских архивах очень мало источников, которые могли бы пролить свет на роль России по этому, столь важному для Греции и Сербии, вопросу. Но мне удалось обнаружить в фондах АВПРИ дипломатические депеши русского посланника в Афинах Е.П. Новикова и русского посла в Константинополе Н.П. Игнатьева, позволяющие ответить на некоторые вопросы, касающиеся следующих проблем: позиции России по положениям греко-сербского соглашения, затрагивающим российские интересы; деталей переговорного процесса, связанных с будущим территориальным разделом европейских территорий Османской империи, в частности Македонии, и судьбой болгарского населения, проживавшего в северной части этой территории; посреднической роли русских дипломатов.

С точки зрения истории международной политики важность данного исторического события заключается в том, что на Балканском полуострове впервые была предпринята попытка заключения договора между суверенным Греческим королевством и автономным княжеством Сербии. Таким образом на балканской карте помимо традиционных политических игроков, таких как Россия, Франция, Англия и Австрия, о себе и своих интересах заявили новые игроки.

Военный союз Греции и Сербии был направлен на борьбу с общим противником – Османской империей и отражал политику двух государств в решении Восточного вопроса с целью изгнания турок с европейского континента и недопущения захвата балканских территорий великими державами.

Переговорный процесс по греко-сербскому соглашению 1867 г. проходил на фоне Критского восстания (1866–1869) и по существу являлся его дипломатической проекцией. В этот период Греция находилась в сложной экономической ситуации. Кроме этого, ее внешнеполитическое положение усугублялось практическим отсутствием боеспособных армии и флота.

В 1865 г. Белград активизировал дипломатическую деятельность с целью создания военного союза между балканскими христианами [12. С. 78]. Первый договор Сербии с Валахией и Молдавией был подписан в 1865 г., но после отречения князя Александру Кузы он потерял силу.

В докладе от 18 августа 1866 г. греческий консул в Бухаресте Стаматиос Гионис информировал греческого посланника в Константинополе о том, что 14 мая 1866 г. княжество Сербия и объединенное княжество Валахии и Молдавии должны были заключить договор об оборонительном и наступательном союзе против Османской империи. Основные положения этого договора Гионис направил в Афины [3. Р. 15]. В сентябре 1866 г. Сербия заключила договор с Черногорией, а в середине 1867 г. вела переговоры с Болгарским тайным революционным братством [6. Р. 309]. Представитель Сербии при османском дворе Йован Ристич отрицал существование сербо-румынского союза, заявив греческому послу в Константинополе Панайотису Делияннису, что это всего лишь проект румынского правительства. Но получив заверения Игнатьева о том, что договор действительно был подписан, Делияннис в докладе от 5 октября 1866 г. известил об этом министра иностранных дел Греции Эпаминондаса Делигеоргиса [3. Р. 16]. Второй договор между Сербией и Валахией и Молдавией был подписан 20 января 1868 г. [4. Р. 147].

На фоне активной внешней политики Сербии и в преддверии очередного критского кризиса находящаяся в оппозиции партия войны, возглавляемая Александром Кумундуром, заявила о необходимости вернуться к вопросу о заключении военного альянса с Сербией и, более того, начала неформальные переговоры с сербской стороной. По инициативе депутата от Месолонги Харилаоса Трикуписа, в недавнем прошлом блестящего дипломата, служившего в греческом посольстве в Лондоне, Кумундур направил в Константинополь опытного дипломата Михаила Антонопулоса. 31 мая 1866 г. Антонопулос встретился с Ристичем. В докладе от 12 июня 1866 г., направленном Кумундурову, Антонопулос вкратце обозначил основные пункты переговоров [7. Р. 87]:

1. В качестве предварительного условия для возобновления переговоров Сербия считала необходимым формирование нового кабинета министров под председательством Кумундуроса, убежденного сторонника альянса и считающегося одним из лучших друзей сербов в Афинах.

2. Общая позиция, согласованная в 1861 г. была в принципе принята, и обе страны собираются сделать все возможное для активизации военных приготовлений.

3. В соответствии с договоренностью, достигнутой в 1861 г., обе страны незамедлительно начнут действия совместно с христианами Турции и одновременно с албанцами.

4. Обе стороны будут предотвращать любые разобщенные повстанческие движения.

5. На данный момент не будет предпринято никаких шагов по обращению к европейским кабинетам, обе стороны оставляют за собой право договориться по этому вопросу позже.

6. День всеобщего восстания будет назначен по взаимному согласию между двумя сторонами.

7. Этому восстанию должно предшествовать албанское восстание, за которым последует вторжение греческого и сербского добровольческих отрядов на территорию Османской империи, после чего Сербия и Греция совместно вступят в войну.

8. Ранее между Грецией и Сербией уже была заключена конвенция.

9. Греческие и сербские военные до начала военных действий должны изучить стратегическую сторону вопроса.

10. Миссия в Константинополе должна быть организована таким образом, чтобы через нее продолжить переговоры.

11. Наконец, было решено, что «настоящее соглашение принимается только в качестве основы для подготовки к общей цели»; окончательные обязательства будут приняты позже, после того, как король Греции ознакомится с ними и одобрит. Переговоры должны были храниться в строжайшей секретности [3. Р. 13–14].

В сентябре 1866 г. в Афины был направлен военный атташе Любомир Иванович для изучения отношения политиков к греко-сербскому сотрудничеству, а также политического, экономического и военного потенциала Греции. Иванович доложил в Белград, что греческая армия насчитывает менее 10 000 человек и, несмотря на желание, Греция не готова к войне против Турции [7. Р. 100].

Ситуация на Крите ухудшалась. Вся Греция сочувствовала критянам. Кумундурос сообщил главе кабинета Димитрису Вулгарису и министру иностранных дел Делигеоргису о предпринятых действиях по возобновлению переговоров с Сербией с целью заключения военного союза. Но Вулгарис и Делигеоргис считали, что Греция должна избегать серьезной конфронтации с Турцией, так как не готова к войне ни в военном, ни в экономическом отношении [7. Р. 87], и что ей нужно действовать посредством дипломатии. 10 августа Делигеоргис направил послам великих держав в Афинах меморандум с отсылками к ряду договоров, заключавшихся с 1830 г., гарантировавших и так незначительные права христианского населения Крита. Этот дипломатический шаг не достиг цели. Более того, представители Франции и Англии категорически поддержали позицию Турции, ссылавшейся на IX статью Парижского договора от 1856 г., согласно которой ни одна держава не имела права вмешиваться во внутренние дела Турции [7. Р. 83; 13. Σ. 14–15]. Россия, напротив, в рамках

политики по отмене ограничительных мер Парижского договора 1856 г. с самого начала поддерживала требования критян [1. С. 406].

Вследствие негативной реакции общества на пассивную позицию в отношении критского восстания и дипломатического провала правительство Вулгариса было вынуждено подать в отставку. 18 декабря 1866 г. кабинет министров Кумундуроса получил вотум доверия. В новое правительство вошли рьяные сторонники Великой идеи – Х. Трикупис, К. Ломвардос, Д. Бочарис, Х. Христулос. Учитывая позицию великих держав о невмешательстве в критский вопрос, Кумундурос и возглавивший министерство иностранных дел Трикупис начали выстраивать новую внешнюю политику, а точнее, вернулись к той, основы которой заложил в 1860 г. король Оттон I. Ее отличительной чертой была активная балканская политика, направленная на создание альянса с подвассальными княжествами Сербии, Черногории и Валахии и Молдавии, а также подготовка к восстанию христианских народов, проживавших на европейской территории Турции.

Сразу после вступления в должность Трикупис приступил к реализации нового курса внешней политики, ее главной задачей стало заключение соглашения с Сербией, которое должно было благоприятно повлиять на решение критского вопроса. Главные принципы этой политики Трикупис изложил в инструкции от 11 января 1867 г., направленной греческому послу Делияннису в Константинополь. 14 января Делияннис ее получил, в ней Трикупис писал: «Интересы и долг Греции требуют, чтобы она как христианская держава на Востоке поддерживала отношения дружбы и согласия с другими христианскими нациями на Балканах; в частности, она должна работать с автономными государствами Сербии, Румынии и Черногории ради общих интересов христианских народов в Османской империи» [3. Р. 17]. Далее Трикупис обозначил принципы, которыми руководствовалось греческое правительство для достижения соглашения с Сербией:

1. Целью альянса должно быть, с одной стороны, объединение Греции и Сербии против любого нападения со стороны Турции, осуществленного либо одновременно против двух союзников, либо против одного из них, и, с другой стороны, подготовка совместных действий, направленных на исполнение законных желаний христиан, проживающих в Турции.

2. Греческое правительство готово увеличить существующие налоги для того, чтобы подготовиться к военным действиям на суше и на море, и Сербия, со своей стороны, естественно, должна пойти на аналогичные меры.

3. Оба государства морально и материально подготовят народы Турции, с которыми они связаны национальными узами, снабдив их в условленный момент оружием и боеприпасами, и в то же время постараются привлечь на свою сторону албанцев.

4. Объявление войны Турции может произойти только по взаимному согласию, за исключением случая, когда Турция спровоцирует войну неоправданной агрессией против одного из двух союзников.

5. Греция и Сербия, выступающие за освобождение своих братьев, будут противодействовать любым попыткам со стороны небалканской державы осуществить территориальные приобретения за счет областей, находящихся в европейских владениях султана.

6. И наконец, оба союзника приложат все усилия для того, чтобы не допустить возникновения преждевременных повстанческих движений в Турции, и примут меры в отношении Бухареста и Цетине, чтобы добиться присоединения румын и черногорцев к альянсу [З. Р. 18].

На встрече, состоявшейся 28 января 1867 г., Делияннис сообщил Ристичу о намерении греческого правительства заключить соглашение с Сербией. Через несколько дней Ристич передал Делияннису ответ сербского правительства с комментариями. Особый акцент сербская сторона сделала на пункте об определении в соглашении территорий, на которые претендуют стороны, что стало серьезным камнем преткновения для продолжения переговоров.

29 января 1867 г. русский посланник в Афинах Новиков доложил Игнатьеву в Константинополь о том, что Сербия и Греция хотят заключить военный союз, который будет действовать против Турции. В этих целях греческое правительство готово взять на себя обязательство в течение пяти месяцев укомплектовать армию численностью 30 000 солдат. Примечательно, что эту информацию Новиков получил лично от короля Георга<sup>1</sup>.

Следовательно, Россия была вовлечена Грецией в переговорный процесс по греко-сербскому соглашению с самого начала. Игнатьев в докладе от 5 февраля 1867 г., адресованном Горчакову, объяснял это тем, что «зная, что сербы не оставят нас в неведении о происходящем, г-н Делияннис предложил сербскому посланнику держать меня в курсе переговоров». Само же Министерство иностранных дел Греции, по словам Игнатьева, мотивировало свое доверие к нему «нынешней бескорыстностью политики России». Далее Игнатьев написал, что Ристич сообщил ему основные пункты предстоящего соглашения, которые должны были служить отправной точкой для переговоров<sup>2</sup>. Самые важные пункты, представляющие интерес для внешней политики России, Игнатьев сопроводил своими комментариями.

Пункт соглашения, вызвавший наиболее пристальное внимание Игнатьева, касался противодействия двух государств захвату иностранной державой европейских территорий Османской империи. Делияннис старался не затрагивать эту тему в разговорах с Игнатьевым. Ристич, напротив, рассказал об этом Игнатьеву, на что тот сразу заметил, что «Румыния должна, в любом случае, оставаться вне такой территориальной гарантии, поскольку следовало ожидать, что мы будем претендовать на нашу старую границу, которая по праву принадлежит нам, и что, безусловно, ни греки, ни кто-либо другой не помешают нам вернуть ее»<sup>3</sup>.

Резкий тон Игнатьева скорее всего был вызван тем, что Афины вслед за Белградом считали нужным заключить соглашение с Бухарестом. В конце января, т.е. практически одновременно с началом переговоров с Сербией, Трикупис под предлогом вручения принцу Каролу от имени короля Георга большого креста ордена Спасителя направил Антонопулоса в Бухарест. Истинная цель миссии Антонопулоса — узнать позицию румынского правительства в отношении Греции и выяснить возможности создания четырехстороннего союза, который, по мнению Трикуписа, должен был стать дополнением к союзному договору с Сербией [З. Р. 32–33].

<sup>1</sup> Архив внешней политики Российской империи. Ф. 138. Оп. 467. Д. 7. Л. 20–21.

<sup>2</sup> АВПРИ. Ф. 138. Оп. 467. Д. 7. Л. 23.

<sup>3</sup> АВПРИ. Ф. 138. Оп. 467. Д. 7. Л. 26.

К политической миссии, возложенной на Антонопулоса, Игнатъев отнесся неодобрительно, опасаясь, что она может скомпрометировать греко-сербские переговоры<sup>4</sup>. Объяснял это Игнатъев неуверенностью в том, что принц Карол свободен от своих турецко-французских связей, поэтому русский дипломат сказал Делияннису, что, как ему кажется, почва в Румынии мало подготовлена для соглашения с Бухарестом. Горчакову по этому поводу Игнатъев писал: «Мне кажется, что необходимо срочно позаботиться как в Афинах, так и в Бухаресте о том, чтобы никакой территориальной гарантии Румынии не было»<sup>5</sup>.

В отношении территориальных притязаний Греции и Сербии, в частности конфликта интересов, обнаружившегося в вопросе о Македонии после первой встречи Делиянниса и Ристича, Игнатъев писал: «Трудно не заметить духа недоверия, который проник в эту первую попытку достичь взаимопонимания между греками и сербами»<sup>6</sup>.

Сербы хотели четко определить в соглашении территории, на которые претендуют стороны, добиваясь от греков признания своего права на часть Македонии. Греки отказались и вместо этого предложили не фиксировать в соглашении какое-либо решение по Македонии и вернуться к решению этого вопроса после ее освобождения, позволив населению этой территории самому решать к какой стране оно хочет присоединиться [7. Р. 93–94].

Когда Ристич в беседе с Игнатъевым сообщил, что Сербия претендует на часть Македонии, Игнатъев указал ему, «что на спорной территории, которая была столь быстро разделена, находилась обширная территория, населенная болгарами, и что было бы правильно учитывать реальные пожелания этого населения»<sup>7</sup>.

Игнатъев придавал важное значение греко-сербским переговорам, обращаясь к Горчакову он дал следующую оценку: «Даже если предположить, что нынешние переговоры не увенчаются успехом, попытка достичь соглашения между Грецией и Сербией является, тем не менее, важным фактом, который следует учитывать. Там есть плодотворные зачатки, которые могут быстро созреть и за развитием которых необходимо следить». В отношении позиции России, которую необходимо донести до Греции и Сербии, Игнатъев высказал следующее мнение: «Что касается нас, то, как мне кажется, мы должны заявить о том, что мы, насколько это возможно, служим интересам наших единоверцев на Востоке. С одной стороны, мы содействуем взаимопониманию между различными ветвями христианского населения, а с другой — защищаем их от опасностей поспешных действий»<sup>8</sup>.

В Санкт-Петербурге услышали Игнатъева и обратили пристальное внимание на сложные, многогранные политические процессы, развивавшиеся между христианскими народами на Балканах, о чем свидетельствует тот факт, что 25 марта 1867 г. Игнатъев с ранга посланника был повышен до чрезвычайного и полномочного посла России в Турции. По времени это назначение совпало с началом консультаций греческого правительства с русским посланником в Афинах по вопросу поиска новой основы для возобновления греко-сербских переговоров. Игнатъев и Новиков сыграли в этом процессе ключевую роль.

<sup>4</sup> АВПРИ. Ф. 138. Оп. 467. Д. 7. Л. 32.

<sup>5</sup> АВПРИ. Ф. 138. Оп. 467. Д. 7. Л. 30–31.

<sup>6</sup> АВПРИ. Ф. 138. Оп. 467. Д. 7. Л. 26.

<sup>7</sup> АВПРИ. Ф. 138. Оп. 467. Д. 7. Л. 27.

<sup>8</sup> АВПРИ. Ф. 138. Оп. 467. Д. 7. Л. 28об.–30.

В марте 1867 г. стало известно о предстоящей поездке сербского князя Михаила Обреновича в Константинополь. В Афинах понимали, что, пользуясь кризисной ситуацией на Крите, сербы будут добиваться от Турции вывода ее военных гарнизонов с территории Сербии [8. Р. 101]. Это могло быть сделано в обмен на ее лояльность и в ущерб возможному союзу с греками. Складывающаяся ситуация ухудшала переговорную позицию Греции. В связи с этим Кумундурос отправился к русскому посланнику в Афинах Новикову для консультации о возможности возобновления переговоров с Сербией на новой основе<sup>9</sup>.

Глава греческого кабинета признал, что положение, касающееся Македонии, было сформулировано не очень удачно, но он не думал, что требования греков можно было истолковать как посягательство на славянскую народность, утверждая, что Греция предлагала прежде всего лишь общую основу для освобождения восточных христиан и что именно Сербия настояла на немедленном включении пункта, касающегося будущего территориального раздела<sup>10</sup>.

Отказ признавать претензии Сербии на часть Македонии Кумундурос объяснил тем, что греческое правительство не может гарантировать сербам присоединение этой территории в ущерб болгарам. Кумундурос подчеркнул, что «решив неукоснительно уважать права других национальностей, греческое правительство было бы счастливо вступить в прямой контакт с болгарами с тем, чтобы дать им заверения в своей искренности и совместно работать во имя великого дела освобождения христиан»<sup>11</sup>. Новиков ответил, что необходимо воплотить в жизнь эти намерения, что Сербия является сильной, она использует преимущества, созданные борьбой на Крите, а на данный момент Греция нуждается в Сербии больше, чем Сербия нуждается в Греции, и чтобы избежать опасной изоляции, греческое правительство должно заключить этот важный союз даже ценой определенных уступок. На это Кумундурос заявил, что греческое правительство готово возобновить переговоры на основе принципа освобождения Востока и при условии, что все население, которое примет участие в этой борьбе, само определит свою судьбу<sup>12</sup>.

Новиков выразил сомнение по поводу эффективности принципа всеобщего голосования на Балканах, так как считал, что оно вызовет серьезные трудности в проведении. Вместо него он предложил принять принцип территориальных гарантий, предлагаемый сербами, но с условием, как для Сербии, так и для Греции, аннексировать только те территории, на которых проживают сербы и греки соответственно, при этом не определять эти территории географическими терминами из-за смешанных границ между греками и сербами, болгарами и албанцами. Комментируя данную идею в письме Горчакову, Новиков не исключал, что принцип «каждому свое» не снимет все противоречия<sup>13</sup>.

На следующий день, после встречи с Кумундуросом, Новикова принял король Георг, согласившись с представленными ему предложениями, он заверил русского посланника в том, что даст Кумундуросу соответствующие распоряжения<sup>14</sup>. На следующий день, 17 марта 1867 г., Кумундурос и Трикупис сообщили Новикову, что новые инструкции, разработанные в соответствии с его предложениями,

<sup>9</sup> АВПРИ. Ф. 138. Оп. 467. Д. 7. Л. 33.

<sup>10</sup> АВПРИ. Ф. 138. Оп. 467. Д. 7. Л. 35.

<sup>11</sup> АВПРИ. Ф. 138. Оп. 467. Д. 7. Л. 36.

<sup>12</sup> АВПРИ. Ф. 138. Оп. 467. Д. 7. Л. 36об.–37.

<sup>13</sup> АВПРИ. Ф. 138. Оп. 467. Д. 7. Л. 37об.–38.

<sup>14</sup> АВПРИ. Ф. 138. Оп. 467. Д. 7. Л. 38.

отправлены греческому послу в Константинополе. В соответствии с ними Делияннису предписывалось возобновить переговоры, заявив сербам, что греческое правительство выдвигает в качестве своей главной цели освобождение христианского Востока, и в этом плане обе договаривающиеся стороны должны будут взять на себя взаимное обязательство не складывать оружие до тех пор, пока оставшие греческие и сербские провинции не будут освобождены и присоединены к их национальным центрам. При этом необходимо соблюдать права других национальностей<sup>15</sup>.

По поводу Македонии, ставшей причиной разногласий между сербами и греками, Новиков в письме Горчакову дал следующую оценку: «Сербия просит разделить Македонию, поскольку этот край в основном населен славянами. Но славяне Македонии — исключительно болгары. Таким образом, сербы, как представляется, отныне берут на себя своего рода покровительство над другими славянами [...], и греки не были бы совершенно неправы, когда обвиняли их в стремлении насильственно ассимилировать болгар». Интересы России на Балканах, считал Новиков — состоят в справедливом балансе населявших регион этнических групп<sup>16</sup>.

Во время пребывания в Константинополе князь Михаил поручил Ристичу подготовить вербальную ноту с призывом к греческому правительству отказаться от обвинений сербов в нежелании выполнять предыдущие обязательства<sup>17</sup>.

В вербальной ноте Ристич указал, что хотя греческое правительство исходило из того, что принципы территориального раздела согласованы, в частности, в письмах Гарашанина от 22 октября 1861 г., направленном Ристичу, и Кундуриотиса от 20 ноября 1861 г., направленном Рениерису, но сербское правительство, ссылаясь на письмо Кундуриотиса от 20 ноября 1861 г. и ответное письмо Гарашанина от 28 декабря, заявило, что на переговорах в 1861 г. стороны пришли к согласию только по трем пунктам: а) внутренняя организация, б) внешняя пропаганда и в) дипломатические действия. Таким образом Ристич озвучил позицию сербского правительства, заключавшуюся в том, что оно никогда не принимало соглашения, предложенного Рениерисом, ни в одной из его статей, касающихся территориального раздела<sup>18</sup>.

Далее Ристич заявил, что в решении Восточного вопроса необходимо руководствоваться принципом этнической принадлежности, исходя из которого Греция не может иметь больше прав на эту территорию, чем Сербия, так как большую часть ее населения составляют славяне. Апеллируя к истории, он подчеркнул, что с этим краем связаны самые славные страницы прошлого сербского народа, от исторического наследия которого сербы вовсе не готовы отказаться<sup>19</sup>.

Ристич также указал на то, что минимальные территориальные приобретения Греции, согласно греческому проекту, включали «Крит, Эпир, Фессалию, острова Архипелага и районы Македонии, взявшие в руки оружие». Эти территории дали бы Греции не менее 3 000 000 жителей. А с учетом островов, которые, вполне вероятно, тоже могли поднять восстание, эта цифра, по его оценкам, доходила по меньшей мере до 4 500 000 жителей. Далее Ристич подчеркнул, что, исходя из того, что соглашение между Сербией и Грецией основывается на взаимных

<sup>15</sup> АВПРИ. Ф. 138. Оп. 467. Д. 7. Л. 40.

<sup>16</sup> АВПРИ. Ф. 138. Оп. 467. Д. 7. Л. 39.

<sup>17</sup> АВПРИ. Ф. 138. Оп. 467. Д. 7. 51об.

<sup>18</sup> АВПРИ. Ф. 138. Оп. 467. Д. 7. Л. 58об.—59.

<sup>19</sup> АВПРИ. Ф. 138. Оп. 467. Д. 7. Л. 64об.—67.

гарантиях приобретения определенных территорий, Сербия должна будет согласиться на увеличение населения Греции на 4 500 000 чел., в то время как Греция гарантирует Сербии увеличение населения только на 1 200 000 жителей, что сербская сторона считала несправедливым<sup>20</sup>.

Делияннис крайне негативно воспринял ноту Ристича, вследствие чего Игнатъев в письме от 21 мая 1867 г. сообщил Горчакову, что, если не произойдет неожиданных событий, греко-сербские переговоры можно считать сорванными. Среди обстоятельств, приведших к тому, что возобновление переговоров откладывалось на неопределенный срок, Игнатъев выделил следующие. Первое – после того как министр иностранных дел Франции Леонель де Мутье поднял вопрос об Эпире и Фессалии, греки обратили свои взоры в сторону Франции, возлагая надежды на турне короля Георга по Европе в рамках предстоящей его женитьбы. Второе – у греков не было средств, необходимых для ведения вооруженной борьбы с турками. Третье – прозападная ориентация Трикуписа, которая, по-видимому, побуждала его не делать ничего, что не одобрила бы Франция и, особенно, Англия. В отношении сербов Игнатъев отметил, что они также не горели желанием возобновить переговоры, так как опасались возникновения проблем из-за долгосрочных договоренностей. По его мнению, «ситуация существенно изменится, если король Георг вернется из поездки с убеждением, что более решительная политика и основательное соглашение с Сербией отвечают интересам его страны»<sup>21</sup>.

Ослабление переговорного процесса не помешало греческому правительству продолжить интенсивную военную подготовку. К маю были сформированы четыре новых батальона, закупалось военное снаряжение, военно-морские офицеры выехали за границу для покупки военных кораблей и, наконец, начались подвижки в процессе получения Грецией займа в размере 25 000 000 драхм [3. Р. 21; 2. Р. 226].

В конце мая Ристич встретился с Игнатъевым и сообщил о том, что получил письмо с ответом Трикуписа на вербальную ноту. В нем министр иностранных дел Греции утверждал, что никогда не хотел нарушать возможные права сербов<sup>22</sup>. В начале июля Новиков написал Горчакову о том, что Кумундурос и Трикупис сообщили ему об этапе, на котором находились переговоры. На повестке стояли два вопроса. Сербское правительство предложило перенести площадку для переговоров в Белград и заменить обозначение будущих аннексий в географическом плане более широким и менее спорным принципом определенной численности населения, проживавшего на подлежащей аннексии территории. Греческое правительство выступило против переноса переговоров в Белград или в Афины считая, что в качестве площадки необходимо выбрать маленький курортный город на нейтральной территории, где встреча участников переговоров не вызвала бы подозрений у других государств. В тоже время, оно согласилось с предложенным Сербией принципом численности населения, предложив при этом ограничить его минимумом<sup>23</sup>.

В письме от 2 июля Игнатъев сообщил Горчакову, что скептически относится к замене географических границ новым принципом, считая его нецелесообразным для достижения удовлетворительного соглашения между договаривающимися

<sup>20</sup> АВПРИ. Ф. 138. Оп. 467. Д. 7. Л. 63.

<sup>21</sup> АВПРИ. Ф. 138. Оп. 467. Д. 7. Л. 52об.–54.

<sup>22</sup> АВПРИ. Ф. 138. Оп. 467. Д. 7. Л. 69.

<sup>23</sup> АВПРИ. Ф. 138. Оп. 467. Д. 7. Л. 73.

сторонами. Но, в целом, подчеркнул он, что как с греческой, так и с сербской стороны одинаково велико желание прийти к определенному компромиссу. Обе стороны, по его мнению, признали ошибку в том, что слишком расширили поле для обсуждения вопросов будущего. Согласие по поводу места переговоров тоже было достигнуто. Таким образом, как представлялось Игнатьеву, основные препятствия на пути к взаимопониманию на предстоящих переговорах были заранее устранены<sup>24</sup>.

В качестве места для ведения переговоров сербы предложили курортный городок Мехадия на территории Австрии (ныне Румыния). Трикупис поручил вести переговоры своему заместителю Петросу Заносу. Первая встреча сторон произошла в середине августа 1867 г. в Вене, где Занос с удивлением обнаружил, что князь Михаил приехал лично в сопровождении Ристича. Вопрос о принципе установления границ, из-за которого были сорваны переговоры в Константинополе, возник вновь. Относительно него Занос высказал мнение, что вряд ли сейчас существует необходимость упоминать в договоре о будущих границах. На что князь ответил, что в любом случае необходимо заложить основу для решения вопроса, поручив уладить его Гарашанину. Первая встреча Заноса с Гарашаниным состоялась 18 августа в Вене. В самом начале они затронули вопрос о начале военных действий. В итоге стороны договорились, что это произойдет в марте 1868 г. [З. Р. 22–24].

Затем был поднят вопрос о границах. Исходя из поручения князя Михаила Гарашанину, Занос был вынужден уступить. После долгих переговоров Гарашанин отправился к князю Михаилу с встречными предложениями Заноса. Они предусматривали в качестве минимальных территориальных требований следующие варианты: для Сербии – Боснию и Герцеговину, для Греции – Фессалию и Эпир (плюс Крит), но, если Сербия будет настаивать на включении в минимум своих требований территорию Старой Сербии, Греция в свою очередь безоговорочно будет считать Македонию принадлежащей ей по праву. Завершив первый раунд переговоров стороны условились продолжить их в Феслау. Через три дня адъютант князя Михаила привез ответ. Князь выбрал первый вариант: Сербия включает Боснию и Герцеговину, Греция – Фессалию и Эпир с Критом [З. Р. 26–27].

Разрешив самый острый вопрос, стороны приступили к обсуждению остальных пунктов соглашения. 26 августа 1867 г. в Феслау Занос и Милан Петрониевич подписали Феслауское соглашение и прилагавшийся к нему отдельный акт. Занос писал по этому поводу Трикупису: «Пусть оно станет предвестником освобождения христианских народов, которые все еще являются рабами!». 14 сентября король Георг ратифицировал соглашение, но с двумя оговорками, касавшихся даты и деталей начала войны. Князь Михаил ратифицировал соглашение 23 сентября. 23 октября в Афины прибыл представитель Сербии полковник Франтишек Зах, ответственный за обмен ратификационными грамотами, а также за подписание военной конвенции, предусмотренной соглашением. 10 января 1868 г. протокол был подписан Захом и Антонопулосом. Предварительно решив, что срок 1 марта, установленный в ст. 2 соглашения, будет перенесен на 1 сентября 1868 г., они обменялись ратификационными грамотами. Что касается военной конвенции, то она была подписана Захом и Николаосом Маносом 16 февраля 1867 г. [З. Р. 38–40].

<sup>24</sup> АВПРИ. Ф. 138. Оп. 467. Д. 7. Л. 74об.–75.

20 января 1868 г. Новиков сообщил Горчакову об обмене ратификационными грамотами греко-сербского соглашения и о всех важных деталях соглашения<sup>25</sup>.

29 мая 1867 г. князь Михаил скончался после покушения. Феслауское соглашение потеряло обязательную силу ввиду того, что, по общему мнению в Сербии, оно связывалось лично с князем [10. С. 57–59].

Несмотря на то, что греко-сербское соглашение 1867 г. так и осталось на бумаге, оно имело важное значение как для Греции, так и для Сербии. Не будет преувеличением сказать, что Россия являлась неофициальной, третьей стороной в переговорах, так как была вовлечена в этот процесс обоими участниками. Как греческие, так и сербские представители делились деталями предстоявшего соглашения с русскими дипломатами. Ознакомившись с проектом соглашения, Игнатьев сразу обозначил интересы России, касавшиеся восстановления старых границ с Румынией.

Практически с самого начала переговоров стало очевидно, что интересы Греции и Сербии сталкиваются в вопросе о Македонии, который помимо географического, имел другой немаловажный аспект – болгарское население – на который русские дипломаты указали грекам и сербам. Стороны не смогли прийти к компромиссу по этому острому вопросу, вследствие чего переговоры прервались. Осознав ошибочный подход к решению вопроса о Македонии стороны начали консультации с Россией, при посредничестве которой в итоге удалось возобновить переговоры. Позиция России заключалась в том, что необходим справедливый баланс между всеми христианскими народами Балкан. Она нашла отражение в соглашении, по которому Сербия претендовала на Боснию и Герцеговину, а Греция на Фессалию, Эпир и Крит. Таким образом вопрос о Македонии был вынесен за рамки переговорного процесса.

В оценке стремления греков и сербов заключить военный союз, Игнатьев оказался совершенно прав. В 1912 г. Греция, Сербия, Черногория и Болгария при активной поддержке и посредничестве России заключили Балканский союз, который в результате Первой Балканской войны (1912–1913) одержал победу над Турцией, практически вытеснив ее из Европы. После триумфа греческой политики на Балканах, в результате которой Греция удвоила свою территорию, премьер-министр Э. Венизелос воздал долг своим предшественникам, признав, что он основывал свою политику на более ранних, но безуспешных попытках сформировать Балканский альянс [7. Р. 81].

#### СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. 138. Оп. 467. Д. 7.

#### СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Петрунина О. Е. Греческая нация и государство в XVIII–XX вв.: очерки политического развития. М: КДУ, 2010.
2. Driault Ed., Lheritier M. Histoire diplomatique de la Grèce de 1821 à nos jours. Paris, 1925. Т. 3.
3. Lascaris S. Th. La première alliance entre la Grèce et la Serbie. Le traité d'alliance de Voeslau du 14–26 Aout 1867 // Monde Slave. 1926. № 9.
4. Milin M. Moments de l'histoire des relations politiques roumaines-serbes (1867–1871) // Balcanica. 1984. № 16. Р. 143–160.

<sup>25</sup> АВПРИ. Ф. 138. Оп. 467. Д. 7. Л. 81–82.

5. Milosavljević P. The Serbian-Greek Convention of 1861 // Greek-Serbian Cooperation, 1830–1908. Ed. 14, SASA, Belgrade, (1982). P. 83–92.
6. Reid J.J. Crisis of the Ottoman Empire: Prelude to Collapse 1839–1878. Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 2000.
7. Roussos N.Th. Charilaos Tricoupes and the Greco-Serbian Alliance of 1867 // Balkan studies. 1971. № 12. P. 81–101.
8. Stavrianos L.S. Balkan Federation. A history of the movement toward Balkan unity in modern times // Smith College Studies in History. 1941–1942. Vol. XXVII, Nos. 1941. 1–4, October, 1942. July.
9. Јакшић Гр. Први српско-грчки савез, 1867–1868 // Архив за правне и друштвене науке. 1924. № 25. С. 338–355.
10. Пироћанец М.С. Белешке поводом једне «дипломатске историје». Београд. 1896.
11. Терзић С. Србија и Грчка (1856–1903). Борба за Балкан. Београд. 1992.
12. Αιλιάνας Κ.Ι. Ανέκδοτες επιστολές του 1867.: Αθήνα: Εκδ. Ευρασία, 2016.
13. Παπαντωνιάκης Γ. Η διπλωματική ιστορία της Κρητικής Ελευθεοταξίας του 1866. Εν Αθήναις: Εκδ. Τύποις «Σφενδόνης», 1926. 84 σ.

#### REFERENCES

1. Ailianós K.I. *Anékdotes epistolés tou 1867*. Athína, Ekd. Evrasía, 2016. (In Greek).
2. Driault Ed., Lheritier M. *Histoire diplomatique de la Grèce de 1821 à nos jours*. Paris, 1925. T. 3.
3. Јакшић Гр. Први српско-грчки савез, 1867–1868. *Архив за правне и друштвене науке*. 1924. № 25. P. 338–355. (In Serbian).
4. Lascaris S. Th. La première alliance entre la Grèce et la Serbie. Le traité d’alliance de Voelau du 14–26 Aout 1867. *Monde Slave*. 1926. № 9. 50 p.
5. Milin M. Moments de l’histoire des relations politiques roumaines-serbes (1867–1871). *Balkanica*. 1984. № 16. P. 143–160.
6. Milosavljević P. The Serbian-Greek Convention of 1861. *Greek-Serbian Cooperation, 1830–1908*. Ed. 14, SASA, Belgrade (1982). P. 83–92.
7. Papanonákis G. *I diplomatikí istoría tis Kritikís Epanastáseos tou 1866*. En Athínais: Ekd. Typis «Sphendónis», 1926. (In Greek).
8. Petrunina O.Je. *Grecheskaia natsiia i gosudarstvo v XVIII–XX vv.: ocherki politicheskogo razvitiia*. M: KDU, 2010. (In Russ.).
9. Piroćanac M. S. *Beleške povodom jedne «diplomatske islorije»*. Belgrade, 1896. (In Serbian).
10. Reid J.J. *Crisis of the Ottoman Empire: Prelude to Collapse 1839–1878*.: Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 2000.
11. Roussos N.Th. Charilaos Tricoupes and the Greco-Serbian Alliance of 1867. *Balkan studies*. 1971. № 12.P. 81–101.
12. Stavrianos L.S. Balkan Federation. A history of the movement toward Balkan unity in modern times. *Smith College Studies in History*. Vol. XXVII, Nos. 1–4, October, 1941 – July, 1942.
13. Terzić S. *Srbija i Grčka 1853–1903. Borba za Balkan*. Belgrad. 1992. (In Serbian).

#### Информация об авторе

Гкиуртзидис Агафангелос Сергеевич  
Магистр истории. Соискатель  
Отдела истории славянских народов  
Юго-Восточной Европы в Новое время.  
Институт славяноведения РАН.  
Афины, Греция.  
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0923-1222>  
E-mail: [gkiourtzids@gmail.com](mailto:gkiourtzids@gmail.com)

#### Information about the author

Agathangelos S. Gkiourtzidis  
M.A. PhD student Department of the history  
of Slavic nations of the Central  
Europe in Modern Times.  
Institute of Slavic studies,  
the Russian Academy of Sciences.  
Athens, Greece.  
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0923-1222>  
E-mail: [gkiourtzids@gmail.com](mailto:gkiourtzids@gmail.com)



DOI: 10.31857/S0869544X0016721-6

Рецензия / Book Review

Л.Ю. Пахомова. Балканский лакмус. Австро-венгерская политика в Боснии и Герцеговине и российская дипломатия (1878–1908). М.: Индрик, 2021. 288 с., илл.

© 2021 г. К.В. Мельчакова

Институт славяноведения РАН  
(Москва, Российская Федерация)

kmelchakova@mail.ru

**Ссылка для цитирования:** Мельчакова К.В. Л.Ю. Пахомова. Балканский лакмус. Австро-венгерская политика в Боснии и Герцеговине и российская дипломатия (1878–1908). М.: Индрик, 2021. 288 с., илл. // *Славяноведение*. 2021. № 5. С. 138–141. DOI: 10.31857/S0869544X0016721-6.

L.Yu. Pakhomova. The Balkan litmus. Austro-Hungarian Policy in Bosnia and Herzegovina and Russian Diplomacy (1878–1908). Moscow: Indrik, 2021. Pp. 288

© 2021. K.V. Melchakova

Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences  
(Moscow, Russian Federation)

kmelchakova@mail.ru

**Reference for citation:** Melchakova K.V. L.Yu. Pakhomova. The Balkan litmus. Austro-Hungarian Policy in Bosnia and Herzegovina and Russian Diplomacy (1878–1908). Moscow: Indrik, 2021. Pp. 288 // *Slavic Studies. Journal of the Russian Academy of Sciences*. = *Slavyanovedenie*. 2021. No. 5. Pp. 138–141. DOI: 10.31857/S0869544X0016721-6.

В отечественной историографии не так много работ, посвященных истории Боснии и Герцеговины. Выход монографии, знакомящей читателя с этим регионом Балкан – радостное событие. Еще в 1901 г. во вступлении к труду «Босния-Герцеговина. Очерки оккупированной провинции Австро-Венгрии» известный русский этнограф А.Н. Харузин писал, что историка в этих краях ждет «обильная жатва». Ярким подтверждением этих слов служит монография Лидии Юрьевны Пахомовой «Балканский лакмус. Австро-венгерская политика в Боснии и Герцеговине и российская дипломатия (1878–1908)».

В название автор вынесла понятие «лакмус», которое употребил российский посол в Вене П.А. Капнист, отмечая, что боснийский вопрос был для дуалистической монархии индикатором ее взаимоотношений с Россией (с. 23). Итак, вслед за Л.Ю. Пахомовой окунемся в мир оккупированных Австро-Венгрией славянских земель и попытаемся понять, что именно показал «лакмус».

Как справедливо отметила автор, австро-венгерское управление в Боснии и Герцеговине один из самых изученных периодов ее истории (с. 18). Однако в отечественной исторической науке этот сюжет встречается не часто.

Л.Ю. Пахомова отлично ориентируется в историографии вопроса. В основе работы массивная и разнообразная источниковая база. Можно только поприветствовать то, что автор привлекла материалы шести отечественных архивов, а также Архива Боснии и Герцеговины. Многие из представленных в тексте исследования документов впервые вводятся в научный оборот, что несомненно повышает ценность и значимость работы. Основным источником исследования являются документы российского МИД. Соответственно, на события тех времен мы смотрим через призму восприятия российских дипломатов на Балканах.

Автор предложила «рассмотреть австро-венгерский период истории Боснии и Герцеговины как один из этапов завоевания обществом права на участие в управлении» (с. 12). При этом цель исследования заключалась в освещении работы российских дипломатов по боснийскому вопросу (с. 23).

Монография состоит из шести глав, снабжена подробным именованным указателем и иллюстративным материалом. Повествование выстроено по хронологическому принципу. В первой главе «До Берлинского конгресса» представлена предыстория вопроса. Автор дала краткую характеристику политики России и Австрии (с 1868 г. Австро-Венгрии) в Боснии и Герцеговине в 1850–1870-е годы, справедливо отмечая, что если для первой эти славянские земли являлись *terra incognita*, то вторая была прекрасно знакома с регионом (с. 26). Особо подробно освещен сюжет о миссии генерала Р.А. Фадеева в Боснии в 1878 г. (с. 48–68). Л.Ю. Пахомова рассмотрела разные варианты послевоенного устройства края, разрабатывавшиеся в России, и предприняла попытку объяснить, как же так вышло, что она допустила оккупацию этих славяно-турецких провинций Австро-Венгрии.

Вторая глава повествует о начальном этапе австро-венгерского управления в крае (1878–1882 гг.). На жизнь оккупированных провинций предложено взглянуть глазами этнографа П.А. Ровинского (с. 71–82), который в 1878–1879 гг. совершил путешествие по этим областям и поделился впечатлениями с русским читателем. Отдельного внимания заслуживает восстание 1882 г. против австро-венгерского правления. Л.Ю. Пахомова отметила нейтральную позицию российского МИД и активный отклик в русском обществе на эти события, подчеркивая роль славянофилов в организации волнений. Сюжет о действиях Славянского благотворительного общества в Боснии нуждается в более детальной проработке. Будем надеяться, что он найдет место в последующих трудах автора. Ценные материалы можно отыскать в фонде 400 (Петроградское Славянское благотворительное общество)

Центрального государственного исторического архива Санкт-Петербурга. В тексте монографии присутствует ряд неточностей относительно деятельности общества, которое иногда ошибочно именуется комитетом (например, с. 98, 139, 147). Хотелось бы обратить внимание автора на диссертационное исследование А.А. Поповкина, посвященное работе этой благотворительной организации (Славянские благотворительные общества в Москве и Санкт-Петербурге: 1858–1921 гг.: дисс. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Поповкин Алексей Александрович. Воронеж, 2013. 570 с.). В этой же главе можно познакомиться с основными информантами — российскими консулами в Сараеве: Н.Н. Ладьяженским (1879–1880 гг.), М.М. Бакуниным (1880–1893 гг.) и Г.В. Игельстрёмом (1893–1914 гг.). Л.Ю. Пахомова провела небольшой экскурс в жизнь российского консульства в Боснии. Это чрезвычайно интересный материал. Период оккупации до аннексии (1878–1908 гг.) характеризуется в историографии как «правовая аномалия», когда формально Босния и Герцеговина оставались провинциями Османской империи, а фактически управлялись Австро-Венгрией. Каким образом в этих условиях функционировало российское консульство в Сараеве, с какими трудностями сталкивались дипломаты — ответы на эти и другие вопросы можно найти на страницах монографии. Автор показала, что основной интерес российских дипломатов был сосредоточен на судьбе православного населения провинций, как это было и в османский период.

Третья глава исследования — «Активная интеграционная политика Австро-Венгрии в Боснии и Герцеговине (1880-е — середина 1890-х гг.)» посвящена деятельности «некоронованного короля» региона Б. Каллая. Этот период достаточно хорошо изучен в мировой историографии, но Л.Ю. Пахомова осветила его в новом ракурсе: показана деятельность австро-венгерских властей глазами российского консула М.М. Бакунина. Отношения дипломата с местными управленцами были, мягко говоря, натянутыми. Политика Б. Каллая в Боснии изначально нацеливалась на конструирование единого общества, в котором вопросы вероисповедания должны были уйти на задний план. Л.Ю. Пахомова наглядно продемонстрировала работу российских дипломатов с православными жителями края. Именно они представляли точку зрения этой категории населения в диалогах между австро-венгерскими властями и Вселенским патриархом. В тексте подробно освещен сюжет о вмешательстве российских дипломатов в дело об отставке дабробосанского митрополита Саввы Косановича (с. 133–136). Не останавливаясь на подробностях отношения митрополита с австро-венгерской администрацией,

Л.Ю. Пахомова представила читателю доселе неизвестные факты из этой запутанной истории, которой посвящен отдельный параграф книги. Правда, возникает некое недоумение, так как большая часть этого параграфа освещает совсем другие сюжеты. Автор отметила, что в 1880-е годы изменилось отношение местных жителей к российскому дипломатическому представительству: они перестали сторониться консула и начали активнее идти на контакт (с. 136–137). По мере возможностей консульство оказывало материальную помощь нуждающимся. По каждому прошению принималось взвешенное решение. Особую осторожность российский МИД проявлял в вопросах о выдаче паспортов и переселении православных жителей в соседние славянские регионы Балкан. В 1880-е годы также активизировалась и русская общественность. Подробное освещение в монографии получила деятельность публициста Г.С. Веселитского-Божидаровича, который интересен не только корреспонденциями о Боснии и Герцеговине, но также был замечен в подготовке нового восстания в регионе (с. 147–153). Л.Ю. Пахомова отметила, что местное население оказывало сопротивление новому режиму как, прибегая к помощи извне, так и путем самоорганизации. Автор подчеркнула, что хоть православные и мусульмане сотрудничали в некоторых сферах, разногласий между общинами избежать не удалось. Противостояние православных, мусульман и католиков в монографии также показано на основе свидетельств М.М. Бакунина. Боснийский вопрос в русско-австрийских договорах еще один из важнейших сюжетов, получивших освещение в исследовании (с. 158–174). Автор показала влияние модернизационной политики, проводимой в Боснии-Герцеговине, на ход переговоров между Россией и Австро-Венгрией на высшем дипломатическом уровне.

В предпоследней главе исследования «Трансформация режима управления Боснией и Герцеговиной (середина 1890-х – начало 1900-х гг.)» речь идет о взгляде этнографа А.Н. Харузина на оккупированную провинцию, роли Священного синода России в деле обретения православными жителями Боснии церковно-школьной автономии и переговорах Вены и Петербурга относительно будущего края. В это время идея Б. Каллая о конструировании единой боснийской нации потерпела фиаско. Особый интерес представляет раздел о помощи российского МИДа боснийцам (с. 184–209). Здесь на первый план вышла деятельность российского консула в Сараеве Г.В. Игельстрёма. После покинувшего пост со скандалом М.М. Бакунина новому консулу, находящемуся под более пристальным взором австрийских властей,

приходилось действовать с большей осторожностью. Л.Ю. Пахомова показала, как постепенно российское консульство в Сараеве из агента влияния превращалось в представительское и наблюдательное учреждение.

Заключительная глава монографии «Босния и Герцеговина – часть Габсбургской монархии (1908–1914 гг.)» вкратце освещает историю региона в период и после аннексионного кризиса. Завершается основной текст публикацией двух донесений Г.В. Игельстрёма послу в Вене Н.Н. Шебеко от 23 и 24 июня 1914 г. об убийстве эрцгерцога Франца Фердинанда и последовавших за ним волнениях в Сараеве (с. 248–250).

Исследование Л.Ю. Пахомовой погружает читателя, в первую очередь, в мир православного населения Боснии и Герцеговины. Несколько в тени остались судьбы мусульман и католиков, но это обусловлено характером использованных источников. Такой ракурс восполняет лакуну в мировой историографии, посвященной изучению жизни оккупированной провинции Боснии-Герцеговины.

Однако после прочтения у читателя появляются вопросы. Предвосхищая их, автор сама обозначила ряд тем, которые требуют более подробного освещения (с. 254). Хотелось бы дополнить этот список еще рядом проблем. За скобками остался сюжет о том, как строились дипломатические отношения между Россией и Австро-Венгрией с Османской империей по боснийскому вопросу. Поскольку значительная часть текста посвящена теме борьбы православного населения за церковно-школьную автономию, хотелось бы видеть краткое описание состава митрополий края, список которых в 1901 г. пополнился Баянлукой. Впервые за долгое время в главе епархий встали уроженцы Боснии и Герцеговины, некоторые из них имели давние связи с Россией (например, Л. Радлович, С. Перович). Продолжали ли они с ней сотрудничество? Также остается ряд вопросов относительно организации работы российского консульства в условиях «правовой аномалии». Например, как часто менялись секретари и драгоманы (так официально продолжали обозначаться переводчики при консульстве в Сараеве. См.: Ежегодник министерства иностранных дел. СПб., 1878–1908), специалистов с какой подготовкой отправляли в эти края, какими языками они владели (немецким, турецким или сербским), сохранились ли в архивах донесения В.А. Лаговского, Г.В. Катаржи и др.? Будем надеяться, что ответы на эти и другие вопросы мы найдем в дальнейших трудах автора монографии, а также в работах исследователей, которых эта замечательная книга вдохновит на изучение истории Боснии и Герцеговины.

**Информация об авторе**

**Мельчакова Ксения Валерьевна**  
Кандидат исторических наук,  
старший научный сотрудник  
Отдела истории славянских народов  
Юго-Восточной Европы в Новое время.  
Институт славяноведения РАН  
г. Москва, Российская Федерация;  
ORCID: 0000-0002-6011-5841  
E-mail: [kmelchakova@mail.ru](mailto:kmelchakova@mail.ru)

**Information about the author**

**Ksenia V. Melchakova,**  
PhD. (History), Senior Researcher,  
Department of the History of the Slavic  
Peoples of South-Eastern  
Europe in Modern Times,  
Institute of Slavic studies,  
Russian Academy of Sciences,  
Moscow, Russian Federation;  
ORCID: 0000-0002-6011-5841;  
E-mail: [kmelchakova@mail.ru](mailto:kmelchakova@mail.ru)



*Славяноведение*, 2021, № 5, с. 142–146

*Slavic Studies. Journal of the Russian Academy of Sciences*, 2021, № 5, pp. 142–146

DOI: 10.31857/S0869544X0016749-6

Рецензия / Book Review

Русины Австрийской империи в дневниках и воспоминаниях русских офицеров-участников Венгерского похода 1849 года // Сост., вступ. статья и комм. М.Ю. Дронова. М., Издательский дом «Граница», 2020. 159 с.

© 2021 г. К.В. Шевченко

Филиал Российского государственного социального университета  
(Минск, Республика Беларусь)

shevchenkok@hotmail.com

**Ссылка для цитирования:** Шевченко К.В. Русины Австрийской империи в дневниках и воспоминаниях русских офицеров-участников Венгерского похода 1849 года / Сост., вступ. статья и комм. М.Ю. Дронова. М., Издательский дом «Граница», 2020. 159 с. // *Славяноведение*. 2021. № 5. С. 142–146. DOI: 10.31857/S0869544X0016749-6.

Rusiny Avstrijskoj imperii v dnevnikakh i vospominanijakh russkikh oficerov-uchastnikov Vengerskogo pokhoda 1849 goda. Sostavlenie, vstupitel'naja stat'ja i kommnetarii kandidata istoricheskikh nauk M. Yu. Dronova. Moskva: Izdatelskij dom «Granica», 2020. 159 s.

© 2021. Kirill V. Shevchenko

Branch of the Russian State Social University  
(Minsk, Republic of Belarus)

shevchenkok@hotmail.com

**Reference for citation:** *Shevchenko K.V.* Rusiny Avstrijskoj imperii v dnevnikakh i vospominanijakh russkikh oficerov-uchastnikov Vengerskogo pokhoda 1849 goda. Sostavlenie, vstupitel'naja stat'ja i kommnetarii kandidata istoricheskikh nauk M.Yu. Dronova. Moskva: Izdatelskij dom «Granica», 2020. 159 s. // *Slavic Studies. Journal of the Russian Academy of Sciences*. = *Slavyanovedenie*. 2021. No. 5. Pp. 142–146. DOI: 10.31857/S0869544X0016749-6.

Европейские революции 1848–1849 гг. стали мощным катализатором политического и социально-экономического развития государств Центральной Европы, оказав колоссальное влияние и на народы Австрийской империи. Для коренного восточнославянского населения Галиции и Угорской Руси – галицких и угорских русинов – революция 1848 г. в известной

степени может считаться отправной точкой их национального возрождения, которое началось позже, чем у соседних западнославянских народов. Существенную роль в становлении национальной идентичности карпатских русинов и культурно-языковой ориентации русинской интеллигенции сыграл Венгерский поход 1849 г., в ходе которого почти двухсоттысячная русская

армия под командованием генерал-фельдмаршала И.Ф. Паскевича, выполняя союзнические обязательства России перед Австрией, подавила антигабсбургское венгерское восстание.

Многочисленные контакты русинов Галиции и Угорской Руси с солдатами и офицерами русской армии обнаружили их очевидное этнокультурное, языковое и конфессиональное родство, что стимулировало стремительный рост уже существовавших русофильских настроений среди местной интеллигенции. Это, в свою очередь, оказало колоссальное влияние на культурно-языковой облик национального возрождения русинов Галиции и Угорской Руси, надолго предопределив его цивилизационный вектор.

Подготовленный и изданный в 2020 г. известным московским историком-русинистом М. Ю. Дроновым сборник воспоминаний русских офицеров – участников Венгерского похода 1849 г. об их контактах с русинами Галиции и Угорской Руси представляет собой удачную подборку ценных исторических источников, свидетельствующих через восприятие русских офицеров о материальном положении, умонастроениях и церковной жизни русинов, а также о межнациональных отношениях в данном регионе Австрийской империи.

Сборник предвзывает обширное введение, в котором его составитель М. Ю. Дронов, констатируя многовековые традиции культурных связей между Россией и русинами Галиции и Венгрии, справедливо заметил, что именно Венгерский поход 1849 г. в наибольшей степени «вошел в народную память русинов и, как принято считать, даже повлиял на их последующее самосознание» (с. 7). Перебрасывая мостик к современности, М. Ю. Дронов констатировал, что «сегодня основная часть потомков русинов, встреченных армией Паскевича, относит себя в национальном отношении либо к украинцам, либо к четвертому восточнославянскому народу – карпаторусинам [...]. Так получилось, что, к сожалению, именно на современной Западной Украине [...] чаще всего встречаются проявления радикального национализма, выраженного в ненависти к России и этническим русским. На волне политической конъюнктуры в массовом сознании планомерно копируются исторические пласты, не вписывающиеся в националистическую парадигму. На этом фоне свидетельства о встречах 1849 г. убедительно опровергают распространенные утверждения о естественном антагонизме русских и украинцев» (с. 7). К этой безусловно справедливой констатации можно добавить, что русинское население Галиции и Угорской Руси, не обладавшее в середине XIX в. украинским самосознанием, даже

не подозревало, что их потомки несколько поколений спустя окажутся «украинцами».

Практически все офицеры – авторы воспоминаний о Венгерском походе – отмечали исключительную доброжелательность галицких русинов в отношении вступившей в Галицию русской армии. Так, М.Д. Лихутин, являвшийся в 1849 г. младшим офицером при штабе 4-го пехотного корпуса, вспоминал, что «простой народ, русняки, встречали русских военных приветливо, радовались нашему приходу и громогласно высказывали надежды на скорое усмирение мадяров; удовольствие сияло на их лицах. Когда я подходил к толпе мужиков на улице или входил в корчму, передо мной все снимали шапки. Если приближался пан, мужики тотчас надевали шапки и задорно подбоченивались. На вопрос мой, отчего они высказывают такое неуважение к панам, они отвечали, что эти [...] уже не паны им и не стоят никакого уважения» (с. 31).

При откровенно негативном отношении к местной польской шляхте галицкие русины демонстрировали полную лояльность и преданность Австрии и особенно австрийскому императору. По словам М.Д. Лихутина, если в разговоре упоминалось об австрийском императоре, то «крестьяне снимали шапки и говорили о нем с преданностью, с благоговением – австрийское правительство умело привязать к себе простой народ Галиции разными мерами в его пользу» (с. 31). Примечательно в этой связи, что Лихутину и его коллегам – русским офицерам – австрийская Галиция «показалась несравненно богаче, устроеннее и красивее наших соседних губерний: местечки и города обустроены хорошо, улицы вымощены; страна изрезана шоссе; в деревнях избы просторные, чистые, все выбеленные; крестьяне одеты чище и видимо зажиточнее, чем у нас. Все это производило странное впечатление, и невольно являлся вопрос, отчего у нас хуже» (с. 30).

Убедившись в безусловно положительном отношении к России и русской армии со стороны местных русинов, Лихутин задал нескольким русинам вопрос о том, не хотели бы они присоединиться к России. К удивлению Лихутина, ответ был однозначно отрицательным: русинам «у нас лучше. У вас дана большая воля панам и исправникам» (с. 32). Комментируя ответ русинов, Лихутин добавил, что от знакомых русских офицеров, бывших в Турции, он слышал, что «даже турецкие Славяне, любя нас и желая нам успеха, боялись быть присоединены к России, ссылаясь также на панов и исправников» (с. 32). Впрочем, другой офицер, участвовавший в Венгерском походе, барон А.И. Дельвиг, упомянул о русинах, говоривших ему, что они были

бы очень довольны, если бы император Николай «забрал Галицию» (с. 85).

Другой русский офицер, прапорщик Камчатского егерского полка П. В. Алабин, обратил внимание на то, что далеко не все население Галиции приветствовало русскую армию. «Нами восхищалась, нами гордилась, торжествовала и ликовала при нашем вступлении в Галицию, — писал Алабин, — партия русинов, составляющая три четверти всего населения Галиции» (с. 54). При этом, по словам Алабина, некоторые жители Львова демонстративно игнорировали «наше торжественное вступление в их город [...], приняв мрачный и угрюмый вид» (с. 53). Наблюдения над галицкими русинами позволили П. В. Алабину сделать вывод о том, что «русский народ в Галиции все время польского над ним владычества хранил неприкосновенно свои обычаи, свой русский язык, конечно в несколько искаженном виде [...], но религия его предков искажилась унией» (с. 54). Анализируя свой опыт общения с русинским греко-католическим духовенством в Галиции, Алабин предположил, что «униатские ксендзы русинов, может быть разделяя сочувствие к нам своей паствы, по-видимому, искренно нам преданы. Многие из них приходили поближе познакомиться с нами, откровенно нам высказывая, что они гордятся нами, как своими братьями, перед немцами и поляками и сопровождали нас приветами и благословениями» (с. 54).

Несмотря на в целом слабую информированность о восточнославянском населении Галиции, некоторые из русских офицеров имели определенное представление о научной и культурной жизни галицких русинов, упоминая, в частности, изданные к этому времени галицко-русские литературные сборники, основанную в Львове газету «Зоря Галицкая» и Галицко-русскую Матицу во Львове. По словам пехотного офицера М. М. Левченко, «замечательно стремление русинов к образованности [...]. Деревушка, состоящая всего из 45 дворов, просит позволение учредить у себя школу, на своем содержании [...]. Главным двигателем русинов к образованности служит, надо сказать к чести его, униатское духовенство» (с. 27).

Вступление в Венгрию и первые контакты с угорскими русинами были особо отмечены в воспоминаниях русских офицеров, так как это было связано с преодолением существенного в то время географического препятствия — Карпатских гор, красоты которых не оставили их равнодушными. Угорские русины встретили русскую армию с радостью, энтузиазмом и готовностью оказать помощь, что подчеркивало большинство оставших воспоминания офицеров. «Руснаки обрадовались приходу русских

и встретили нас с доверчивостью, — писал М. Д. Лихутин. — Толпы их — мужчины, женщины и дети — собирались к бивуакам войск, приносили все, чем могли угостить: кур, яиц, молока, масла, и некоторые не хотели брать предлагаемую им плату» (с. 37).

Более близкое знакомство с угорскими русинами и их бытом привело русских офицеров к заключению о близком родстве русинов и населения западных губерний Российской империи. «Родственное сходство с нами заметно во всем. После трех дней пребывания в Карпатах я мог объясняться с ними довольно свободно, и они понимали меня, — вспоминал Лихутин. — Одевание Русинов состоит из белой рубашки и портов, как у наших Белорусов [...]. Некоторое носят бурки, заимствованные ими у Венгерцев. Ходят большей частью босиком, особенно летом [...]. Их дома снаружи не выбелены, сколочены из толстых бревен, как в России [...]. Под одною кровлею устроены и разделены стенами: жилая комната, иногда две, кладовая, амбар, конюшня и проч. В некоторых избах комнаты внутри выбелены, в большей же части черные, и есть даже курные избы с тараканами; пол глиняный. Одежда женщин также похожа на нашу западных губерний» (с. 34). По воспоминаниям барона А. И. Дельвига, после перехода Карпат он был поражен «сходством взвешивающих меня крестьян с крестьянами великорусского племени, их лошадей, упряжи и телег с русскими крестьянскими лошадьми [...]. Взвешивающих меня крестьяне были Русины, несколько сот лет не имевшие ничего общего с их единоплеменниками в Российской империи, а между тем сохранившие так много с ними общего» (с. 84).

Очень подробно русские очевидцы событий описывали многочисленные насилия, которым в то время угорские русины подвергались со стороны венгерской администрации. По свидетельству Лихутина, «венгерцы били и грабили их, брали деньги, лошадей, волов, хлеб, забирали в рекруты всех, кто попался от, от 15 до 40 лет, остальное же население заставляли работать земляные укрепления [...] для обороны края от Русских; не щадили даже церквей, из которых выбирали золото, серебро и другие более ценные украшения» (с. 35). Несмотря на свое традиционное смирение и «привычку к мадыарскому игу» угорские славяне «роптали и по мере сил уклонялись от притеснений», но при этом, как заметил русский офицер, «о каком-либо сопротивлении карпатских Славян Мадыарам не было слышно» (с. 35). По этой причине, подчеркнул Лихутин, «славяне [...] ждали нашего прихода как спасения; это говорили все, с которыми мне приходилось иметь сношения. Многие из них перебежали в Галицию, являлись к начальникам

австрийских и русских войск и оставались здесь до перемены обстоятельств; втихомолку ловили Поляков, которые шли из Галиции для поступления в венгерские войска, и сдавали их Австрийцам и нам [...]» (с. 35).

Существенное место в воспоминаниях русские офицеры уделили размышлениям о причинах столь бедственного и угнетенного положения угорских русинов и их отношениям с мадьярами и немцами. Отличительной чертой подобных размышлений было горячее сочувствие к судьбе своих карпатских соплеменников и разная мера критики в адрес венгерских и австрийских властей.

Так, М.Д. Лихутин полагал, что крайне приниженное состояние венгерских славян, прежде всего русинов и словаков, было вызвано прямым завоеванием местных славян кочевой мадьярской ордой в конце IX в. «Венгерские славяне были покороны, разгромлены и подпали под тяжелое иго, были унижены и подавлены нравственно», — констатировал Лихутин (с. 41). Крайнее его возмущение, как и других русских офицеров, вызывало услышанное им от мадьяр мнение о том, что «мы покорили Славян силою оружия и имеем над ними право завоевания. Все, что мы даем им — наша милость, а не обязанность» (с. 40). По словам русского офицера, в Венгрии «часто случалось слышать мнение, высказываемое Мадьярами и Немцами, что владычество их очень полезно Славянам, народу грубому, невежественному и безнравственному [...]». Мнение о благотворном цивилизующем влиянии Немцев и Мадьяр на Славян высказывается печатно в немецкой и мадьярской литературе, его придерживаются некоторые ученые люди у нас в России. Высказываемое на месте всякой дрянью, — эмоционально заключил Лихутин, — оно кажется насмешкою над бедственным положением Славян и новым оскорблением, бросаемым им в лицо» (с. 41).

Ряд свидетельств русских офицеров отразил и довольно высокие темпы ассимиляции той части русинов, которые жили на равнине в непосредственном контакте с венгерским населением. Так, находясь в селе Бекень (венг. Békény) неподалеку от г. Дебрецен, русский офицер М.М. Левченко, малорус по происхождению, обратил внимание на восточный церковный обряд венгероязычных жителей этого села, при этом хозяин дома, где он остановился, прочел «Отче наш» на славянском языке. Позже Левченко выяснил, что все жители этой и ближайших деревень — малорусы или, как их здесь называют, Русняки, но так омадьярены, что только старики помнят родной язык» (с. 22). В качестве причины столь стремительной мадьяризации Левченко усмотрел влияние

школы и церкви. По его словам, «в школах, находящихся здесь в каждой деревне, учат по-венгерски, даже, в последнее время, разсланы по церквям священные книги на венгерском языке, а на славянском запрещено исправлять службу» (с. 22).

Что касается униатской церкви и униатского русинского духовенства, то русские офицеры, с одной стороны, отметили их бедность в сравнении с римско-католической церковью; с другой стороны, их большое сходство с православным духовенством в России. По словам барона А.И. Дельвига, «у всех церквей, расположенных на большой дороге, стояли священники с причтом, испрашивая подающие для церквей. Священники-униаты были одеты так же, как наши православные, они были в рясах и эпитрахилиях чрезвычайно бедных. Бедность униатских церквей и духовенства в сравнении с римско-католическими должна была весьма неприятно поражать проезжающего, в особенности православного» (с. 84). Показательно, что подобные отзывы о крайней бедности униатской церкви и священников в сравнении с римско-католической церковью оставляли и путешественники, посетившие белорусско-литовские губернии до проведения Полоцкого церковного собора и воссоединения белорусских униатов в 1839 г.

Общие итоги Венгерского похода, судя по всему, вызвали не самые позитивные эмоции у русских офицеров, небезосновательно заметивших, что в перспективе они лишь подорвали позиции России. Так, по мнению барона А.И. Дельвига, «наш поход в Венгрию, столь непопулярный в России и столь, по-видимому, успешно оконченный, имел, по моему мнению, самые невыгодные последствия для России. Венгерцы нас возненавидели; славянские племена, обманутые в своей надежде на нашу защиту, стали к нам равнодушнее; австрийцы были недовольны тем, что должны были пользоваться пособием России, и вскоре выказали свою неблагодарность» (с. 85).

При всей обоснованности данного мнения нельзя не заметить, что косвенным результатом данного похода было то, что он способствовал знакомству русской армии с местными русинами и словаками, которые в то время были малоизвестны широкой российской общественности. Что же касается широких масс русинов, то для них опыт общения с русским православным воинством, которое «по-нашему говорит и по-нашему молится», стало своего рода цивилизационным открытием и культурным откровением, оказавшим колоссальное влияние на последующее развитие русинской культуры. Среди русинских детей, приходивших к бивуакам русских

войск и с любопытством слушавших разговоры и песни «москалей», был и юный в то время И. Сильвай, впоследствии один из ведущих карпато-русских будителей и убежденный сторонник русского литературного языка, известный под псевдонимом «Уриил Метеор». Поколение А. Добрянского, А. Духновича, И. Сильвая и их последователей из числа угро-русской интеллигенции сформировали мощную русофильскую традицию, перед которой длительное время были бессильны глшатаи «украинской идеи» из соседней Галиции. Украинский ученый и культурный деятель из Галиции В. Гнатюк в 1899 г. в статье, напечатанной в чешском журнале «*Slovanský přehled*», определил

отличительную черту угорских русинов – москвофильство. Описывая угро-русскую интеллигенцию, Гнатюк не без досады отметил, что «самыми приятными воспоминаниями этих людей являются рассказы о походе русского войска. При этом у них горят глаза, улыбаются уста, озаряются лица [...]». По их убеждению, все славяне должны стать русскими» (*Hnatiuk V. Rusíni v Uhrách // Slovanský přehled. 1899. Ročník 1. S. 220*). Для окончательного выкорчевывания столь нежелательной для Вены и Будапешта общерусской идентичности русинов австро-венгерским властям в ходе Первой мировой войны пришлось прибегнуть к такому «аргументу» как массовые внесудебные расправы и концлагеря...

#### Информация об авторе

**Кирилл Владимирович Шевченко**,  
доктор исторических наук,  
профессор кафедры правовых дисциплин  
Филиала Российского государственного  
социального университета в Минске, Беларусь  
E-mail: [shevchenkok@hotmail.com](mailto:shevchenkok@hotmail.com)

#### Information about the author

**Kirill V. Shevchenko**,  
PhD. (History), professor,  
Department of Law, Minsk Branch  
of Russian State Social University  
E-mail: [shevchenkok@hotmail.com](mailto:shevchenkok@hotmail.com)



*Славяноведение*, 2021, № 5, с. 147–149

*Slavic Studies. Journal of the Russian Academy of Sciences*, 2021, № 5, pp. 147–149

DOI: 10.31857/S0869544X0016750-8

Рецензия / Book Review

Г.О. Корольов. Федеративні проекти в Центрально-Східній Європі:  
від ідеологічної утопії до реальної політики (1815–1921 pp.).  
Київ: Видавництво «К.І.С.», 2019. 378 с.

Г.О. Королев. Федеративные проекты в Центрально-Восточной Европе:  
от идеологической утопии к реальной политике (1815–1921).  
Киев, 2019. 378 с.

© 2021 г. К.Б. Егорова

Санкт-Петербургский государственный университет  
(Санкт-Петербург, Российская Федерация)

xenia.egorova@gmail.com

**Ссылка для цитирования:** *Егорова К.Б.* Г.О. Корольов. Федеративні проекти в Центрально-Східній Європі: від ідеологічної утопії до реальної політики (1815–1921 pp.). Київ: Видавництво «К.І.С.», 2019. 378 с. // *Славяноведение*. 2021. № 5. С. 147–149. DOI: 10.31857/S0869544X0016750-8.

G.O. Korolev. Federative projects in Central and Eastern Europe:  
from ideological utopia up to the real politics (1815–1921). Kyiv, 2019. 378 p.

© 2021. K.B. Egorova

Saint Petersburg State University  
(St. Petersburg, Russian Federation)

xenia.egorova@gmail.com

**Reference for citation:** *Egorova K.B.* Г.О. Корольов. Федеративні проекти в Центрально-Східній Європі: від ідеологічної утопії до реальної політики (1815–1921 pp.) — Київ: Видавництво «К.І.С.», 2019. 378 с. // *Slavic Studies. Journal of the Russian Academy of Sciences*. = *Slavyanovedenie*. 2021. No 5. Pp. 147–149. DOI: 10.31857/S0869544X0016750-8.

Монографія українського історика Г.А. Королева «Федеративные проекты в Центральной и Восточной Европе: от утопии к реальной государственной политике», вышедшая в 2019 г. в киевском издательстве «К.І.С.», в том же году была удостоена престижной польской премии «*Nagroda „Przeglądu Wschodniego”*» в номинации «Иностранное издание». Этой ежегодной премией с 1994 г.

отмечают лучшие научные труды в области восточноевропейских исследований.

Автор поставил перед собой глобальную исследовательскую задачу, которая относится к области истории формирования и бытования идей в восточноевропейском культурном и интеллектуальном пространстве. В центре исследовательского внимания – развитие

федеративных идей в Центральной и Восточной Европе от Венского конгресса до подписания Рижского мирного договора, которым завершилась советско-польская война.

Изучение истории федеративного дискурса в различные эпохи предполагает обращение к текстам (литературным произведениям, манифестам, письмам, дневникам), опубликованным и неопубликованным историческим источникам. Источниковая база рецензируемого исследования обширна; помимо известных научно-исследовательских трудов, посвященных политической истории региона, автор ввел в научный оборот документы из коллекций Государственного архива Австрии, архива Национального музея в Праге, крупнейших польских, российских и украинских архивохранилищ, что делает монографию Королева ценным вкладом в современную историографию региона, которая весьма обширна.

Автор не затронул вопросы Балканского региона, федеративных идей в Эстонии, Латвии и на Кавказе. Таким образом, изучаемый регион получил четкое очертание: славянский мир Восточной и Центральной Европы, находившийся в составе империй: Российской и Австрийской/Австро-Венгерской.

Федерализм как комплекс философских, исторических и культурных воззрений имел в этом регионе несколько направлений, развивавшихся в зависимости от исторического и политического контекста. Как показал Королев, основными идеологическими доминантами, которые определили культурный рельеф идеи славянского федерализма, были внутренняя и внешняя политика крупнейших европейских империй (Российской и Австрийской), особенности национального самосознания того или иного славянского народа. Эти аспекты развития славянских федеративных устремлений подробно проанализированы. Так, изучению идейного наследия А. Чарторийского и М.А. Бакунина посвящены вторая и третья главы исследования. В чешской традиции федерализм рассматривался как легальный способ отстаивания права на национальную идентичность в границах имперского порядка (такой позиции придерживался, в частности, Фр. Палацкий – один из идеологов чешского австрославизма). Польская историческая и политическая мысль XIX в., выражающаяся в идее «третьей Европы» и глобальной концепции Междуморья, подробно рассмотрена в пятой главе монографии.

Важной особенностью книги является наличие основания, на которое опираются все аргументативные и повествовательные цепочки, выстроенные автором. Таким стержнем в исследовательской работе стала четко сформулированная гипотеза, ее доказательством занят ученый: в XIX в. федеративные проекты развивались как идеологические

утопии, но в начале XX в., после Первой мировой войны, они стали инструментом реальной государственной политики. В каждом из разделов исследования автор предпринял попытку проследить, как тот или иной политический трактат или литературное произведение перешли в область послевоенной политики «Новой Европы». Как и любое теоретическое построение, основанное на фундаментальной базе исторических источников, данная гипотеза может быть оспорена, подвержена контраргументации, однако именно четкая формулировка основной исследовательской мысли выделяет эту книгу из ряда других исследований.

Вопросы, которые затронул автор монографии для доказательства своей гипотезы, разнообразны: как связаны федеративные проекты XIX–XX вв. с федеративной традицией предшествующих эпох; влияет ли историографическая традиция и концептуализация исторического знания на современные представления о бытовании федеративных идей в регионе; обусловлено ли объективными научными потребностями сближение и объединение схожих проектов и явлений славянской политической мысли. Каждый из вопросов достоин отдельной научной дискуссии и выходит за пределы проблематики изучения восточнославянского региона, претендуя на глобальные вопросы современного исторического научного знания.

В книге на примере истории империй показано, как идеи федерации созревали в Восточной Европе и становились инструментами реальной политики и борьбы за национальную идентичность. Зарождаясь в виде идеологических утопий, проектов создания конституций и конституционного государственного строя, славянский федерализм создавал основы для нового политического порядка в Европе, становился реальной альтернативой империи, прописывал сценарии децентрализации власти и строительства нового гражданского общества.

Изучение федерализма позволяет понять основные результаты интеллектуальных и политических дискуссий о национальной независимости народов Центральной и Восточной Европы, что является весьма актуальной исследовательской задачей в современных геополитических условиях, когда в регионе все нарастают стремление к политическому самоопределению и националистические движения. Монография Королева дает богатый материал не только для профессиональных историков, но и политологов, специалистов по международным отношениям в Восточноевропейском регионе, ведь история славянского федерализма является важной частью процесса зарождения политического национализма, может учитываться при анализе формирования современных идеологических национальных проектов и прогнозировании их дальнейшего развития.

**Информация об авторе**

**Ксения Борисовна Егорова,**  
канд. филол. наук, доцент кафедры  
истории западноевропейской  
и русской культуры  
Института истории, СПбГУ,  
Санкт-Петербург, Российская Федерация  
ORCID: 0000-0002-4050-6888  
E-mail: [k.b.egorova@spbu.ru](mailto:k.b.egorova@spbu.ru)

**Information about the author**

**Ksenia B. Egorova,**  
PhD. (Philology), Associate Professor,  
Department of History of Western  
European and Russian Culture,  
Institute of History,  
Saint Petersburg State University, Russia  
ORCID: 0000-0002-4050-6888  
E-mail: [k.b.egorova@spbu.ru](mailto:k.b.egorova@spbu.ru)



*Славяноведение*, 2021, № 5, с. 150–152

*Slavic Studies. Journal of the Russian Academy of Sciences*, 2021, № 5, pp. 150–152

DOI: 10.31857/S0869544X0016751-9

Рецензия / Book Review

П. Мангачев. Акад. Димитър Михалчев – между философията и дипломатията. София, 2020. 135 с.

П. Мангачев. Акад. Димитр Михалчев – между философией и дипломатией

© 2021 г. В.И. Косик

Институт славяноведения РАН  
(Москва, Российская Федерация)

[kosikviktor@mail.ru](mailto:kosikviktor@mail.ru)

**Ссылка для цитирования:** *Косик В.И.* П. Мангачев. Акад. Димитър Михалчев – между философията и дипломатията. София, 2020. 135 с. // *Славяноведение*. 2021. № 5. С. 150–152. DOI: 10.31857/S0869544X0016751-9.

P. Mangachev. Akad. Dimitar Mikhachev – between philosophy and diplomacy. Sofia, 2020, p. 135.

© 2021. В.И. Kосic

Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences  
(Moscow, Russian Federation)

[kosikviktor@mail.ru](mailto:kosikviktor@mail.ru)

**Reference for citation:** *Kosic V.I.* P. Mangachev. Akad. Dimitar Mikhachev – between philosophy and diplomacy. Sofia, 2020, p. 135 // *Slavic Studies. Journal of the Russian Academy of Sciences*. = *Slavyanovedenie*. 2021. No 5. P. 150–152. DOI: 10.31857/S0869544X0016751-9.

Имя Петко Мангачева связано с интереснейшими исследованиями в сфере болгарской истории. Его книги посвящены Константину Иречку, Николе Вапцарову, генералу Казимиру Эрнроту, загадкам во время царствования царя Бориса III, русским беженцам и многим другим историческим сюжетам.

Настоящая книга, как видно из заглавия, посвящена философу и дипломату Д. Михалчеву – участнику балканских войн, члену делегации при подписании мирного Нейского договора, дипломату, профессору Софийского университета, основателю журнала «Философски

преглед», испытывавшему на себе «научные гонения», вследствие своих «идеалистических построений», не отдававшего должное марксистской философии и ее продолжателям.

Небольшая по объему книга включает в себя следующие главы: «Строки от первого лица» (автобиография); «Дипломатические миссии проф. Димитра Михалчева»; «Советский Союз в публикациях проф. Димитра Михалчева»; «Проф. Димитр Михалчев – объект “забот” царских полицейских служб»; «Мнения и оценки проф. Димитра Михалчева до 9. IX. 1944 г.»; «Проф. Димитр Михалчев в объятиях службы государственной

безопасности»; «Мнения и оценки акад. Димитра Михалчева после 9. IX. 1944 г.»; «Потуги по научному разгрому акад. Димитра Михалчева».

Само содержание автобиографии, написанной в 1952 г., достаточно ярко отображает сложное болгарское время, в котором жил, служил и работал Д. Михалчев.

Отсюда можно получить представление о первых шагах в журналистике, лестном отзыве П.Н. Милюкова на философские студии Д. Михалчева, его успехах на этой научной стезе, о работе на поле дипломатии, включая службу в ранге посла вначале в Праге, потом в Москве (после был переназначен уже правительством Отечественного фронта на этот пост), о его выступлениях против фашизма, биологизма, расизма, равно против антисоветской пропаганды.

Автор подчеркивает, что, судя по дипломатическим сообщениям из Москвы, Михалчев, испытав известное влияние социалистического строительства СССР, вследствие чего был отозван царской властью. Дипломатический опыт Михалчева, его моральный и политический престиж был использован и новой властью, не видевшей в нем своего «врага». Его немногочисленные донесения, сохранившиеся в архиве, позволяют расширить историческое знание о послевоенном времени, о противоречиях между недавними союзниками по антигитлеровской коалиции. Основное внимание в них связано с Соединенными Штатами Америки, Великобританией, суждениями своих коллег в сфере внешней политики, отдельно останавливаясь на Китае и Индии. Бесспорно, большое место уделено сюжетам, связанным с СССР разными ситуациями, например, с «тайной» атомной бомбы, с доносами на Михалчева, позволившего в одном из писем вывести Сталина под словом «чорбаджия», давать рискованные оценки «вождю», критиковать систему выборов в СССР, что, несомненно, повлияло на его отзыв из Москвы. Для дискредитации Михалчева были использованы и доносы, характеризовавшие его как скупщика золота, бриллиантов, вплоть до спекуляции сигаретами. Итог, пишет болгарский историк, был предопределен: в ноябре 1945 г. болгарский МИД получил ноту протеста с требованием отозвать Михалчева как «врага Советского Союза».

Именно с последним обвинением связано авторское освещение сложной темы Советского союза в публикациях Д. Михалчева. В статьях «Философского прегледа» болгарский ученый, подчеркивается автором, прошел сложный путь от оценки политики СССР как миролюбивой и в то же время ставящей во главу угла уничтожение буржуазного строя через революцию. Обрисованы автором и такие темы, как

славянофильство, русский национализм, политические процессы 1937 г., Вторая мировая война и политика Германии и СССР. Уделяя большое внимание внешнеполитической проблематике, Д. Михалчев знакомит читателя, среди прочего, и с внутренней жизнью советских людей, их бытом, положением женщины в СССР, феноменом семьи, с культурой, образованием. Прослеживая недостаточный уровень жизни в СССР, Д. Михалчев, как подчеркивает автор, придерживался позиции, что повышение стандарта жизни в СССР, в этом новом строящемся мире, не исключено. Более того, как осторожно замечал болгарский ученый, недалеко то время, когда старый мир вступит в конкурентную борьбу с новым миром, где нет частной собственности, основы своего противника или врага.

Относительно политических «пристрастий» Д. Михалчева, автор приводит остроумный ответ ученого, который на предложение «ленинца» Т. Павлова вступить в Болгарскую коммунистическую партию сказал, что он похож на грузовик, которому тяжело даются повороты.

Вероятно, здесь надо искать одну из причин ответа, почему Д. Михалчев неоднократно отказывался от лестных предложений властей принять на себя ответственные поручения, было ли то связано летом 1944 г. с возможными переговорами с В. Молотовым, либо предложением войти в состав правительства после 9 сентября.

Весьма интересна глава, связанная со слежкой полицейскими службами за Д. Михалчевым. Автор в своем исследовании этой темы, на основании документов, пишет, что слежка была обусловлена статьями Д. Михалчева, в которых он в отличие от царских властей по-иному рисовал жизнь и политику СССР. Как подчеркивалось в одном из донесений, статьи ученого сеяли смуты и проблемы в болгарском общественно-политическом пространстве. При этом ученый подчеркивал, что славянство должно помнить уроки Сан-Стефано и Берлина, равно как и уверенность в распространении славянских идей и овладении ими мира. При всем этом, пишет П. Мангачев, герой был «почитатель коммунистического строя». В полицейских донесениях указывалось, что Д. Михалчев поддерживал тесные контакты с активными деятелями коммунистического движения.

П. Мангачев, освещая взгляды болгарского философа, его мысли о будущем победителе в идущей войне, приводил обширную цитату из полицейских донесений о том, что объект слежки (1942 г.) не верит в победу Германии, даже в том случае, если немцы, гипотетически, сумеют овладеть Москвой, Сталинградом, Баку, Ленинградом.

Полицейская слежка продолжилась и после 9 сентября 1944 г. Председатель Болгарской академии наук Д. Михалчев своей идеалистической философией, в которой он следовал немецкому философу Й. Ремке (был критикован В.И. Лениным в работе «Материализм и эмпириокритицизм»), и независимыми суждениями о новой власти не мог остаться без внимания «компетентных органов». Можно сказать, что он был «автоматически» передан ими «в разработку», проводившуюся под кодовым названием «дипломат». Автор при освещении этой темы приводит много интересных донесений, подписанных теми, кто следил за Д. Михалчевым. Они дают достаточно яркое представление о том периоде его жизни и работы. Несмотря на всю «реакционность» его суждений, он признавался крупным ученым. Одним из доказательств этого, пишет П. Мангачев, была переписка

академика Д. Михалчева с премьер-министром Вл. Червенковым.

В завершение своего труда автор убедительно пишет, что в лице Д. Михалчева марксистская философия имела серьезного противника, которого надо было «нейтрализовать». Для этого применялись разнообразные средства, нацеленные, в конечном счете, на забвение идущего своим путем философа.

Введение в научный оборот многих неизвестных здесь, впрочем как и везде, сведений делает текст ярким, обогащает историческое знание, восстанавливает «забытые» страницы жизни ученого, его оригинальных трудов.

Можно только поблагодарить моего коллегу П. Мангачева за столь интересное исследование «истории в лицах», позволяющее открывать новые страницы болгарской истории.

#### **Информация об авторе**

**Косик Виктор Иванович**,  
 доктор исторических наук,  
 ведущий научный сотрудник Отдела истории  
 славянских народов в Новое и Новейшее время,  
 Институт славяноведения РАН,  
 г. Москва, Российская Федерация  
 ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9947-6126>  
 E-mail: [kosikviktor@mail.ru](mailto:kosikviktor@mail.ru)

#### **Information about the author**

**Viktor I. Kosik**,  
 Dr. Hab. (History), Leading Researcher  
 of the Department The History of Slavic  
 Peoples in Modern and Modern Times,  
 Institute of Slavic Studies  
 of the Russian Academy of Sciences,  
 Moscow, Russian Federation;  
 ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9947-6126>  
 E-mail: [kosikviktor@mail.ru](mailto:kosikviktor@mail.ru)



## Круглый стол «Прекрасный голубой Дунай: водный рубеж, транспортная артерия, художественный образ»

© 2021 г. Л.К. Новосельцева

Институт славяноведения РАН  
(Москва, Российская Федерация)

[mnovoseltseva91@gmail.com](mailto:mnovoseltseva91@gmail.com)

**Ссылка для цитирования:** *Новосельцева Л.К.* Круглый стол «Прекрасный голубой Дунай: водный рубеж, транспортная артерия, художественный образ» // *Славяноведение*. 2021. № 5. С. 153–155. DOI: 10.31857/S0869544X0016752-0.

Круглый стол состоялся в рамках проекта РФФИ № 19-59-23005 «Монархия Габсбургов: новые направления в изучении экономического, социально-политического и национального развития композитарного государства Центральной Европы».

## Round table «The beautiful blue Danube: a water frontier, a transport route and an artistic image»

© 2021. L.K. Novoseltseva

Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences  
(Moscow, Russian Federation)

[mnovoseltseva91@gmail.com](mailto:mnovoseltseva91@gmail.com)

**Reference for citation:** *Novoseltseva L.K.* Round-table «The beautiful blue Danube: a water frontier, a transport route and an artistic image» // *Slavic Studies. Journal of the Russian Academy of Science*. = *Slavyanovedenie*. 2021. № 5. С. 153–155. DOI: 10.31857/S0869544X0016752-0.

Supported by the Russian Foundation for Basic Research: «The Habsburg Monarchy: new trends in research of economic, socio-political and national development of the Central-European composite state», project no. 19-59-23005.

15 апреля 2021 г. на платформе Zoom в рамках Междисциплинарного центральноевропейского семинара состоялся международный круглый стол «The Blue Danube: Borders, Transport Arteries, and Artistic Images» («Прекрасный голубой Дунай: водный рубеж, транспортная артерия, художественный образ»). Организатором выступил Центр по изучению истории многонациональной Австрийской империи Института славяноведения РАН. Первое слово взяла *О.В. Хаванова* (Исл РАН, Москва), которая приветствовала участников мероприятия и, представив краткий обзор отечественных исследований, посвященных Дунаю, обрисовала круг проблем, вынесенных докладчиками на обсуждение.

*Л. Рац* (Сегедский ун-т, Сегед) продемонстрировал в докладе реконструкцию климатических и экологических изменений в Карпато-Дунайском бассейне, начиная с позднего Средневековья. Главной особенностью региона он назвал годовое распределение осадков, которое до XX в. было непредсказуемым для человека и периодически провоцировало стихийные бедствия – наводнения и засухи. Если паводки наносили существенный урон в XIV–XIX вв. (на это время пришелся малый ледниковый период), то в настоящее время, в связи с нынешним потеплением речь идет о недостатке воды. По мнению исследователя, помимо создавшихся климатических условий, проблему для региона представляет и неправильная технологическая адаптация, широкое распространение и эксплуатация современных систем жизнеобеспечения (кондиционеры, отопительные приборы).

Инженерным работам на Дунае и проектам превращения реки в безопасную транспортную артерию был посвящен доклад *Л. Гатежелъ* (Ин-т Южной и Юго-Восточной Европы им. Лейбница, Регенсбург). При поддержке международных организаций и речных комиссий за «долгий XIX век» инженерам удалось «заставить реку течь в нужном направлении», создать необходимую для судоходства инфраструктуру и преобразить окружающую Дунай среду. Докладчица отметила особую роль инженеров-гидротехников как медиаторов в сложной системе политических и экономических отношений не только прибрежных стран, но и других европейских государств.

*Д. Денда* (Ин-т стратегических исследований / Ун-т обороны Министерства обороны Республики Сербия, Белград) охарактеризовал Дунай как важную коммуникационную линию и стратегический барьер для Сербии в первой половине XX в. В начале века Дунай играл роль главной транспортной магистрали для Сербии, связывая страну с Черноморским регионом и государствами Центральной Европы. Не менее важным было значение Дуная как естественного оборонительного рубежа Сербии в годы Первой мировой войны. По ее окончании Королевство СХС/Югославия получило крупнейший коммерческий флот, который впоследствии осуществлял 40% всех грузоперевозок, в том числе и для снабжения балканским сырьем нацистской Германии в конце 1930-х годов. Поэтому Дунай в целом и Железные ворота (сужение реки на югославо-румунской границе) имели важное стратегическое значение в планах противоборствующих сторон в годы Второй мировой войны.

В продолжение темы о значении Дуная для Сербии выступил *М. Гулич* (Ин-т новейшей истории, Белград) с докладом о дунайских мостах. В фокусе внимания оказалась проблема разрушений мостов в ходе Второй мировой войны в 1941 и 1944 г. и агрессии НАТО против Югославии в 1999 г., которые имели тяжелейшие последствия для страны. Докладчик обратил внимание, что история многострадальных югославских мостов – символическое отражение истории страны, которая их строила, и которой больше нет.

*Б. Остаймер* (Хорватский ин-т истории, Загреб) поднял вопрос о «бытовом взаимодействии» человека и Дуная – в докладе он осветил различные аспекты повседневной жизни жителей Вуковара в конце XIX–XX в. Несмотря на преимущества, которые давало выгодное расположение, город многократно подвергался наводнениям и неконтролируемым разливам, что подтолкнуло местные власти к попытке приручить реку – изменить ландшафт и благоустроить берега. Эта акция не принесла желаемого избавления от хронической проблемы, но вместе с тем, облагороженные берега Дуная поспособствовали развитию новых форм коллективного досуга.

*Э. Кирай* (Ин-т культурологии и истории театра Австрийской академии наук, Вена) проанализировала различия между двумя книгами – «Дунай. Биография одной реки» Эрнста Троста и «Дунай» Клаудио Магриса. Докладчица отметила, что несмотря на то, что формы презентации реальности в работах различаются – Трост следовал страноведческому принципу подачи информации, Магрис сознательно вышел за рамки сугубо научного исследования – их книги нечто большее, чем травелоги, поскольку представляют Дунай как связующую нить между габсбургским культурным ландшафтом и более широким центральноевропейским.

Подтвердила эту мысль *Д. Гучкова* (Ин-т словацкой литературы Словацкой академии наук, Братислава), упомянувшая «Дунай» Магриса, который назвал реку неотъемлемой частью центральноевропейской идентичности. Но вместе с тем образ Дуная выполнял и функцию разграничения, как на примере словацкой литературы XIX–XXI вв. показала докладчица. Символическое восприятие реки имеет как географическое («от Татр до Дуная» как метафора Словакии в поэзии второй половины XIX в.), так и историческое измерение (ассоциация реки со Второй мировой войной). Более того, Дунай является важным компонентом литературного образа Братиславы.

*О. А. Якименко* (Российский государственный педагогический ун-т им. А. П. Герцена, Санкт-Петербург) представила образ Дуная на большом экране. На заре кинематографа, следуя за национальной литературой, режиссеры отводили реке роль движущей силы и моста между

прошлым и будущим. Но «актерский» диапазон Дуная гораздо шире – от красивой декорации в лентах периода между мировыми войнами до протагониста в современном артхаусном кино. Река выступает и как источник материальных благ для «хозяина природы», и как метафора истории и судьбы.

Формат круглого стола позволил подробно обсудить проблемы, с которыми докладчики ознакомили коллег. В работе первой секции не раз поднимался вопрос о дунайской логистике, в связи с чем ученые поделились наблюдениями о развитии речной инфраструктуры в странах региона в XIX – начале XXI в. Дискуссия второй секции была связана с восприятием Дуная как физической и ментальной границы между частями света, странами и даже в пределах одного государства. Так же предметом обсуждения стало качество перевода художественных и научных текстов на другие языки. В рамках интенсивного обмена мнениями участники попытались определить перспективные направления будущих исследований, связанных с Дунаем, как для национальных школ, так и для международного научного междисциплинарного сотрудничества.

### **Информация об авторе**

**Людмила Константиновна Новосельцева**  
Младший научный сотрудник  
Центра по изучению истории  
многонациональной Австрийской империи,  
Институт славяноведения РАН,  
Москва, Российская Федерация,  
ORCID: 0000-0002-1793-6505,  
E-mail: [mnovoseltseva91@gmail.com](mailto:mnovoseltseva91@gmail.com)

### **Information about the author**

**Liudmila K. Novoseltseva**  
Junior research fellow of Research Centre  
for Multinational Habsburg Empire,  
Institute of Slavic studies of the RAS,  
Moscow, Russian Federation;  
ORCID: 0000-0002-1793-6505,  
E-mail: [mnovoseltseva91@gmail.com](mailto:mnovoseltseva91@gmail.com)



# НЕКРОЛОГИ

*Славяноведение*, 2021, № 5, с. 156–157

*Slavic Studies. Journal of the Russian Academy of Sciences*, 2021, № 5, pp. 156–157

## Памяти Регины Фридриховны Дорониной (1924–2019)

© 2021 г. Л.Н. Будагова

Института славяноведения РАН  
(Москва, Российская Федерация)

ludmila.budagova@gmail.com

**Ссылка для цитирования:** Будагова Л.Н. Памяти Регины Фридриховны Дорониной // *Славяноведение*. 2021. № 5. С. 156–157.

## In memory of Regina Fridrikhovna Doronina (1924–2019)

© 2021. L.N. Budagova

Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences  
(Moscow, Russian Federation)

ludmila.budagova@gmail.com

**Reference for citation:** *Budagova L.N.* In memory of Regina Fridrikhovna Doronina // *Slavic Studies. Journal of the Russian Academy of Sciences*. = *Slavyanovedenie*. 2021. No 5. P. 156–157.

Редеют ряды ветеранов. Регина Фридриховна Доронина (в девичестве Кюссе) относится к первопроходцам послевоенной отечественной славистики, крупнейшим научным центром которой стал и остается наш Институт, менявший свои адреса и уточнявший названия, но не менявший предназначения – исследование и популяризация истории, языков, культуры и литератур зарубежных по отношению к Царской, Советской и постсоветской России славянских народов.

Дочь латышского стрелка и русской польки, врача по профессии, проработавшей во время Великой Отечественной войны в госпиталях и участвовавшей в их организации, Регина Фридриховна выбрала другой жизненный путь, став первоклассным специалистом по сербской литературе XVIII–XX вв., воссоздав в своих работах драматизм ее истории, в которую вмешивались политические причины, в частности послевоенный конфликт Иосифа Броз Тито со Сталиным, притормозивший на какое-то время развитие отечественной сербистики. Когда ситуация с советско-югославскими отношениями нормализовалась и Тито со своей «кликой» перестал быть пугалом в глазах строителей социализма, Регина Фридриховна, выпускница филологического факультета МГУ (1948), аспирантка Института славяноведения, защитила в 1956 г. кандидатскую диссертацию «Сербский поэт-реалист Йован Йованович Змай».

Регина Фридриховна написала несколько глав о сербской и хорватской литературах для «Истории всемирной литературы» (М., 1989–1994. Т. 6–8), создававшейся в ИМЛИ им. А.М. Горького РАН; стала одним из редакторов и авторов трехтомной «Истории литератур западных и южных славян» (М., Индрик, 1997–2001), созданной в нашем Институте и выдвигавшейся в 2003 г. на соискание Государственной премии России. Ее главы в этом трехтомнике охватывают разные периоды, направления и жанры сербской литературы, выявляя ее колорит и большую художественную ценность. По сути дела, эти тексты складываются в целостную историю сербской литературы второй половины XVIII–XX вв. Скромность, а может быть, недостаток физических сил помешали автору переиздать их отдельной книгой, превратив

в индивидуальную монографию. Неоспорим и ее вклад в изучение и популяризацию творчества знаменитого черногорского поэта и государственного деятеля XIX в. Петара (Петра) Пётровича II Негоша. (К сожалению, некоторые молодые специалисты не всегда учитывают серьезные разработки своих более опытных предшественников). Весьма плодотворны исследования Р.Ф. Дорониной творчества писателей XX столетия – лауреата Нобелевской премии Иво Андрича или Десанки Максимович с ее душераздирающим стихотворением «Кровавая сказка» о массовом расстреле немецко-фашистскими оккупантами учеников гимназии в Крагуеваце.

Благодаря Регине Фридриховне сектор славянских литератур вел успешное сотрудничество с зарубежными сербистами и русистами, с Матией сербской, результатом которого было создание и публикация (поочередно то в России, то в Сербии) целой серии трудов по русско-сербским культурным и литературным связям. Все усилия продолжить это сотрудничество без Регины Фридриховны после ее ухода на пенсию не увенчались успехом.

Избрав свой собственный жизненный путь, Регина Фридриховна, видимо, унаследовала от родителей интеллигентность, эмоциональную сдержанность, безукоризненную манеру поведения. Гены ли тому причина, или прекрасное воспитание, сказать трудно. Выделяясь происхождением, чертами биографии, она стала при этом своим и любимым человеком в пестром коллективе институтских литературоведов, в основном «понаехавших» в Москву из Вологды, Калинин (Твери), Ленинграда, Баку и других городов и углов тогда еще нашей необъятной родины.

Обеспечив своими трудами изучение и популяризацию сербской литературы, участвуя практически во всех разносторонних трудах сектора, Центра, наконец Отдела истории славянских литератур, Регина Фридриховна была примером не только первоклассного профессионала, но и необыкновенно доброжелательного, высоко нравственного человека. Невозможно вспомнить ее участие в каких-либо секторских «разборках», порой усложнявших нашу жизнь. Невозможно вспомнить, потому что и вспоминать здесь нечего. Зато сколько внимания к своим коллегам и искренней радости за их успехи исходило от нее!

Р.Ф. Дорониной прожил долгую, нелегкую, но плодотворную жизнь. Однако с ее уходом еще трудно смириться. Думаю, что многих из хорошо знавших ее коллег, привыкших встречаться с ней в присутственные дни, сидеть рядом на конференциях, распивать чай в обеденные перерывы, не покидает ощущение, что ты еще с ней не наобшался, не наговорился и что теперь увидеть ее можешь разве что на фотографиях, выцветающих со временем.

В последние годы жизни, когда она уже не посещала Институт, сотрудники ее отдела не забывали поздравлять Регину Фридриховну с днем рождения и другими праздниками, следить, чтобы и она в числе институтских ветеранов труда получала знаки отличия. Но по-настоящему заботились о ней, о ее здоровье, постоянно навешали, оберегали от разного рода посягательств на ее права, разыскивали родственников покойного супруга, участника Великой Отечественной войны, – Наталия Витальевна Злыднева, с семьей которой у Р.Ф. Дорониной были давние, практически родственные отношения, и Наталия Михайловна Куренная. Огромное им спасибо за это.

Зеленоватую обложку книги «Сотрудники Института славяноведения Российской Академии наук. Библиографический словарь» (М., «Индрик», 2012) украшает рисунок художника Е.И. Куманькова «Трубниковский переулочек», где когда-то долгое время помещался Институт. Там изображены зимние сумерки, запорошенные снегом мостовая и тротуар, одинокие прохожие и группа желтоватых старинных особнячков, освещенных то ли невидимыми фонарями, то ли вечерней зарей. Один из них удивительным образом напоминает здание Института славяноведения с входом на его старый, почти сельский дворик. Такое впечатление, будто художник специально рисовал с натуры место, где угадывается знакомый многим нашим сотрудникам особняк. Картинку эту разыскала и предложила редакторам словаря Р.Ф. Дорониной как напоминание о молодости родного Института, выразив и тем самым свою любовь и привязанность к нему.

Уйдя из жизни, Регина Фридриховна не ушла от нас. Она оставила в наследство свои замечательные труды и добрую светлую память.

#### **Информация об авторе**

Будагова Людмила Нораировна,  
доктор филологических наук,  
зав. Отделом истории славянских литератур  
Института славяноведения РАН.  
Москва, Российская Федерация.  
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1945-7612>  
E-mail: [ludmila.budagova@gmail.com](mailto:ludmila.budagova@gmail.com)

#### **Information about the author**

Ludmila N. Budagova  
Dr. Hab. (Philology),  
Head of the Department of the History  
of Slavik Literatures, Institute of Slavik Studies  
of the Russian Academy of Sciences.  
Moscow, Russian Federation.  
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1945-7612>  
E-mail: [ludmila.budagova@gmail.com](mailto:ludmila.budagova@gmail.com)



## БАКАЛАВРИАТ

История  
Культурология  
Археология



## МАГИСТРАТУРА

Модели всемирной истории  
Культура массовых коммуникаций



## АСПИРАНТУРА

История  
Культурология

Комплексные образовательные программы разработаны специалистами исторического факультета с учетом последних научных достижений и современных общемировых тенденций.

В основе образовательного процесса — современные технологии обучения, направленные на развитие мышления и творческого потенциала личности, достижение успеха в профессиональной среде.

Студенты исторического факультета с первого курса погружаются в мир академической науки, слушают лекции ведущих российских ученых с мировыми именами и сами участвуют в научных мероприятиях. В образовательные программы, помимо обязательных дисциплин, предусмотрены федеральными стандартами, включены уникальные авторские учебные курсы.

## 5 ПРИЧИН ПОСТУПИТЬ В ГАУГН



### ВЫДАЮЩИЕСЯ ПРЕПОДАВАТЕЛИ

Ученые из научно-исследовательских институтов РАН, включая академиков, членов-корреспондентов, докторов и кандидатов наук.



### ИНДИВИДУАЛЬНЫЙ ПОДХОД

Мы не набираем на курс более 35 человек. Преподаватель общается с каждым индивидуально, помогает в выборе вектора профессионального развития.



### МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО

Некоторые лекции читают приглашенные специалисты из других стран. Большое внимание уделяется языковой подготовке.



### УДОБСТВО

Факультеты находятся в Москве в непосредственной близости от метро. Обучение в магистратуре и аспирантуре в основном проходит в вечернее время. Подать документы можно онлайн.



### СТУДЕНЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ

Студенты ГАУГН могут участвовать в многочисленных студенческих клубах («Что? Где? Когда?», Клуб политического анализа, Китайский разговорный клуб и др.).